

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И ПРОЛЕТАРИАТ

Борис Ихлов
российское политобъединение «Рабочий»

Уже не одно столетие буржуазные идеологи стремятся отделить марксизм-ленинизм от российского рабочего движения. Марксизм объявляют еврейской теорией, европейской теорией, касающейся только Европы, устаревшей, непригодной для современных рабочих, безбожной (а рабочие якобы привержены РПЦ), теории якобы космополитичной и т.д.

Не так давно вышла книга доктора исторических наук Александра Пыжикова «Корни сталинского большевизма» (<http://avidreaders.ru/download/korni-stalinskogo-bolshevizma.html?f=rtf>), где автор полностью лишает рабочих России каких-либо связей с марксизмом-ленинизмом и приписывает им старообрядчество. Казалось бы – нелепость, но автор посвящает этому целую книгу, обильно снабженную ссылками. Дело в том, что имеется социальный заказ – РПЦ сделала всё, чтобы дискредитировать себя. Потому нужно навязать низам религию в другой форме.

Комментарии – жирным шрифтом и кеглем крупнее.

Старообрядчество – реакционное течение, возникшее в середине XVII века в связи с реформой патриарха Никона. Внешняя сторона – замена двуперстия троеперстием, земного поклона поясным. По сути реформа носила антифеодальный характер и была принята в штыки высшей знатью и высшим духовенством. Тем не менее, стрельцы, крестьянство тоже выступили против реформы, причем причиной протеста стал именно феодальный гнет. После восстания Пугачева старообрядческий протест в низах общества потерял социальный смысл.

Вплоть до начала XX века старообрядцы жили, в основном, в изолированных скитах или общинах, не связанных друг с другом, что облегчало власти их уничтожать. Они сильно разнились обычаями и идеологически, отмечает Н. М. Никольский.

В первой половине XIX века крестьяне массово покидали синод, «поступавшие на мануфактуры в качестве рабочих и приказчиков массами вступали в старообрядчество... Крестьянам был прямой расчет... перед ними открывались перспективы быстрого выхода из крепостного состояния и избавления от рекрутчины. ... за переход в старообрядчество выдавались на льготных условиях ссуды для выкупа на волю и покупались для них рекрутские квитанции».

Кроме того, крестьяне не меняли веру, но избавлялись от правительственного надсмотрщика в лице священника, отношения между старообрядческим попом и паствой были много демократичнее. (Никольский Н. М. История русской церкви. М. Политиздат, 1985, С. 319, 341).

Потому никакими идеологическими старообрядцами новоявленные рабочие не были и быть не могли, никаких широких слоев населения с особыми устоями беспоповцы не представляли. Потому цифры, приведенные и Пыжиковым, и официальной статистикой, сильно завышены.

Таким образом, старообрядчество было лишь преходящей формой возникновения одной из ветвей капитализма, не внесшего в него абсолютно никакой идеологии, никаких установок.

Что представляет из себя книга Пыжикова.

Посчитаем. 90 строчек на странице, 125 страниц интернет-текста, 22 страницы ссылок, 103 страниц с текстом. Сами цитаты: $1305 \times 3/90 = 44$. Фамилия автора плюс скобки: $1305 \times 1/3/90 = 5$ страниц.

Повторения на каждой странице предыдущей страницы – пусть 5 строк, $5 \times 103/90 = 6$

$103 - 44 - 5 - 6 = 48$ страниц собственного текста, 71 страница – ссылки и цитаты.

И этих 48 страничек хватило, чтобы нагородить горные перевалы чепухи.

Причем Пыжиков, по большей части», не цитирует, он раскавычивает цитату. Потому, если не смотреть источник, в принципе нельзя разобрать: то ли раскавыченный текст близок по смыслу к цитате, то ли это буйные фантазии Пыжикова. И мы увидим, что именно фантазии.

Другая методологическая «ошибка» Пыжикова – он регулярно подчеркивает, что тот или иной политический деятель – выходец из старовойсковой среды, его жена вышла из беспоповской среды и т.п. Но это вовсе не значит, что сам этот деятель – старообрядец или близок старообрядчеству по менталитету. Недаром Пыжиков ни разу не отмечает, что какой-либо политический деятель – старовер.

А Ленин – выходец из дворянской среды, Энгельс – из капиталистической среды...

Еще одна ошибка Пыжикова – отождествление черносотенства (шовинизма), старообрядчества и патриотизма. Согласно Пыжикову татарин Егоров, грузин Кантария или порядка 400 евреев, участников ВОВ, Героев Советского Союза, никакими патриотами не являются, много чести. И какой, согласно Пыжикову, из Пушкина русский поэт, если он инородец, да еще семит, поскольку эфиоп.

Есть книга для еврейских националистов под названием «Быть евреем». Видимо, Пыжиков силится сконструировать ее русский аналог.

Кроме всего, Пыжиков неверно приписывает аскетизм староверов, живших в скитах, беспоповцам, жившим в деревнях и городах. Причем аскетизм первых он выводит из православия, хотя этот аскетизм был жестко детерминирован именно бытием скита.

В самом же православии отход от аскетизма произошел еще тогда, когда менялся состав общины, когда выделялись богатые. Тогда Евангелие от Луки, где утверждалось, что «богатство само по себе вредно, только бедные вступят в царство божие» (Лука, 6:20) заменялось Евангелием от Матфея, где богатство по-прежнему порицалось, но испытывало эдакую духовную склонность к нищете, от блаженных и нищих у Луки к блаженным и нищим «духом» у Матфея (Матфей, 5:1-12).

Но если уж старообрядцы приобрели благие качества от религии, так они должны были бы приобрести и весь садизм, которым переполнено не только православие, но и все религии без изъятия.

Пыжиков без стеснения пишет о некоем «религиозном опыте русского народа». Но ведь фольклор о религии – это и есть религиозный опыт! Ну, например.

- За Богом пойдёшь, ничего не найдёшь..
- Паши не для Иисуса, а ради хлеба куса.
- За деньги и бога можно купить.
- Где страх, там и бог.
- Взять боженьку за ноженьку, да и об пол.
- Бог да поп тогда хорош, пока разум плох, а с ясным умом и без них проживём.
- Бог пристанет - и попа приставит.
- Пост не мост, можно и объехать.
- Свой вертеп лучше Синайской горы (т.е. свой кабак для русского мужика ценнее горы, где Моисей беседовал с богом)
- Сковородный звон лучше колокольного.
- Бог беззубому дает орехи.
- Бога просить - что решетом воду носить.
- Бог поберег и вдоль и поперек.
- Среда да пятница в доме не указчица.
- Старичок Сергеюшка в шелк-бархат всю братию одел (пословица говорит о Троице – Сергиевой лавре).
- Зачал говеть, да стало брюхо болеть.
- Что богу дали, то, считай, потеряли.
- За богом пойдёшь - ничего не найдёшь.

И сам же Пыжиков подтверждает:

«... известный сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа» увидел свет после 7 лет мытарств, т.к. синодальных чиновников сильно смущала та сторона крестьянского эпоса многих великорусских регионов, который демонстрировал неприязненное отношение и насмешки над господствовавшей церковью. «Зачем монахам рай, им и на земле не хуже», «Родись, крестись, женись, умирай – за все попу деньгу подавай», «Клопы – не попы: тело едят, а душе не вредят», «Денежная молитва – что острая бритва, все грехи сбреет» – вот некоторые примеры устного народно-крестьянского творчества.»

- Разумеется, Пыжиков игнорирует пословицы и сказки, отвергающие религию.

Пыжиков сам, сам приводит обширные данные об отрицании религии у рабочих:

«Знакомство с материалами показывает, что рабочим, занятым в крупной индустрии, была присуща жгучая ненависть ко всему, что связано с официальной церковью... по ежегодным отчетам епархиальных епископов в Св. Синод... обратимся к материалам, поступавшим из промышленных губерний Центра... из Костромской епархии сообщали: «Разврат свил себе прочное гнездо между фабриками, фабричная атмосфера приносит величайшее зло, легкомысленное отношение к церковным установлениям, холодность к церкви, сочувствие к социализму». Особенно неблагоприятное отношение к церкви заметно в фабричных районах, население которых демонстрирует непочтительность к духовным особам, держит себя высокомерно, избегает священнического благословения. ... Из отчетов Нижегородской епархии следовало, что крупные фабрики и заводы оказывают вредное влияние на жителей окрестных сел и деревень, разжигают увлечение социальными вопросами и «стремление разрешать их в духе того общественного порядка, который покоится на отрицании всякой сословности и всяких традиций». Антирелигиозная пропаганда в губернии «свила себе прочное гнездо в фабриках и заводах. Немало здесь уже лиц, которые не только смотрят на религию безразлично, но и распространяют взгляд о желательности упразднения церкви...» ... В отчетах из Владимирской епархии говорилось: «фабрика – это зло, действующее развращающим образом на религиозно-нравственную жизнь православного населения... В отчетах из индустриальной Екатеринославской губернии... среди рабочих заводов, шахт и рудников... отмечалось полное безразличие к религии. ... К священникам обращаются в случае крайней необходимости – по условиям гражданской жизни. Причем называют их, в лучшем случае, «товарищ», а нередко и «кровопийца-живодер». ... в СПб для нравственного увещания заводских рабочих отрядили архимандрита Амвросия. В сопровождении двух монахов он разъезжал по питерским предприятиям с беседами о благе церкви. Однако слушать его собирались в основном только женщины и некоторые рабочие, а вскоре и они стали проявлять недовольство, за что некоторые даже подверглись аресту... на одной из фабрик в архимандрита «полетели рваные

галоши и прелый картофель, после чего его поездки по заводам прекратились». Среди русских рабочих Юзовского з-да в Донбасском регионе большой популярностью пользовалась листовка под названием «Поп и черт». На Сормовских заводах под Н. Новгородом толпы рабочих через своих выборных требовали отмены установленного администрацией вычета одного процента из заработной платы на постройку и содержание местной церкви. Угрозы всеобщей забастовки в случае сохранения церковных вычетов выдвигались в Сормове постоянно, о чем свидетельствуют воспоминания самих пролетариев. ... один работник московской «Трехгорной мануфактуры» говорил, что, следуя примеру отца, за долгие годы посетил церковь всего лишь раз по необходимости – когда скончался его родитель. Другой рабочий этой фабрики вспоминал, что его отец – не будучи атеистом – всегда был резко настроен против начальства и попов (служителей РПЦ он называл «дармоедами»). Рабочий московского завода Гужона рассказывал, что его родители были набожны, но при этом его мать, встречая на улице попа, считала это дурным предзнаменованием. Иваново-вознесенский пролетарий Н. Махов делился детскими впечатлениями: «родственники старались избегать визитов в церковь, а отец постоянно материл священников и «все время, как я помню отца, говорил: у попа рука дурная».

И еще:

«... в отчете Екатеринославской епархии подчеркивалось, что работники заводов и рудников, большая часть которых – пришлые из русских деревень промышленного центра России – крайне далеки от церкви... осмысление данной проблемы и не шло далее стандартных заключений: типа заводы и фабрики разрушают православный быт, или крупная промышленность – это «лаборатория, в которой вырабатывается социализм».

- Насчет социализма говорить однозначно не приходится, а вот то, что капитализм вытеснял религию – это точно, вытеснял, с 16 века, не только руками великих ученых, но и административно. Потому что капитализму нужна была наука, а не молитвы.

В то же время Пыжиков считает русский пролетариат религиозным:

«... русский пролетариат был носителем той самой внецерковной, в широком смысле традиции...»

«... выявленные источники никак не позволяют считать, что дореволюционный русский пролетариат в принципе отвергал религиозную мотивацию. Красноречивый пример – забастовочная волна, охватившая промышленный Центр России в 1897 г. Как следует из документов, ее главной причиной стало сокращение выходных за счет праздничных дней. Владельцы заводов и мануфактур объявили рабочими днями религиозные праздники, ... что и вызвало бурю негодования. В результате обстановка в Центрально-промышленном регионе... накалилась как никогда. Заметим, если бы рабочие были действительно проникнуты атеистическим духом, то подобная инициатива собственников не привела бы к массовым забастовкам, а тлеющая неприязнь к хозяевам выразилась по-иному».

- Но это не религиозная мотивация, это протест против ликвидации дней отдыха. Это же очевидно!

Далее Пыжиков в качестве доказательств приводит наблюдения нескольких частных лиц. Но дело вовсе не в том! Разумеется, в условиях царской России большинство населения верило в бога, по-иному и быть не могло. Совсем другое дело – какое место каждый отводил вере, какую роль она играла для каждого – первую, вторую или шестнадцатую. И Пыжиков убедительно показывает, что часть населения, пролетариат – в большинстве отвергал религию.

Однако по Пыжинову оказывается, что в сознании масс церковь, проповедующая существование бога, никак не связана с существованием бога. Проповедь церкви существования бога – никак не связана с отрицанием церкви!

И главное.

Рабочий становится буржуазен, пусть он хоть миллиард раз беспоповец. Ибо в капиталистическом обществе он пронизан буржуазными отношениями, подчинен им. В буржуазность рабочего загоняет процесс труда, общественное сознание рабочего класса определяется его общественным бытием, где царят гайка и конвейер.

Это поразительно.

Литература всех времен рисовала всё, что перед глазами. Но только советская литература, вся без изъятия, смогла обойти вниманием буржуазного рабочего.

И почему только советская. Мировая.

МИРИАДЫ АСКЕТИЧНЫХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Для начала Пыжиков повергает читателя в океанические глубины собственной логики.

«Безусловно, реалии революционного движения, а затем и компартии лишают смысла разговоры о какой-либо конфессиональной идентификации. Однако также верно и другое: в ту пору атеистами не рождались, а значит, представители народа несли в себе черты тех религиозно-психологических архетипов, которые закладывались на этапе личностного формирования и в дальнейшем определяли поведенческую модель. ... Любопытно также и то, в каких социальных группах наиболее ярко выразилась русская беспоповская традиция. Именно в этой связи предпринято выяснение конфессионального «лица» российского пролетариата – с середины 20-х основного источника резкого расширения ВКПб... Реформа богослужения, предпринятая патриархом Никоном при мощной поддержке властей, вызвала небывалые волнения чем-то напоминающие «смутное время» с польско-литовской интервенцией начала века. Изменение религиозного обихода по греческим образцам вызвало неприятие у значительной части населения. Простые русские люди, не отягощенные, в отличие от верхов, имперскими амбициями, отвергали навязывание подобных новшеств. ... Литературные памятники

старообрядческой мысли второй половины XVII в. подробно раскрывают суть претензий к навязанной сверху церковной реформе. ... Идеиное противостояние не ограничилось интеллектуальными спорами, быстро обретя силовой характер. Осада Соловецкого монастыря, бунт на Волге Степана Разина, стрелецкая «хованщина» в Москве – все это свидетельства борьбы, захлестнувшей Русь».

- То есть, у рабочих - никаких имперских амбиций. А как же национальное самосознание, о котором Пыжиков будет писать ниже?

Восстание Разина, вспыхнувшее почти сразу после реформы Никона, Пыжиков безграмотно относит к церковным противоборствам. На самом деле всё наоборот. Восстание произошло вследствие усиления феодальной эксплуатации, кроме того, Соборное уложение 1649 г. ввело бессрочный сыск беглых крестьян, плюс массовые сыски беглых крестьян 1650-60-х гг. с насильственным возвращением владельцам. Таким образом, восстание носило яркий антифеодальный характер. Старообрядчество же объективно поддерживало феодализм.

Далее Пыжиков пишет что-то невообразимое: «В результате (реформ Никона, Б. И.) Русская православная церковь, облаченная в «греческую веру», перестала восприниматься многими русскими людьми в качестве своей, родной».

Оказывается – церковь была родной! Профессор истории Пыжиков забыл, как огнем и мечом насаждалась «родная» православная вера на Руси.

Да, действительно, какая же церковь родная, если народ создал такие пословицы:

Напал, что поп на бабу.

У «честных» отцов не найдёшь концов.

Поп смирен духом, да велик брюхом.

Ряса просит мяса.

Попа и дурака в один угол сажают.

Вид у попа блискучий, а сам смердючий.

У Пыжикова из-за происков Петра «Раскольниковый мир прочно обосновывался в народных низах, стараясь минимизировать контакты со структурами империи». Смотрим, как на самом деле.

В 1917 году численность рабочих в России была около 12,9 млн.

В 1925-м число рабочих в промышленности СССР составляло 1,8 млн (151,5% к 1920 г.).

В 1937 г. – 17,5 млн.

В 1939-м – 33,7 млн (Труд в СССР. М.: Финансы и статистика. 1988. С. 10). По другим данным в 1940-м – лишь 19,7 млн, в промышленности 8,3 млн., на транспорте 2,4, в строительстве 1,9, в сельском хозяйстве 1,6 млн. рабочих.

В 1923 году партия насчитывала 386 тыс. чел., в 1924 году 735 тыс. чел., в 1927 году 1 236 тыс., в 1930 году 1 971 тыс., в 1934 — 2 809 тыс. чел.

То есть. Нужно понять, что в партию рекрутировались не столько рабочие, сколько вчерашние крестьяне. Как напрямую, так и переходя в разряд рабочих. Именно внедрение мелкособственнического крестьянского элемента в партию обусловило ее перерождение, доказывает сталинист, историк, профессор М. Г. Суслов в своей книге «Причины краха СССР».

Но потрясает замечание, что «атеистами не рождались». То есть, рождались прямо с крестиком, без всякого давления на сознание ребенка религии в семье, в школе, в церкви.

Пыжиков хочет сказать, что сама революция с антирелигиозным сознанием большевиков, а после 1917 года пропаганда социалистических норм не оказали никакого действия, а давление религии сохранялось? Ведь как же иначе можно стать старообрядцем.

Сколько же всего было старообрядцев? По официальным данным

«... удельный вес среди населения империи не превышал тех же 2%. А Екатерина II в 1782 г. вообще сняла эту проблему, отменив их двойное налогообложение, что фактически означало ослабление учетных мероприятий... Известный знаток раскола П. И. Мельников-Печерский доводил их количество в середине XIX века до 700 тыс. человек».

- То есть, по мнению Пыжикова, их было гораздо больше. Но тут же приводит данные о 0,7 млн, то есть, порядка 0,5%.

В петровские годы дворяне никак не хотели подрывать свою власть и развивать промышленность. На помощь пришли старoverы:

«... Петр I, давший импульс фабрично-заводскому развитию, столкнулся с явным нежеланием дворянства погружаться в производственные хлопоты. ... Эта ситуация обусловила привлечение к торгово-мануфактурной деятельности старообрядцев, отстраненных от административной вертикали и от собственности, т. е. земельного фонда. Начавшееся промышленное развитие давало им реальную возможность для выживания и сохранения своей веры в дискриминационных условиях. Поэтому старoverческая мысль обосновала и санкционировала позитивное отношение к торговле и производству, уравнивая его с благим трудом земледельца ... Исследователи... находили немало общего в отношении к промышленному созиданию у русских старoverов и западных протестантских течений. ...

В староверах, по аналогии с протестантами, усматривали таких же носителей здорового капиталистического духа. Однако староверческие реалии оказались ориентированы совсем на другое, имевшее не много общего с приоритетом буржуазных ценностей. Находясь под государственно-церковным прессом, староверы вынужденно нацеливались не на частное предпринимательство с получением прибыли в пользу конкретных людей или семей, а на обеспечение жизнедеятельности своих единоверцев. Только такие общественно-коллективистские механизмы представлялись оптимальными в том положении, в котором жило русское старообрядчество. А потому его религиозная идеология освящала экономику, предназначенную не для конкуренции хозяйств и обоснования отдельной избранности, как у протестантов, а для утверждения солидарных начал, обеспечивающих существование во враждебных условиях.

- Действительно, среди русских капиталистов были и старообрядцы. Но если верить тому, что тут настрогал Пыжиков, то старообрядцы служили тормозом развития производства. Потому что «прибыль в пользу конкретных людей или семей» не проедается этими конкретными людьми или семьями, а идет на расширения производства. Проедающие или откладываемые прибыль армии единоверцев не давали экономике шанса.

И вот подтверждение самого Пыжикова:

«Духовные и организационные правила, по которым развивались староверческие хозяйства, формулировались в знаменитой Выговской поморской общине. Их красугольным камнем явились отношения равенства всех членов общины, как в хозяйственном, так и в духовном смысле. Род занятий, положение в общине зависели от способностей каждого и от признания их со стороны единоверцев: простой крестьянин мог стать наставником или настоятелем. Это обеспечивала практика внутренней открытости и гласности, когда ни одно важное дело не рассматривалось тайно. Любой имел право заявить свои требования, и они выслушивались и поддерживались в случае, если другие считали их сообразными с общей пользой. В такой атмосфере решались также и ключевые хозяйственно-экономические вопросы. Содействие внутриобщинных сил, братское доверие позволили Выговскому общежителю скопить громадные капиталы – своего рода общую кассу для различных коммерческих инициатив».

- То есть, «инициативы» лишь маячили в будущем, капитал не работал постоянно, он длительное время накапливался, лежал без движения. Далее Пыжиков так и не указывает, на какие инициативы пошли капиталы. То есть, остались мертвым грузом.

И этому есть объяснение. Читаем:

«В результате Выговское староверческое общежитие трансформировалось в самодостаточную, независимую от властей структуру, развивающуюся по своей внутренней логике. ... В первой половине XIX в. эти черты вызывают уже серьезные опасения... у московского митрополита Филарета, прямо объяснявшего распространение раскола существованием в нем общественной собственности, которая, будучи его твердою опорой, «скрывается под видом частной». К тому же раскольничьи наставники, проживающие не где-нибудь, а в столице на Охте (имелся в виду П. Онуфриев – Любопытный), в своих сочинениях открыто «проповедуют демократию и республику». По убеждению знаменитого архиерея господствовавшей церкви, это доказывает, что раскол стал особой сферой, «в которой над иерархическим господствует демократическое начало. Обыкновенно несколько самовольно выбранных или самозванных попечителей или старшин, управляют священниками, доходами и делами раскольничьего общества... Сообразно ли с политикою монархической усиливать сие демократическое направление?» – вопрошал митрополит Филарет». ... очевидно, что собственность, принадлежащая не конкретным людям, а общине через механизм выборов наставников и попечителей, не могла быть частной. Хотя для внешнего мира и государственной власти она именно такой и представлялась. Внутри же староверческой общности действовало правило: твоя собственность есть собственность твоей веры».

- То есть, у старообрядцев, по Пыжикову – хороший капитализм. Разумеется, никакой общественной собственности у старообрядцев не было и быть в отдельно взятом производстве не могло, ее упоминание Филаретом – лишь элемент конкуренции. Никакого общественного распоряжения тоже не было, на многочисленных современных примерах промышленных кооперативов (Мондрагона, колхоз Чартаева и др.) мы знаем, что управление концентрируется в одних руках, рабочие не имеют высшего образования, чтобы заменить руководителя.

Пыжиков сам приводит пример:

«Православный священник И. Беллюстин, публиковавший заметки о старообрядчестве, описывал посещение сапожного производства в большом (в несколько тысяч человек) раскольничьем селении Кимры Тверской губернии. Староверы образовывали здесь артели по 30–60 работников, которые не только обладали правом голоса по самым разным вопросам, но и могли подчинить своему мнению «хозяина» производства. И. Беллюстин оказался, например, свидетелем горячих споров в артели о вере: «... Тут нет ничего похожего на обыкновенные отношения между хозяином и его работником; речью заправляют, ничем и никем не стесняясь, наиболее начитанные, будь это хоть последние бедняки из целой артели; они же вершат и иные поднятые вопросы».

Ясно, что Беллюстин не услышал бы горячих споров об управлении или распоряжении капиталом в старообрядческой «коммуне». «Последние бедняки» могли что-то усвоить из Библии, но бедняки всей России были безграмотными и не могли принять участия в управлении. Как говорил Бакунин, буржуазии для удержания своего господства достаточно одной привилегии – образования.

Более того: развитие производства ограничивалось еще и тем, что сама старообрядческая вера отталкивала от образования, читаем подтверждение у Пыжикова, о съезде беспоповцев:

«Характеризуя съехавшихся на него староверов из разных регионов страны (около 250 человек), чиновник МВД отмечал: «Невольно обращало на себя внимание полное отсутствие в составе съезда лиц более или менее интеллигентных: съехались

начетчики, ремесленники, крестьяне (рабочие), мелкие торговцы». ... многочисленные беспоповские массы не стремились к общению с образованным российским обществом. ... Диагноз Бонч-Бруевича: «Эта среда – крайне замкнутая, тяжелая, своеобразная, чуждая и даже нередко враждебная всей новой «психологии»... и смотрящая на интеллигенцию крайне подозрительно»»

- Ключевые слова здесь у Пыжикова – «находясь под государственно-церковным прессом». Дело в том, что именно коллективная собственность, точнее, поскольку она реально не коллективная, но ее юридическая регистрация, является охранной грамотой для капитала, от его рейдерского захвата государством или конкурентами. Реально же управление капиталом – в руках одного-двух человек.

Но, разумеется, староверческие капиталисты конца XIX в. – начала XX в. ничем не отличались от еврейских, немецких или французских, целью их производства точно так же была прибыль, собственное обогащение, они точно также угнетали рабочих, устраивали локауты и пр. Православная вера, в том числе в своей старообрядческой форме, не отрицает обогащение, она ему потворствует.

«По некоторым оценкам, - пишет Пыжиков, - на протяжении XIX столетия купцам-староверам принадлежало от 30% до 60% капиталов царской России, хотя другие считают это явным преувеличением».

- Да, скажем вслед за «другими» - явное преувеличение.

Далее Пыжиков уже откровенно рисует реакционный характер старообрядчества:

«... можно определенно уточнить: старообрядчество – это типично черносотенная среда, абсолютно невосприимчивая к религиозно-сектантским новациям. И если невозможно представить духоборов, хлыстов, молокан, евангелистов, выдвигающими постулат – «русское превыше всего», то для староверческих кругов эта идея как раз и является питательной почвой, вне которой они просто не могут существовать. ... отсутствие священства и минимизация обрядов не могло служить «противоядием» от черносотенства. Доказательством данного утверждения является тот факт, что вместо сектантского староверческие массы подпадали под совсем иное влияние. Активное присутствие старообрядцев из низов наблюдалось, прежде всего, в правых организациях откровенно черносотенного толка, где они стали неотъемлемой частью антуража. Их идеи оказались созвучны менталитету староверческой среды: православие провозглашалось господствующей верой Российской империи... Либеральные же российские партии, напротив, в своих программах делали акцент на безусловной свободе вероисповедания...»

Противники либералов, большевики тоже отстаивали свободу вероисповедания. Им не нужна была религия, охранявшая отживающую полуфеодалную монархию, тормозящая развитие капитализма. Об этой охране пишет сам Пыжиков:

«Как отмечал Д. С. Мамин-Сибиряк, старообрядцы заявляли, что они далеки «от всех этих бунтов», где «ваши православные смутьянят». Такую же позицию занимали старообрядцы и на форумах правых сил. К примеру, с трибуны III Всероссийского съезда русской земли они с гордостью говорили о том, что никто в их рядах не позволил себе крамольных идей или выпадов против Отечества (за исключением одного негодя – убийцы Плеве Сазонова, который проклят истинно русскими людьми). Как известно, главной целью правого движения являлась поддержка монархии, и патриотически настроенные старообрядцы шли здесь в первых рядах. Так, лидер Союза русского народа А. И. Дубровин говорил о доставке и вооружении 20 тыс. старообрядцев, готовых навести порядок в Петербурге, очистив город от революционных элементов».

И еще: «Фабрично-заводские рабочие по преимуществу были подвержены черносотенным настроениям... На Путиловском заводе «черная сотня» была весьма популярна, тогда как счет большевиков-рабочих на предприятии шел на единицы. ... На Брянском заводе в Екатеринославской губернии многие работники состояли в Союзе русского народа, их влияние чувствовалось в каждом цехе. Черносотенного пролетария отличало резко негативное восприятие других национальностей. Так, на заводах и рудниках Донбасса рабочие то и дело пытались учинить насилие над еврейским населением региона. Постоянные стычки происходили там и с бельгийскими рабочими, привезенными в Россию иностранным инженерным персоналом. В Петербурге на промышленных предприятиях трудились финны, эстонцы, латыши: они также становились объектом ненависти русских рабочих, объединявших их под одним названием – «немцы»... Так же относились русские рабочие и к полякам. Словечки «жид», «польская морда», «чухонская обезьяна» были обиходными. На уральском Надеждинском горно-металлургическом заводе, куда привлекались китайские рабочие, нередко доходило до вспышек национальной вражды. Центром черносотенцев стала промышленная Москва. Движение получило название «зубатовщина» – по имени начальника Московской охраны Зубатова».

Здесь, мягко говоря, две неточности. Термин «немцы» появился задолго до появления петербургских заводов, при Петре I так называли тех переселенцев, кто не умел говорить по-русски.

Во-вторых, зубатовщина – это не черносотенство. Зубатов организовывал группы рабочих, поддерживавшие царя. Но не в виду не русского врага, а в виду буржуазии. С кем предлагают рабочим бороться большевики? С капиталом, с его представителями, буржуа. Так боритесь! И царь вам в этом подмога.

При этом ниже Пыжиков следует профессору И. Х. Озерову, который считал церковь капиталистическим учреждением! Но главное: Пыжиков сам, сам в своей ошибке с Зубатовым подтверждает тот факт, что шовинизм был не врожденным, а «благоприобретенным», черносотенство активно насаждала против революционеров власть, Николай II с гордостью носил орден Союза Михаила Архангела. И сам же Пыжиков ниже на это укажет! И никаких противоречий в своей писанине он не замечает.

Итак, староверы не любили революционеров. Но тот же Пыжиков положительно упоминает Морозова в староверах, а тот помогал большевикам.

«Патриотов» староверов, которые выше у Пыжикова вовсе не обладали национальным самосознанием, он, естественно, противопоставляет большевикам-интернационалистам:

«Напомним, еще Ленин был убежден, что российскому пролетариату присуща яркая интернациональная психология».

И дает ссылку: Ленин В. И. Рабочий класс и национальный вопрос. ПСС, Т. 24. С. 128.

Пыжиков не указывает издание, а в 5-м издании это не 24-й, а 23 том, стр. 149-150. Это коротенькая заметка. Вот что там пишет Ленин: «Один только пролетариат отстаивает в наши дни истинную свободу наций и единство рабочих всех наций. ... Рабочие создают во всем мире свою, интернациональную культуру...» И мы видим, как это «интерпретирует» Пыжиков!

Пыжиков не упоминает брошюру Ленина «О национальной гордости великороссов», не хочет он и цитировать книжку Горького о Ленине, где писатель подчеркивает русскость Ленина, не цитирует Пыжиков и Грамши: «Ленин был великим интернационалистом потому, что был глубоко национален».

Во что бы то ни стало Пыжикову надобно отделить рабочих от большевиков-интернационалистов, не только идеологически, по менталитету, но и в практике рабочего движения.

«... в пролетарской среде Петербурга, - пишет он, - имелось достаточно «горючего материала» для мощной забастовки, и она действительно вспыхнула в 1896 г. В мае состоялась коронация Николая II, и владельцы столичных предприятий объявили трехдневный выходной, а потом решили эти дни рабочим не оплачивать. В ответ забастовали свыше 30 тыс. человек. Как утверждали очевидцы, стачка явилась полной неожиданностью не только для правительства, полиции, жандармов, но и для «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»... В ней приняли участие самые забытые рабочие, обычно не откликавшиеся на пропаганду социалистов. Директор-англичанин одной крупной питерской фабрики недоумевал: «Кто вас надоумил устраивать стачки?» Советские историографы сообщали, что движение возглавил ленинский «Союз борьбы». Однако сами ткачи и прядильщики уверяли, что у забастовщиков был организован свой подпольный стачечный совет, куда входили представители фабрик и заводов. А руководящая роль «Союза борьбы» выразилась в подготовке воззваний и листовок, в сборе средств... непосредственные участники тех событий говорили, что члены Союза «были скорее агентами по собиранию сведений о положении дел и по распространению книг и напечатанных уже листовок, чем организаторами и пропагандистами среди массы рабочих». Эти листовки были напечатаны с грамматическими ошибками: очевидно, их подготовка никак не могла быть результатом творчества интеллигентных революционеров, чья роль больше походила на вспомогательную, чем на руководящую. Ну и наконец, нужно помнить о главной цели стачки: бастующие хотели заставить хозяев оплатить коронационные дни, и любой другой исход воспринимали как оскорбление, прежде всего – императора. В этом случае руководящая роль «Союза борьбы» выглядит весьма анекдотично: получается, Ленин со своими товарищами возглавили борьбу пролетариата за уважение к царю!»

- Пыжиков фантазирует: представьте, рабочим отказали в оплате выходных, а они восприняли это как оскорбление царю. Больше нелепости не придумать.

На самом деле всё было по-другому.

23 мая ткачи Российской бумагопрядильной мануфактуры потребовали от администрации фабрики уплаты за коронационные дни. Администрация выдала им деньги. Ткачи этим не ограничились и заявили фабричному инспектору, что требуют уплаты за те лишние минуты, которые они работают ежедневно из-за того, что машины запускаются раньше положенного.

27 мая забастовали Екатеринбургская бумагопрядильная мануфактура, затем В следующие дни стачку поддержали другие мануфактуры, расположенные на Обводном канале, за Нарвской и Невской заставами: две «Кениговских» мануфактуры, «Новая», «Митрофаньевская», «Триумфальная», «Невская», «Кожевниковские», в июне забастовали ткачи мануфактур «Невка», «Сампсоньевская», «Бек» «Новая Сампсоньевская», «Охтенская».

Непрерывно шли рабочие собрания, добавилось требование сократить смены до 12, затем до 10,5 часов. рабочие возмущались невозможностью для них учиться в школах. О каком оскорблении императора может идти речь?? К слову, не менее нелепо рисует забастовку на Невской бумагопрядильной и Достоевский в «Бесах».

Но Пыжиков ломится в открытую дверь. Разумеется, Петербургский союз за освобождение рабочего класса был невелик и не мог руководить стачкой. Однако кто сказал, что союз обязательно должен был ей руководить?

Ленин подчеркивает слова рабочего депутата в Думе, который рассматривает социал-демократию лишь как один из отрядов европейского рабочего движения. В проекте программы РСДРП Ленин пишет: у социал-демократии нет задачи построения партии, у нее есть задача помощи рабочим в их самоорганизации. Социализм, повторяет Ленин Маркса, есть живое творчество масс. Понятно ли? Нет

партийное творчество, а творчество масс, творчество не может быть руководимым! Партия – и это показала история краха КПСС – лишь одно из орудий в руках рабочего движения.

«С 1904 г. (с отставкой Зубатова), - пишет далее Пыжиков, - центр черносотенного движения перемещается в СПб. Здесь появляются рабочие организации, создаваемые священником Гапоном...»

Пыжиков связывает гапоновщину с черносотенством. Не слишком лихого? На самом деле, когда Гапона обвинили в предательстве и в получении денег от Витте, в том числе черносотенные организации начали выпускать антигапоновские памфлеты.

Вот еще одно замечание:

«... в черносотенной атмосфере... Внецерковная традиция держалась... на старообрядческом беспоповстве...»

- Теперь, со слов Пыжикова, мы узнаем, что рабочий класс России в подавляющем большинстве не был черносотенным.

«Использование термина *старообрядчество*, - пишет Пыжиков, - в контексте нашего исследования не совсем правомерно. Важно уточнить, какое старообрядчество имеется в виду – поповцы или беспоповцы. Две эти староверческие ветви, давно оформившиеся в недрах раскола, к концу XIX – началу XX столетия обслуживали (в социальном смысле) совершенно разные идейные направления».

- Ой ли. Обе ветви представляли религию. Обе – православную. Обе – против РПЦ. Обе – за царя, монархию, феодализм. Разница – несущественна.

Пыжиков лжет и лжет как бог на душу положит:

«... поповское согласие можно характеризовать как своего рода «олигаргическое»: к нему принадлежали, или вышли из него более 90% купеческих миллионеров и крупных предпринимателей. Такая церковная организация, созданная в середине XIX века и существовавшая на деньги богатых, не могла одобрять ничего, что хоть в какой-то степени угрожало крупной частной собственности, и также как РПЦ провозглашала ее безусловную «святость» и «благость». Хотя в количественном отношении поповцы составляли менее 10% от всего староверческого мира, они уверенно претендовали на роль главного выразителя чаяний всего староверия. Обладая полноценной инфраструктурой и тягой к публичности, поповская церковь представляла собой видимую вершину огромного староверческого айсберга, остальные 90% которого составляли различные беспоповцы».

- Все старообрядцы – 0,7 млн чел., поповцы, по данным Пыжикова – 70 тыс. чел. Неизвестно, сколько из них были купцами. В 1951 г. число купцов всех трёх гильдий было 180 тыс. чел. Как ни прикладывай, число беспоповцев – менее 33%, если же учесть, что из всех поповцев вряд ли каждый десятый был купцом, то число все старообрядческих купцов – порядка 3%. Правда, в 1912 году гильдейское купечество насчитывало чуть более 30 тысяч человек. Но вот беда: законодательство 1863 года ликвидировало деление купечества на три гильдии по оценке капитала предприятия (в 1807 г. 1-я гильдия -- 50000 р., 2-я - 20000, 3-я -- 8000 р.). Где Пыжиков нашел миллионеров – неизвестно.

«Многочисленные беспоповские толки, - уверяет Пыжиков, - не испытывали потребности в регистрационных процедурах, публичности культа и поэтому как бы растворялись среди крестьян, рабочих, мелких торговцев... Именно в этой среде «жили» не частнособственнические, а солидарные, коллективистские принципы, которые представлялись беспоповцам оптимальными для противостояния чуждому им никонианскому государству. Согласно этим воззрениям, легитимировать собственность может только труд».

- Это как при первобытном коммунизме? Разумеется, такая частная собственность, как автомобиль с гаражом, которую в СССР стыдливо именовали личной, была легитимизирована трудом. Такая частная собственность, как средства производства – тоже легитимизирована трудом, трудом предпринимателя. Ну, а уж какие коллективистские принципы у такого мелкобуржуазного слоя, как мелкие торговцы, и говорить нечего.

Но еще раз: солидарность гетто как небо от земли отличается от пролетарской солидарности, которая рождается крупным производством и борьбой с капиталом.

«И поэтому, - продолжает Пыжиков, - в отличие от капиталистически настроенной верхушки поповцев, беспоповцы считали, что заводы и фабрики, создававшиеся руками нескольких поколений их единоверцев, принадлежат им, а никак не владельцам. Разумеется, подобное осознание антисобственнических устремлений русского рабочего, базирующееся на религиозном менталитете, выглядит необычно».

- Сверх всего, Пыжиков, ничтоже сумняшеся, государство, подчинившее себе церковь, объявляет никонианским. Хуже: «никонианская» феодальная монархия объявляется поборником частной собственности! И даже капитализма.

Конечно же, русские рабочие-беспоповцы ненавидели частную собственность. Получая зарплату, они тут же плевали на нее и выбрасывали на помойку. Нет! Тут же солидарно делился со всеми на улице. Если кто приходил к рабочему-беспоповцу в дом, чтобы забрать его одежду, прочую частную собственность, рабочий радовался. Еще более благородно вели себя крестьяне-беспоповцы. Попробуй, отбери у них корову – зацелуют!

Такая собственность, как завод, должна принадлежать рабочим. Это и есть антисобственничество? Дым в голове Пыжикова – топор вешай. Стало быть, лозунги «земля - крестьянам», «фабрики – рабочим» были придуманы, согласно заголовку книги Пыжикова, беспоповцами. Спасибо, Пыжиков. Порадовал.

«В советскую эпоху о специфике промышленного труда рассуждали в традиционном марксистском стиле типа: крестьянин за вычетом податей становился владельцем продуктов труда, а потому понятие собственности являлось для него не пустым звуком, в фабрично-заводском же производстве подобная мотивация отсутствовала. По этой причине народная традиция трудолюбия у пролетариата претерпевала глубокие изменения, очищалась от частнособственнических позывов, ее идейное содержание поднималось на более высокий уровень. О том, что эти антисобственнические представления – продукт определенного религиозного мировоззрения, в советский период... никогда не рассматривалось всерьез... когда сегодня говорят об участии староверов в индустриальном строительстве России, то обычно имеют в виду исключительно купечество поповского согласия. А пролетарские низы формировались главным образом из беспоповцев; из них к концу XIX в. на 80% состояли старообрядческие фабрично-заводские кадры, именно они, миллионы простых старообрядцев-беспоповцев, обеспечивали промышленный подъем страны. Трудились они не только на активах, оказавшихся в собственности купеческих «благодетелей», но и на производствах, создаваемых казной или учреждаемых иностранным капиталом. Возникавшие фабрики и заводы вбирали потоки староверов из Центра, с Поволжья и Урала, из северных р-нов. Каналы согласий (землячества), выступавшие в роли своеобразных «кадровых служб», позволяли староверам свободно ориентироваться в промышленном мире, перемещаясь с предприятия на предприятие... рабочие-староверы не в меньшей степени олицетворяли тот дух протестантской этики, о котором сегодня любят рассуждать, говоря о купцах, вышедших из раскола. Более того, в начале XX века российский рабочий класс, числясь православным, в большей мере, чем купечество, придерживался старообрядческих беспоповских традиций».

- Никакого марксистского стиля тут нет, и в советскую эпоху так не рассуждали, И в СССР, и во всем мире рабочие были и есть пронизаны буржуазными фанаберскими отношениями. Никаких *)%, никаких миллионов беспоповцев в царской России не было в помине, это большие фантазии Пыжикова, ни на чем не основанные.

Самое смешное, что Пыжиков наделяет рабочих-беспоповцев какими-то уникальными аскетическими, уравнилельно-коммунистическими устремлениями. Но если рабочих-беспоповцев было 80%, то рабочий-беспоповец был настолько анти-собственником, что объединялся в профсоюзы и боролся за увеличение частной собственности в виде зарплаты! Рабочий Шляпников, которого Пыжиков записал в беспоповцы, гордился тем, что выиграл суд по заплате у капиталиста.

И только у Пыжикова, Гундяева или Путина российский рабочий класс числится православным. Что касается уральских заводов. Рабочие здесь были наделены земельными участками. В 1921 году какому-то чиновнику пришла в голову мысль издать указ, лишаящий их собственности. Тогда вспыхнуло мощное Миасское восстание, которое охватило Пермь и другие города Урала. Подавлено силой оружия.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Далее Пыжиков начинает разделять партию плохих интеллигентов, которые пропадали за границей и знать не знали России, и почвенников.

«... процесс создания партии был полон внутренних противоречий и имел не много общего с идиллией «Краткого курса». Расклад сил в то время определяли два центра, сложившиеся к 1905 г. – ко времени проведения III съезда РСДРПб. В первый центр входили представители революционной интеллигенции, литераторы, большую часть времени проводившие в Европе, т. е. в эмиграции... именно эта публика преобладала на II съезде, заседавшем в Брюсселе-Лондоне в 1903 г. Подкованная в вопросах теории, с Россией она была связана «весьма слабыми узами»... в партии все громче заявляли о себе руководители комитетов, нелегально возникавших в различных российских регионах. Их появление на III съезде существенно преобразило внутрипартийный ландшафт. Эти практики в отличие от интеллигентов-эмигрантов непосредственно взаимодействовали с пролетарской средой, и отсюда проистекало сознание их собственной значимости в революционном движении. Как вспоминала Крупская: «... комитетчик был обычно человеком довольно самоуверенным... никакого внутрипартийного демократизма не признавал: провалы одни от этого демократизма только получают, с движением и так мы связаны. Комитетчик всегда внутренне презирал за границу, которая-де с жиру бесится и склоки устраивает: посадить бы их в русские условия». Руководители комитетов, страстно желавшие «обуздания» за границы, заявляли, что «во главе оппозиции при расколах всегда стояли интеллигенты»... наличие в партии двух этих центров стало своего рода отправной точкой для зарубежных историографов. Они подробно прослеживали различия между их представителями: по партстажу, образованию, национальности... среди группы интеллигентов преобладали лица неславянского происхождения – 70%, тогда как в составе комитетчиков этот показатель не превышал 45%, да и образовательный их уровень оказался несравненно ниже».

- Пыжиков пользуется черносотенными данными, веры им нет. Но ведь и Ленин был за границей, да еще из дворян. Пыжиков хочет сказать, что комитетчики презирали Ленина? И Шляпников часто ездил за границу, и имевший высочайший авторитет в партии и у населения Троцкий.

«Как считают западные ученые, - ссылается на чужое мнение Пыжиков, - эти различия обусловили в партии глубокие расхождения, в 1920-х годах переросшие в открытый политический раскол.

- «Он еврей, он еврей! – кричал Сталин, тыча в Троцкого. А ты грузин хренов, - говаривал Сталину Бухарин...»

«На III съезде, - твердит Пыжиков, - схватка между этими силами развернулась по рабочему вопросу, точнее, по вопросу привлечения рабочих в партийные ряды. Эта проблема была действительно крайне актуальной, поскольку в партии, во всеуслышание объявленной пролетарской, присутствие самих рабочих было редкостью».

- Пролетарская партия или нет, определяется социальному адресу (рабочие), по задачам и по практике. Профессору Пыжикову стоило лучше учиться в студенчестве. Но во что он пишет дальше:

«Недостаточную вовлеченность пролетариев на партийную орбиту руководители комитетов объясняли слабой идейной подготовленностью рабочих, что затрудняло их использование в пропагандистской деятельности. Они призывали не переоценивать психологию русского пролетариата, «как будто рабочие сами по себе могут быть сознательными социал-демократами». В результате, как заметила Крупская, «токи, по которым шла партийная работа, и самостоятельность рабочих, как-то не смыкались». Такая ситуация вызывала обеспокоенность Ленина, который наотрез отказывался воспринимать жалобы на отсутствие годных пролетариев для работы на местах. На III съезде он решительно потребовал наладить взаимодействие с массами: если в комитеты не вводили рабочих, то только по одной причине – «не умели выбрать подходящих людей», а это «есть не только педагогическая, но и политическая задача». Ленин предложил реорганизовать значительное число местных организаций: на 2 интеллигентов 8 рабочих. Чтобы это осуществить, следовало не слишком завышать критерии отбора. Интеллигенты считались достаточно подготовленными даже после беглого знакомства с «Эрфуртской программой» и прочтения нескольких номеров «Искры»; рабочие же обладают подлинным классовым инстинктом, а потому и при небольших политических навыках «довольно скоро делаются выдержанными социал-демократами».

- Разумеется, никаким классовым «инстинктом» рабочие не обладают. И – «мы диалектику учили не по Гегелю», уж кто-кто, а социал-демократы, материалисты, были в курсе, как делаются социал-демократами, вовсе не путем прочтения «Эрфуртской программы», Пыжиков тут снова привирает. Но заметим разницу между двумя эпохами. Маркс писал, что не в силу «слабой подготовки», а в силу тяжелого огупляющего труда рабочие в массе не способны к обобщению, потому партию рабочих возглавляют представители интеллигенции. Далее Бернштейн вывел формулу, что рабочий класс в своей борьбе не может вырваться из экономизма, политическое сознание в рабочий класс должна привнести партия. Из интеллигентов.

Проходит период роста производительных сил, и Ленин возражает такой постановке вопроса! Действительно, почему интересы рабочих должны выражать не рабочие, а интеллигенты? Пусть сами стараются, своей головой думают, а не головой генсека. У интеллигента собственная работа, тяжелая, собственное угнетение. Его задача – помочь рабочим, а не возглавлять их.

«Дискуссия, - продолжает Пыжиков, - имевшая место на III съезде и, в первую очередь, революционное обострение конца 1905 г. сделали свое дело: в партийные ряды влились рабочие элементы. В 1907 г. на V лондонском съезде уже присутствовал целый ряд революционеров пролетарского происхождения, прибывших из России... новоиспеченные большевики не могли претендовать на сколько-нибудь значимые посты в партийных структурах. В силу низкого образовательного уровня они не принимали заметного участия в дебатах о путях развертывания революции... На это в ходе съезда указывал Аксельрод, пропагандировавший проведение рабочего съезда. Принятых в партию пролетариев он называл «чем-то вроде сословия плебеев, между тем как интеллигенция играет роль аристократии, сословия патрициев, опекающего плебейские низы от всяких тлетворных влияний извне»... в конфликте внутри РСДРП между интеллигентами-эмигрантами и руководителями-комитетчиками они оказывались на стороне последних. Да и в целом впечатление от социал-демократических эмигрантских кругов складывалось не самое лучшее. Как метко заметил Гапон, все они напоминают «на свищенных снежирей, обуянных духом гордыни». Жизненные предпочтения революционеров-интеллигентов, преимущественно неславянского происхождения, слабо соотносились с менталитетом и опытом русских рабочих... исследовательская новация данной работы состоит во взгляде на русского рабочего прежде всего как на продукт старообрядческой, преимущественно беспоповской, общности. Согласно этому подходу, большевистская партия, объявившая себя истинным выразителем пролетарских интересов по сути распаивала объятья рабочему не столько в классическом марксистском понимании (а какое оно, это классическое марксистское понимание? Б. И.), сколько сформировавшемуся в конкретной религиозно-мировоззренческой среде... вхождение в социал-демократическое движение не предполагало какой-либо конфессиональной идентификации; более того, обязательными были сугубо атеистические мотивы. Однако также верно и другое: в ту пору атеистами не рождались, а значит, представители народа несли в себе черты тех религиозно-психологических архетипов, которые закладывались на этапе личностного формирования и в дальнейшем определяли специфику отечественного рабочего.

- А во всех прочих странах рабочий класс формировался вне всякой религиозной среды. Рождались сразу атеистами. Зато русские рабочие из утробы матери вылуплялись православными, никто им религию в младые головы не вбивал, как гвозди.

Давайте еще поверим ничтожному Гапону, сотрудничавшему с охранкой, что Ленин был похож на насвищенного снежиря, причем с гордыней.

Но каков наш доктор наук. Он в трезвом состоянии утверждает, что партия большевиков слабо соотносилась с интересами рабочего класса!

Причем Пыжиков мухлюет. От того, что атеистами не рождались, он херит факт отбора, факт атеистической подготовки членов РСДРП, будто его и нет совсем. Будто рабочие, становящиеся членами партии, плевали на марксизм, то есть: якобы плевали на безбожный диалектический материализм. Но есть ли прямые, а не фантазийные доказательства беспоповства рабочих-большевиков? Например, есть ли свидетельства, что они молились, осеняли себя крестным знаменем, учили детей религии, распространяли религиозное мировоззрение? Ничего такого у Пыжикова нет.

Но русский – не то, что прагматичный иностранец, уверяет Пыжиков. Отдаст рубаху, руку, душу:

«Как подметил лидер II Интернационала Карл Каутский, значительной части русского пролетариата свойственна некая особая воодушевленность или, иначе говоря, революционная романтика. Рабочий в России, «с восторгом воспринимавший революционное мышление, ибо оно лишь ярче и отчетливее выражало то, что он сам смутно чувствовал и предугадывал», пребывал в ожидании грядущей справедливой жизни. Это заметно отличало его от американского и вообще западного пролетариата, который руководствовался исключительно прагматикой и духом здоровой политики, занимался лишь ближайшим и достижимым, не грезя о светлом будущем».

- Какие романтические русские рабочие. Какие гобсеки эти западные рабочие.

Интересно, как можно извратить историю, делая постоянные ссылки на литераторов, на Гапона, на оценочное высказывание Каутского и т.п.

«Каутским хорошо схвачена внешняя сторона религиозного архетипа, настроенного на ожидание неминуемого царства справедливости или, иначе, «царства божьего на земле». ... пестрый беспоповский ландшафт постепенно обретал идейно-организационную платформу, где стали возможными объединительные тенденции. Такой внешней платформой и выступила большевистская партия».

- Именно царства божьего воцарилась рабочая? В своем ли уме Пыжиков?

«Вообще, - пишет далее Пыжиков, - в дореволюционные годы в большевистской партии преобладали представители национальных меньшинств, которых свела вместе ненависть к царской России. Об этом свидетельствуют материалы 41–42 томов Энциклопедического словаря Гранат, составленных в 1925–1926 гг. В них содержатся сведения о 245-ти большевистских лидерах и активистах с дореволюционным стажем. Из них более 2/3 относятся к представителям различных национальностей, находившихся ранее под скипетром Российской империи. При этом из числа партийцев русского происхождения (из оставшихся 30%) лишь половина (15%) – рабоче-крестьянского происхождения. Иными словами, кадров староверческого происхождения в большевистских рядах той поры насчитывалось совсем немного. Больше они присутствовали в лице так называемых «купчиков» – детей среднего и мелкого, главным образом провинциального, купечества. Ряд отпрысков из этого сословия активно влились в жизнь местных организаций РСДРП».

- То есть. Только к июлю 1917 года в РСДРПб состояли 24 тыс. большевиков (по другим данным – к апрелю 46 тыс.), к 1923 г. – порядка 0,5 млн. Пыжиков выбрал только 245, отмененных в словаре «Гранат», и на этом основании утверждает, что рабочих в партии – а значит, по Пыжикову – и староверов насчитывалось совсем немного!

А вот как Пыжиков представляет себе пролетарский интернационализм:

«Рабочие... начали вступать в партию с 1905 г. Большинство из них были выходцами из староверческой (преимущественно пролетарской) среды – как, например, знаменитый М. Калинин, уроженец села Верхняя Троица Тверской губернии (р-н Кимры – известное старообрядческое место). Из воспоминаний его сестры видно, что их семья всегда старалась держаться подальше от господствующей церкви. Местный поп укорял отца будущего «президента» советского государства за то, что тот под разными предлогами годами уклоняется от посещения храма. Сам Калинин, будучи токарем на Путиловском з-де, вместе с другими рабочими отверг предложение администрации вносить 1% заработка на строительство церкви на территории з-да. После революции, уже находясь на посту председателя ВЦИК, Калинин неизменно демонстрировал расположение к своему прошлому. Так, писателю Ф. Гладкову (тех же конфессиональных корней) он советовал написать книгу о юности, о староверах – «непримиримых бунтарях», которые «упорно боролись с попами и полицией». Художнику Н. Денисовскому рассказывал, как в молодости подолгу простаивал у картины Сурикова «Боярыня Морозова», «заряжаясь» протестным духом. В ходе поездок на родину Калинин наставлял своих земляков бережно хранить память о Михаиле Тверском, сложившем голову за родную Русь в борьбе против татар; выступал за розыски иконы этого князя предположительно кисти Рублева. Согласимся: эти сведения диссонируют с интеллигентским интернационализмом ленинской гвардии большевиков».

- У русского рабочего – антиинтеллигентские настроения, пишет Пыжиков. Он попросту воспроизводит лозунг времени Кронштадского восстания: «Советы без большевиков», с распространенным слухом, что все большевики – жида.

Но во фрагменте отсутствуют данные, что Калинин был беспоповцем, есть общие слова: «расположение к прошлому», «протестный дух», «родная Русь» и т.п.

Но здесь еще и подлог. По Пыжикову патриот не может быть интернационалистом. Ему стоило бы почитать Сталина: невозможен пустой, абстрактный интернационализм, лишенный национальных черт. Интернационализм есть синтез, он возможен только тогда, когда вызрели национальные государства. Именно поэтому большевики и поддерживали национально-освободительные революции.

Для доказательства противоречий большевиков с российским рабочим классом Пыжиков привлекает Рабочую оппозицию.

РАБОЧАЯ ОППОЗИЦИЯ

«На политическую авансцену в качестве самостоятельной силы рабочие-коммунисты выходят сразу по завершении Гражданской когда решалось, кто будет определять хозяйственную жизнь страны? Этот известный эпизод 1920–1922 гг. связан с возникновением в партии «рабочей оппозиции» и «рабочей группы»... это далеко не проходное явление: ведь бунт в партийных рядах, повлекший за собой кризис верхов, был инициирован не какой-либо интеллигентской группировкой, а как раз теми, кто неизменно провозглашался главной опорой новой власти. Тем более, что «рабочая оппозиция» выросла из

профсоюзов – массовой организации, на которую делала ставку немногочисленная партия. Центральное место в профсистеме принадлежало двум отраслевым организациям: металлистов и текстильщиков. В годы Гражданской в них числилась половина всех зарегистрированных членов движения, а другая была распылена между разрозненными мелкими союзами: пищевики, строители, швейники, печатники, торговые служащие и др. Именно профдвижение, а точнее крупные индустриальные союзы, внесли решающий вклад в победу советской власти. Не будет преувеличением сказать, что победа в Гражданской войне во многом их прямая заслуга. Так, только за 1919 г. силами ВЦСПС проведено три мобилизационных кампании: 10%-ая апрельская, и по декрету в июле. Профсоюзы фактически выполняли функции «военного штаба». Направляемые ими на фронт рабочие кадры становились стержнем, вокруг которого выстраивались части Красной армии. ... Кроме того, на рабочие профсоюзы в военных условиях лег груз продовольственного снабжения городов и предприятий. Профсоюзы «сколачивали» т.н. продотряды... Весьма показательна география их формирования, судя по которой подавляющую часть этих подразделений дали промышленные регионы. Так, из действовавших 779 отрядов – 78 состояли из рабочих Москвы, 67 – Петрограда, 94 – из Московской губернии, 80 – из Владимирской, 61 – из Иваново– Вознесенской, 44 – из Пермской, 41 – из Тверской, 32 – из Костромской, 32 – из Нижегородской, 25 – из Олонейской, 22 – из Ярославской, 12 – из Архангельской др. Тогда как на долю Витебской губернии приходилось лишь 5 отрядов, Тамбовской -5, Астраханской – 5, Орловской – 4, Полтавской – 3, Брянской – 3, Гомельской – 1, Курской – 1 и т. д. Если посмотреть на эти данные с конфессиональных позиций, то они зримо отражают противостояние северных (с сильным присутствием староверия) и южных регионов (с преобладанием никониан)».

- Насчет «военного штаба» Пыжиков, мягко говоря, погорячился. Стоит почитать две книги репрессированного Сталиным полковника Н. Е. Какурин «Как сражалась революция».

Забл Пыжиков и мощный профсоюз «Викжель», который в 1917-м до упразднения в январе 1918-го противостоял большевикам. Пыжиков вообще преувеличивает роль профсоюзов. Они были разгромлены полностью с 1907 по 1916 гг. Возрождение началось после Февральской революции, руками меньшевиков, эсеров, большевиков. Сталин отмечал, что профсоюзы в СССР в отличие от Запада созданы не самими рабочими, а «сверху».

Но смешнее всего противопоставление южных Курской или Орловской безбожных губерний с двумя столицами и прилегающими к ним губерниями.

«Начнем с А. Шляпникова. Он родился в семье потомственного горнорабочего в г. Муроме Владимирской губернии; его родители принадлежали к поморскому старообрядческому согласию... Шляпников стал заметной фигурой в партии, в период 1-й мировой возглавлял Русское бюро ЦК РСДРПб, а затем недолгое время был министром труда. Другим лидером оппозиции стал С. Медведев, уроженец Московской губернии, выходец из федосеевского согласия. По связям своих единоверцев в 13-летнем возрасте поступил на Обуховский з-д в окрестностях СПб, участвовал в знаменитой «обуховской обороне» 1901 г., когда 150–200 федосеевцев в ходе забастовки оказали упорное сопротивление полиции, переросшее в массовые беспорядки. После революции Медведев вошел в руководство ЦК союза металлистов, был делегатом ряда партийных съездов. Е. Игнатов из д. Латынино Тарусского уезда Калужской губ. Эта местность входит в знаменитый куст, плотно заселенный старообрядцами и примыкающий к г. Боровску – месту заточения боярыни Морозовой, культовой фигуры староверия (ныне Тарусский район входит в Тульскую обл.). Игнатов – член РСДРПб с 1912 г., участник партийных съездов – имел большой вес в Моссовете и столичной парторганизации. А. Киселев родился в рабочей семье в старообрядческом селе близ г. Иваново-Вознесенка. С 14 лет Киселев начал слесарем на Куваевской мануфактуре; в 1914 г. вступил в партию, выезжал за границу для встречи с Лениным, побывал в ссылке; после революции избирался главой профсоюза горнорабочих, был членом Президиума ВЦИК, затем многолетним секретарем ВЦИК. Делегат ряда партийных съездов, начиная с 6-го... Гаврила Мясников, родившийся в староверческом центре г. Чистополе Казанской губ. В юном возрасте начал трудиться на Мотовилихинском з-де на Урале, принадлежал к часовенному согласию. Одно время возглавлял Пермский губком, являлся членом ВЦИК. Мясников вместе с мотовилихинскими рабочими участвовал в расстреле вел. кн. Михаила Александровича, считая это актом возмездия... Причем действовали они исключительно по своей инициативе, вопреки предписанию Ленина и Свердлова снять с царского родственника надзор и не считать его контрреволюционером... реакция Мясникова: «Ну, допустим, что Ленин может поддаться чуждому влиянию. Допустим, знаю я его мало, но Михалыч (Я. М. Свердлов – авт.)... ввинтить ему чуждые нашему пониманию задач мысли – это очень трудно.»

- Как же, Мясников – рабочий, по версии Пыжикова – беспоповец, но вовсе не черносотенец, в еврей Свердлову самое теплое доверие, к монархии, к империи – ненависть?

Однако всё было не так.

Подобие Рабочей оппозиции возникло и в далеком от староверия германском движении коммунизма рабочих советов.

Одно из первых выступлений представителей «рабочей оппозиции» - в феврале 1920 г., во время II Тульской конференции РКПб, после которой группа сумела получить большинство мест в губернском комитете партии, а её лидер И. В. Копылов стал председателем нового состава губкома (Слепков А. Н. Путь рабочей оппозиции. Л., Прибой, 1926, 53 с.)

С конца 1919 - начала 1920 г. «рабочая оппозиция» «вызревала» по периферии московской губернии и, к марту 1920, оформилась уже в столице; в «группировку» в основном вошли, помимо перечисленных Пыжиковым, руководители профсоюзов И. И. Кутузов. С. А. Лозовский, Н. А. Кубяк. Разумеется, такого профсоюзного лидера, как еврей Рязанов, Пыжиков не поминает.

Стоит отметить, как абсолютно верно ставил вопрос Мясников: как может существовать Советская власть в центре, если ее нет ни на одном заводе. Шляпников указывал, что 90% руководства на заводах – классово чуждые элементы. Речь шла о буржуазных специалистах с высокими окладами.

В марте 1919-го на заседании коммунистической фракции ВЦСПС, Шляпников представил тезисы: партия могла бы являться ответственным политическим государственным руководителем революционной борьбы и строительства, Советы - формой политической власти, а профсоюзы - единственными ответственными организациями народного хозяйства и, одновременно, школой управления промышленностью для рабочих.

В целом, большинство советских коммунистов поддерживало ленинскую позицию; в частности, 17.1.1921 на заседании московского комитета партии на голосование было поставлено сразу 8 платформ: за формулировки Ленина голосовало 76 человек, за идеи Троцкого - 27, за тезисы «рабочей оппозиции» - 4, за группу «демократического централизма» — 11, за группу игнатовцев — 25, а остальные платформы получили менее двух голосов. 25 января в тульской партийной организации, где докладчиком по постановлению Губкома выступал сам Троцкий, а его содокладчиками были Зиновьев и Шляпников, за резолюцию Ленина-Зиновьева проголосовали 582 человек, Троцкого - 272, а Шляпникова - 16 делегатов.

Петроградская партийная организация также поддержала ленинскую «Платформу 10»

На уездных и участковых собраниях картина была такова: так 27 января на в втором Замоскворецком участке за «платформу 10» было отдано 59 голосов, за тезисы «рабочей оппозиции» — 10, а троцкистов поддержали семь человек; в другом районе Москвы — Бауманском — на центральном участке за тезисы Ленина проголосовали 43 человека, за «рабочую оппозицию» — 7, а за принципы Троцкого — 4 человека. Дискуссия не обошла и сами профессиональные союзы: в частности, на съезде горнорабочих Москвы платформа «рабочей оппозиции» собрала в свою поддержку 61 голос, «платформа 10» — 137, а тезисы Троцкого поддержали только 8 человек (Википедия).

То есть, массы партийных рабочих не шли за Рабочей позицией. Доводы Ленина в брошюре «Об анархо-синдикалистском уклоне» были убедительны. Шляпников, пишет Ленин, апеллирует к Энгельсу, но Энгельс управление трудовыми коллективами относит к коммунизму. Ленин указывает, что передавать им власть в условиях разрухи, когда рабочий класс после гражданской войны сократился в несколько раз, ослаблен и дезорганизован, невозможно.

Мясников прав: ни о какой власти Советов уже нет речи, в том же году Ленин на съезде сельскохозяйственных коммун заявил, что вряд ли и внуки увидят социализм.

«Староверческие корни объединяют не только лидеров «рабочей оппозиции»...»

- Ага, марксистов. Т.е. атеистов. Пыжиков снова и снова бездоказательно отождествляет местность, где родились лидеры оппозиции, с их мировоззрением.

«Если посмотреть, - твердит Пыжиков, - где она пользовалась наиболее активной поддержкой, то следует назвать все основные индустриальные регионы страны с традиционно обширным присутствием староверов».

- Мы только что видели выше, что Рабочая оппозиция поддержкой не пользовалась.

«... промышленные центры были обильно заполнены русскими староверами. Прежде всего, речь идет о Москве. «Рабочая оппозиция» имела здесь сильное влияние, что в полной мере проявилось в ходе Московской губернской конференции РКПб в ноябре 1920 г. Фактически дело дошло до ее срыва: оппозиционно настроенные делегаты устроили отдельное заседание, и присутствующий на конференции Ленин был вынужден перемещаться из одного зала в другой, пытаясь погасить разгоревшиеся страсти. Камнем преткновения стало нежелание Игнатова и его сторонников включать в список для избрания в МК РКПб ряд кандидатур из интеллигентов, так как те «не отвечают духу времени, не отвечают новым веяниям»... Только благодаря энергичным усилиям Ленина удалось не допустить полного провала столичной партконференции. Не менее острая ситуация сложилась и в парторганизации Н. Новгорода, состоявшей в основном из местных рабочих. Направленный туда ЦК Молотов сполна ощутил воинственный настрой нижегородских коммунистов... подготовленный им доклад с критикой местного губкома был отвергнут, а выводы были признаны неправильными. Особенно трудно «неспокойному пришельцу», как называли там Молотова, давались контакты с представителями крупных предприятий, таких, например, как Сормовский завод. На X губернской конференции в июле 1920 г. противостояние вылилось в открытый конфликт местных кадров с Молотовым, после чего тот был вынужден покинуть регион, а ему на смену прибыл А. И. Микоян. Крайне тяжелое положение сложилось в 1920 г. в Тульской парторганизации... председатель губисполкома Н. Н. Осинский при поддержке центра учинил форменную расправу над пролетарскими кадрами, после чего (с мая по ноябрь 1920 г.) численность местной организации сократилась в 2 раза, а во время прокатившейся по заводам волне забастовок аресту подверглись около 3500 рабочих. Аналогичная ситуация сложилась и в Самарском регионе. Губернская партконференция в сентябре 1920 г. также избрала губком, в котором большинство оказалось за сторонниками «рабочей оппозиции». Они начали активное «орабочивание» всех властных структур и подавление «придерживавшихся иного образа мысли», занялись перетасовкой кадров и т. д. Лишь с большим трудом при поддержке центра положение удалось выправить. На Урале Пермский губернский комитет неизменно поддерживал популярного в пролетарской среде Мясникова».

- Здесь положение представляется сверх-алармистским. Что означает «форменная расправа»? Осинский порол нагайкой, расстреливал? Пыжиков не уточняет. Волна забастовок не прокатилась, а прокатывалась, с 1918 по 1920 гг. шли голодные забастовки рабочих.

https://www.academia.edu/35778001/%D0%93%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B8%D0%B2%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%D0%B2_1918-1920%D0%B3%D0%B3.%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%9A%D0%93%D0%A3.-2017.-1.-27-31

Доктор наук Пыжиков непрофессионален, недобросовестен.

На самом деле никакого срыва Московской конференции не было, основным стало не отдельное заседание Рабочей оппозиции, а провозглашение плана ГОЭЛРО. В 1921 г. на X съезде РКПб оппозицию осудили, после съезда большинство участников Рабочей оппозиции порвали с группой, и она тихо прекратила существование.

«В 1920-м, - пишет Пыжиков, - численность металлистов по сравнению с 1913 г. составляла 78,7 %, горняков – 56,5 %, текстильщиков - 27,3 %. Ленин сетовал, что «цвет рабочих ушел на фронт и в деревню». Сокращались и производственные профсоюзы. На этом фоне наблюдалось резкое увеличение числа госслужащих: их профсоюз, в первой половине 1918 г. насчитывавший всего 50 тыс. чел., к началу 1920-го вырос до 550 тыс., а к июлю 1921-го превысил 1 млн, превращаясь в ядро советских профсоюзов. Аналогичные процессы происходили также в самой партии, где неуклонно повышался удельный вес служащих: их приток во многом и обеспечивал общий рост большевистских рядов».

- На самом деле сокращение рабочего класса было куда более катастрофично: с 12,7 млн в 1917 г. до 1,9 млн в 1920 г.

Численность интеллигентов в 1917-м зависит от способа подсчета. Если считать чиновничество и офицерство, то порядка 1,5 млн чел. (Ерман Л. К. Ленин о роли интеллигенции в демократической и социалистической революции, в строительстве социализма и коммунизма. М., 1970. С. 13). Если убрать чиновничество и т.п., то порядка 1 млн. (Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., Наука, 1972. С. 69) или 0,5 млн: 195 тыс. учителей, 127 тыс. студентов, 33 тыс. и врачей (в т.ч. около 14 тыс. в армии), по 20 - 30 тыс. адвокатов, инженеров и агрономов, 15 тыс. деятелей литературы и искусства, 10 тыс. научных работников (6 тыс. - научно-педагогический персонал высшей школы и 4 тыс. - работники научно-исследовательских учреждений) (Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль-октябрь 1917 г.). Л., Наука, 1988. С. 8-9).

Число ненавистных Пыжинову евреев в России к маю 1917-го – 140 тыс., включая ремесленников, торгашей, банкиров и пр.

Социальный состав ВКПб по данным партпереписи 10.1.1927: из 1 млн членов и кандидатов партии рабочих более 549 тыс., крестьян - 195,6 тыс., служащих - около 238 тыс., прочих - 79 тыс., т.е. рабочих 51,4%, крестьян – 18,4%), служащих - более 22,4 %.

О чем вообще речь? Что могут рабочие иметь против таких госслужащих, как врачи или учителя? Если же иметь в виду под госслужащими только чиновников, то к 1986 году численность номенклатуры составляла порядка 20 млн, при том, что численность рабочего класса – 86 млн. Тем более профсоюз госслужащих никак не мог ни постепенно, ни вприпрыжку превращаться в ядро советских профсоюзов. Тем более, что часть номенклатуры, заводские администрации, входили в не в профсоюз госслужащих, а в отраслевые профсоюзы, вместе с рабочими.

Причем управленческий аппарат не может расти как угодно, это же привилегированный труд. Аппарат выталкивает из себя конкурентов. А вот партия – в аграрной России она пополнялась не столько интеллигентами, особенно из евреев, интеллигенции, как мы увидели, было в России немного, или госслужащими, а именно крестьянами. В том числе на руководящих должностях, в том числе кулаками.

Но... не кажется ли читателю, что здесь что-то не то? Как это пишет Пыжиков ниже: стало быть, требовали, чтобы профсоюзы управляли экономикой? А как бы это выглядело? А вот как: не рядовые рабочие были бы допущены к управлению (даже по британскому примеру акционеров). А лидеры, руководители. И стремления их – не какие-то альтруистические, а именно: освободить себя за спиной рабочего класса от тяжелого заводского труда. Ведь согласитесь: при разгроме рабочего класса требовать, чтобы он руководил – это провокация, карьерные фанатские интересы. оформленные интересами класса, когда сам класс используется в качестве массовки для достижения личных интересов.

Да и сам рабочий класс, лучшие погибли в Гражданскую, но и до войны, к моменту революции, рабочий класс России отнюдь не был сознательным «поголовно».

Крупская жаловалась Ленину по поводу растащивки и развала дисциплины на ткацкой фабрике на Выборгской стороне сразу после ее национализации в 1917 г. Такие вот «беспоповские» чуждающиеся частной собственности рабочие.

«Все это и стало объективной причиной для возмущения рабочих-коммунистов, занятых в промышленности (**мы только что выяснили, что никаких объективных причин не было, Б. И.**)...

Впервые четко оно обозначилось на IX конференции РКПб в сентябре 1920 г. Медведев (от металлистов), Кутузов (от текстильщиков) и Лутовинов обрушились на засилье интеллигентов во всех партийных структурах и органах власти... Медведев прямо требовал гарантий, что 1/2 состава губкомов будет за рабочими. Кутузов рассказал, как трудно стало выступать в пролетарской аудитории, из-за чего многие функционеры всячески избегают приезжать на производство. Критикуя спецов из интеллигенции, он призвал «держат их в ежовых рукавицах, как они нас держали»... Председатель ВЦИКа Калинин сравнил старую (подпольную) партию и новую, ранее чувствовался приток пролетарских кадров из крупных индустриальных центров страны... буржуазные интеллигенты самой работой, самой жизнью неумолимо выталкивались из партии. Ситуация изменилась, и мелкобуржуазным кадрам, в большом количестве приходящим в партию, уже не приходится менять привычный образ жизни. Мы, заключил Калинин, являемся свидетелями борьбы между ними и пролетарской частью; борьба «за господство, за влияние в партии и происходит на местах. Скрыть, замазать это мы не можем». На V Всероссийской конференции профсоюзов в ноябре 1920 г. встал вопрос о скорейшей пролетарской реорганизации Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, участие старых интеллигентских кадров в деятельности НРКИ должно стать сугубо техническим, вспомогательным. От лица производственных профсоюзов этого потребовал Лутовинов: овладев в кратчайшие сроки контрольным ведомством «мы сможем... очистить от всякой скверны и все учреждения. И только тогда не на словах, а на деле во главе управления государством станет пролетариат...» Противостояние стало частью дискуссии о профсоюзах. Тезисы «О задачах рабочих союзов» были подготовлены Шляпниковым в конце 1920 г. В них констатировалось серьезное противоречие между программными декларациями и реальным положением дел... приходилось «выбирать тех, кого рекомендовали именем высшего партийного центра», а ведь «исполнение, безусловное подчинение считаются малопригодными к управлению рабочими массами; эти методы не новы, капиталисты всех стран практиковали их задолго до войны, практикуют и теперь». Критике подвергся ВСНХ. По мнению Шляпникова, несмотря на огромные средства, выделенные государством, вместо надлежащего исполнения функций ВСНХ стремится подавить профсоюзы, превратить их в технический придаток аппарата и «отпихнуться от пролетарской инициативы». Выправить положение можно одним способом: поставив производственные союзы во главе отраслей... Он предлагал «крестовый поход» против аппарата..., склонного «рассматривать себя в качестве пупа земли, вокруг которого вращаются солнце, луна и прочие советские планеты»... Силами профсоюзов надо создать аттестационный аппарат, компетентный как в политическом, так и в производственном отношении, и возложить на него задачу подбора и учета административно-управленческого персонала. Ни одно назначение и утверждение производственных планов не должно осуществляться без санкции этого аттестационного органа... Необходимо внушить, что именно рабочие не на словах, а на деле являются хозяевами производства... что профсоюзы... воздействуют на администрацию, руководят экономикой.

Инициативы и предложения были оформлены как цельная идеологическая платформа. В начале 1921 г. ее опубликовала «Правда». Под заявлением «рабочей оппозиции» стояли подписи руководителей Всероссийского союза металлистов, Союза горнорабочих, центрального правления артиллерийских заводов. (Примечательно, что среди 36 подписантов значились 2 украинца, 1 армянин и 1 еврей – все остальные фамилии русские.) Они настаивали на созыве съезда производителей. Предлагали привязать к заводам и фабрикам не только школы, больницы и т. д., но и торговлю, приписать к предприятиям магазины, мастерские, общепит с бесплатными обедами и пайками.

Лидеры «рабочей оппозиции» в наибольшей степени выражали предпочтения русского пролетариата. Об этом свидетельствуют материалы газеты «Труд», учрежденной ВЦСПС в начале 1921 г. ... Редакцию заполнили письма с горькими наблюдениями над беспечной и сытой жизнью спецов и советской буржуазии: «Мы находимся под давлением спецов. Зачем вы даете им такие широкие полномочия? Это неправильно. Эта тема оказалась злободневной на конференции металлистов Москвы и губернии, собравшей более 1000 делегатов. Здесь раздавались голоса о засилье евреев в главках и комитетах, звучали требования уничтожить привилегии... Выступающие говорили об оживлении советов, о насыщении их рабочими от станка и даже о возрождении рабочих советов непосредственно на фабриках и заводах, где руководящую роль должны играть коммунисты, избираемые на производстве... зачастую рекомендации в партию давались необдуманно, формально, без учета нравственных качеств человека, из-за чего партийные ряды засорялись случайными и даже чуждыми элементами. Интересно, что бороться с этим предлагалось с помощью религиозного института крестных. Как известно, обязанность крестных отцов и матерей – наблюдение за развитием крестника, участие в его воспитании; на них лежит ответственность за поведение новообращенных. Такова же была и задача «коммунистических крестных»: кандидат должен был не только получить от них некую сумму политических знаний, но и всем своим существом воспринять подлинный партийный дух. Бурная профсоюзная активность серьезно взволновала руководство партии. На рубеже 1920–1921 гг. на этой проблеме пришлось сконцентрироваться и В. И. Ленину. В набиравшей силу тенденции он ощутил (**Пыжиков – экстрасенс, читает ощущения умерших! Б. И.**) внутреннюю угрозу, нависшую над большевизмом, и прямо констатировал, что опасность раскола с профсоюзным движением есть «наверняка гибель советской власти». Вождь не скупился на лестные характеристики профсоюзов, правда, перемежая реверансы с напоминаниями о неразвитости и недостаточной образованности пролетариата. Если в 1918 г. административные потенции трудовых масс не вызывали у Ленина больших сомнений, то теперь он все чаще задавался вопросом: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством?» – и сам же отвечал на него: «Практические люди знают, что это сказки». Отсюда главная цель профсоюзов – не руководить, а учиться азам управления. Эта учеба, по его наблюдениям, идет медленно, но альтернативы нет: только после длительного пребывания в этой школе можно будет говорить о подготовленности рабочих масс к администрированию. Ленинскую позицию разделяла интеллигентная часть партии. Здесь с беспокойством относились к идее «орабочивания» советского государства и органов партии, расценивая ее как «вредное фантазерство». Конечно, пролетариат – основа партии, однако делать из него кумира явно не стоит. Идеи «рабочей оппозиции» должны осуществляться постепенно, по мере развития

масс. Посадить в губернский комитет вместо 5 хороших коммунистов из интеллигентов 5 неподготовленных пролетариев – это не только издевательство над здравым смыслом, но и прямой путь к развалу».

- Чижииков передергивает. Одно – заводы, которыми управляла буржуазия. Другое дело – интеллигенты в партии.

Лжет Чижииков и по поводу 1918 года, Ленин уже тогда понял, что рабочие не в силах управлять производством, о чем и говорил в полемике с эсерами.

Однако посмотрите, насколько Ленин шире и более принципиально, чем Шляпников, ставит вопрос: разумеется, каждая кухарка не может управлять государством. Но каждая кухарка должна учиться управлять государством. Социализм – это когда каждый рабочий, а не только профсоюзные бонзы, после отработки 8-часового урока начинает управлять государством («Очередные задачи Советской власти»).

«Меньшевистский «Социалистический вестник», выходявший в Берлине, писал, что «рабочая оппозиция» незаметна на фоне битвы двух «титанов» – Ленина и Троцкого. Но при этом несомненно то, что основная борьба идет не между «троцкистами» и «ленинцами», а между объединенными силами двух этих групп, с одной стороны, и «рабочими оппозиционерами» – с другой. Раскол в РКП // Социалистический вестник. – Берлин, 1921.01 фев.»

- Это неверно. «Социалистический вестник» – не абсолютная истина. Пыжииков передергивает. Во-вторых, не было объединения Ленина с Троцким против Шляпникова насчет профсоюзов. Троцкий выступал за полное подчинение профсоюзов, чтобы сделать профсоюзы приводными ремнями партии. Ленин же выступал против Троцкого, доказывая, что государство досталось большевикам в наследство старое, бюрократические, за ним нужен контроль со стороны профсоюзов. Ленин был резче «Рабочей оппозиции», наши учреждения, говорил он – говно, в них засели чиновники, и прочая «коммунистическая сволочь», которые работают как дураки,

Помните главное утверждение в работе Ленина «Государство и революция»? – Необходимо сломать старую государственную машину, заменить ее новой. Прошла революция, и Ленин пишет: «Мы переняли старый государственный аппарат, и это было нашим несчастьем. Государственный аппарат очень часто работал против нас. Дело было так, что в 1917 году, после того как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал. Мы тогда очень испугались и попросили: "Пожалуйста, вернитесь к нам назад". И вот они все вернулись, и это было нашим несчастьем... мы должны работать в течение многих лет, чтобы усовершенствовать аппарат, изменить его и привлечь новые силы» (IV конгресс Коминтерна, 5 ноября – 5 декабря 1922 г).

После смерти Ленина Сталин осуществил требование Троцкого: профсоюзы стали приводными ремнями партии.

«X съезд РКПб в марте 1921 г., - на полном серьезе утверждает Пыжииков, - превратился в площадку по выяснению отношений руководства партии и лидеров «рабочей оппозиции». Взгляды оппозиционеров в концентрированном виде были изложены в брошюре, подготовленной Коллонтай: пролетариат «все слабее окрашивает мероприятия своего же правительства», а также направление мысли центральных органов власти. В «рабочей оппозиции» отсутствуют крупные фигуры, те, кого принято называть вождями. Как всякое здоровое движение, она вышла из широких трудовых низов, зародившись в российских промышленных регионах и получая оттуда пополнение. Чем выше по советско-партийной лестнице, тем меньше приверженцев оппозиции; чем ближе к массам – тем больше ее одобряют и поддерживают. Из-за недоверия к пролетарским слоям между руководящими центрами и низами образовалась брешь. Коллонтай: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Бухарин утверждают, что пока рабочие не получают необходимую управленческую практику, обойтись без назначаемых руководителей невозможно. Коллонтай: но в XIX веке дворяне-помещики были намного образованнее в области экономики, чем малограмотное купечество... Вместо педагогических наставлений следует чаще вспоминать этот исторический урок... Вождь был сдержан, назвав дискуссию о профсоюзах «совершенно непозволительной роскошью» и даже ошибкой. Но нашел в ней и положительные черты: она в полной мере помогла осознать, что партия стала по-настоящему массовой. Затем он пустился в рассуждения о мелкобуржуазном влиянии, неизбежно сопровождавшем рост партийных рядов... Шляпников: «Если вы, Владимир Ильич, будете в вашем анализе смешивать и рабочую оппозицию, и мелкобуржуазную стихию, и все это будете громоздить и связывать с нами, то на этой почве желаемого единства в нашей партии не создадите и вольете очень много горечи в душу тех рабочих, которые здесь имеются налицо, а через них остальным, стоящим за нами на фабриках и заводах». Шляпников описал растущее недовольство, корни которого уходят не в рабочую оппозицию, а в Кремль. И открыто потребовал «предания кое-кого суду революционного трибунала», посетовав, что эти «кое-кто» пользуются уважением в верхах. Дабы не выглядеть голословным, он указал на сотрудников продовольственного ведомства, назвал наркома продовольствия Цюрупу, добавив, что «предать его суду было бы поучительно для многих»... Как справедливо заметил один оратор, рабочий класс индустриальных центров являлся главной опорой в Гражданской. Теперь же в случае военного конфликта рассчитывать на его безоговорочную поддержку советской власти было бы опрометчиво. Такое заявление вызвали бурю негодования у большинства съезда. Ленин... предложил судить самого Шляпникова и добавил: если речь пойдет о предании суду Цюрупы, то судите тогда весь ЦК. Досталось и Коллонтай: «Кто под видом помощи преподносит вот такие брошюры, того надо разоблачать и отсеивать», – сказал он».

- В 1918 году все большевики, включая будущую Рабочую оппозицию, ни слова не проронили, когда Ленин информировал о неграмотности рабочих, об их неспособности взять в руки предприятия.

Пыжииков не упоминает, что проведение Лениным линии на развитие именно капитализма, а не на власть рабочих, критиковалось ДО Рабочей оппозиции, и левыми эсерами, и левыми марксистами.

Разумеется, Коллантай была неправа, и Пыжиков сам указывает, что дворяне не желали заниматься экономикой. Класс дворян тормозил развитие капитализма в России.

Разумеется, и Шляпников, и Коллонтай, и рабочий-оратор, и прочие, поддержавшие Шляпникова, неверно оценивали ситуацию. Причем оценивали они ее именно с мелкобуржуазных позиций. Почему? После того, как поход на Польшу не удался, после того, как в развитых странах, в Венгрии в апреле 1919-го, в Германии революции потерпели поражение, в Австрии потерпела поражение социал-демократия, и пролетариат развитых стран не мог прийти на помощь отсталому российскому пролетариату, такие дискуссии не могли не иметь места. Россия, где к власти пришли большевики, оставалась аграрной, отсталой, где капитализм еще не развился до той степени, чтобы исчерпать свои возможности, чтобы ему на смену пришел другой более прогрессивный общественный строй.

Потому Ленин в 1919 году на съезде сельскохозяйственных коммун и говорил, что «сейчас вводить социалистические отношения мы не можем», что «едва ли наши дети или внуки увидят социализм».

Власть рабочих, диктатура пролетариата – это и есть социализм (Маркс).

Призывать к мировой революции, как это делали левые марксисты, к руководству рабочих, когда для этого не созрели условия, мог только провокатор, мелкобуржуазный провокатор.

«...Игнатов предложил каждого члена партии направлять на некоторое время на фабрику, завод или рудник заниматься физическим трудом. Его поддержал Медведев, определивший такую трудовую повинность тремя месяцами в году... Бухарин недоумевал: «Получается, что Чичерина надо отправить на завод... где он проведет три месяца у станка... после этого, несомненно, три месяца в санатории, когда же он будет заниматься дипломатической работой?»

- Отметим, что Рабочая оппозиция цитировала Энгельса, его предложение, чтобы тачечник менялся с архитектором. Не может тачечник без высшего образования работать архитектором!

X съезд выступил против Рабочей оппозиции. Рабочую оппозицию не поддержали ни широкие слои партийных рабочих на местах, ни широкие массы оставшихся после Гражданской рабочих.

Дальше – интереснее, дальше – возражения лидеров Рабочей оппозиции введению НЭП.

«Шляпников и Медведев направили в ЦК письмо... возмущались и новым экономическим курсом, поощрявшим частнособственнические вождедения, и ВСНХ, который дал указание всем советским органам поддерживать промышленную кооперацию... такая хозяйственная политика превращает государство в слугу буржуазно-кулацких элементов, и, следовательно, ВСНХ в его нынешнем составе «не является проводником пролетарской диктатуры в области хозяйства... он стал рупором интересов, чуждых рабочему классу». Летом 1921 г. профсоюз металлистов выработал также тезисы... Их главная мысль: при НЭП повышается эксплуатация рабочих, а потому задача профсоюзов – всячески ее сдерживать... Ознакомившись с выступлениями Шляпникова перед коммунистами ряда предприятий Москвы, Ленин потребовал вывести его из состава ЦК и изгнать из партийных рядов. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК в августе 1921 г. для принятия решения об исключении не хватило лишь одного голоса. Пленум ограничился последним предупреждением Шляпникову прекратить антипартийные действия».

- Посмотрите: отнюдь не рядовые рабочие требовали себе власти. Требовали лидеры, за спиной класса. Вся практика борьбы рабочего класса во всем мире от 1917-го до 2019-го показала, что рабочие не желают брать управление заводами в свои руки, не хотят этого напряжения и не хотят ответственности. За весь период, кроме конца 60-х – в США, Франции, Италии, отчасти в Чили, где можно говорить об элементах управления рабочих, но не о широком движении.

Итак требовали лидеры, которые видели разрыв первоначальных марксистских установок с реальностью. То есть, немного почитавшие, но метод Маркса не усвоившие. Они не поняли, в чем ошибся Маркс, не поняли, как Ленин исправил эту ошибку, введя НЭП.

Тем не менее, Ленин перенес из будущего постулаты оппозиции в тогдашнее настоящее.

«В феврале 1922 г. ВЦСПС и ВСНХ обнародовали обращение, где излагались принципы взаимоотношений между профсоюзными и хоз. органами... при формировании дирекций, как отдельных предприятий, так и трестов, предлагалось в обязательном порядке запрашивать мнение профсоюзов о том, или ином кандидате, устраивать их тщательное обсуждение. Профсоюзы должны обязательно привлекаться к рассмотрению производственных программ, составлению планов, к участию в деятельности всех комиссий и т. д. В случае же, когда фабзавкомы видят вопиющие беспорядки в работе администраций, то, не вмешиваясь непосредственно, они должны информировать высшие хозяйственные и союзные инстанции... «Обращение» призывало с особым вниманием относиться к тем, кого на руководящие должности рекомендуют непосредственно профсоюзы и помнить, «что у нас чрезвычайно мало директоров предприятий, выдвинутых из рядов пролетарской массы; их надо в десятки раз больше...» Посредством профсоюзных каналов «будут подготавливаться те администраторы из рабочей среды, которые в пролетарском государстве должны постепенно охватить производство» ... идеи провозглашенные «рабочей оппозицией» нашли свое применение в руках иных сил».

- Иных – это каких? Власть выполнили часть требований оппозиции.

Теперь посмотрим, что из этого вышло: рабочие, становясь гендиректорами, становились лишь частью советской буржуазии.

«Таким образом, - безапелляционно вещает Пыжиков, - в 1920–1922 годах выходцы из русского староверия предприняли первый штурм партийно-государственного Олимпа. Он оказался неудачным, поскольку силы рабочей части РКП (б) были еще явно недостаточны для победы и перелицовки партии на свой лад. Резкая антиинтеллигентская риторика, неприязнь к

образованным слоям – вот «визитная карточка рабочей оппозиции», воспринимавшей советскую власть как кучку зарвавшихся интеллигентов. Правда, лидеры оппозиции, сформировавшиеся под воздействием староверческой психологии, утратили некоторые черты, свойственные этому религиозному мировоззрению. В практике «рабочей оппозиции» явственно прослеживается решительный интернационализм и не звучат мотивы на тему «русское превыше всего». Главную причину трудностей русской революции здесь усматривали в задержке мировой революции. Основным пунктом в идеологии «рабочей оппозиции» и «рабочей группы» была активизация революционных процессов в Европе, понимаемая крайне упрощенно, без учета подготовленности зарубежных стран к подобным рывкам. Оппозиционные лидеры безоговорочно признавали авторитет международного Коммунистического интернационала: годы, проведенные в кругах социал-демократии, не прошли для них бесследно. У нового партийного пополнения той же староверческой закваски, но не вкусившего социал-демократических истин, приоритеты будут уже иными.

- Во-первых, Рабочая оппозиция никакого отношения к староверию не имела, это пыжиков опять выдает желаемое за действительное. Во-вторых, коренной интерес рабочего класса – это не поставить своих отдельных представителей на руководство. Коренной интерес – это коммунизм то есть. уничтожение самого рабочего класса. В-третьих, лозунг «русское превыше всего» является не беспоповским, у старообрядцев никогда такового не было. Это лозунг германских фашистов: «Дойчланд юбер аллес!» И украинских бандеровцев: «Украина понад усе». В-четвертых, Пыжиков путает: не Рабочая оппозиция, а левые эсеры, левые марксисты требовали продолжения банкета.

Но если Рабочая оппозиция – не фашисты, не великодержавные шовинисты, если они марксисты, т.е. атеисты – что остается от староверия, на каком основании Пыжиков причисляет их к староверам?

Причем уж кто-кто, а Шляпников, знавший 14 языков, никак не мог испытывать неприязнь к образованным. Представьте: по Пыжикову, рабочие, которые с испытательным сроком становились членами партии – оказывается, все скопом испытывали неприязнь к высоко образованному партийному руководству, к Ленину, Коллонтай, Менжинскому, Красину...

Однако посмотрите, как рисует Пыжиков старообрядцев: это фашисты, которые ненавидят образование. Сам доктор наук Пыжиков, судя по безграмотности его текста, ненавидит образование, просвещение, т.е. он мракобес, Обскурант.

«Основу идеологических конструкций любой организации, - учит нас Пыжиков, - претендующей на роль политической, определяет то, к кому она апеллирует: к народу, какому-либо конкретному социальному слою и т. д. Большевики не были исключением. Рождение партии сопровождали славословия в адрес человека труда. В соответствии с марксистскими канонами, партия взяла на себя роль выразителя интересов не просто трудящихся, но их самой передовой части – пролетариата, могильщика буржуазии. Положение пролетарского авангарда обязывало: в партию приходилось вовлекать представителей рабочего класса, чем большевики с разной степенью успеха занимались и до революции, и в ходе Гражданской войны. Возникновение «рабочей оппозиции» стало неприятным сюрпризом для большевистской элиты, ожидающей «неминуемой» мировой революции.

- Рабочая оппозиция возникла тогда, когда революции в развитых странах уже потерпели поражение, потому Ленин НЕ МОГ «ожидать» мировой революции.

Никаким сюрпризом рабочая оппозиция быть не могла, Ленин уже многократно ответил «левым марксистам», почему он «строит» госкапитализм.

Чижигов-Пыжиков попросту пытается влиться в ту буржуазную команду, которая старается отслоить рабочее движение от марксизма-ленинизма. Путем заведомо идиотского отождествления оплота революции с ничтожными верующими беспоповцами.

Ко всему Пыжиков не понимает, в чем ошибалась Рабочая оппозиция.

Ко всему Чижигов лихо усредняет партию большевиков, приравнивая их к «любой» организации, буржуазной и пр.

СТАРООБРЯДЕЦ БОНЧ-БРУЕВИЧ

«Бунт «рабочей оппозиции», - камлает Пыжиков, - произвел на Бонч-Бруевича сильное впечатление... Безусловно, традиционная опора на пролетариат в целом не ставилась им под сомнение, но главные его надежды были связаны с другой силой. Суть рассуждений Бонч-Бруевича и его сторонников состояла в следующем. В количественном отношении рабочие никогда не занимали преобладающего положения в российской экономике, большинство населения всегда было занято в сельской сфере. Крестьянство, с т. зрения марксизма, представляет собой инертную массу, не готовую к прогрессу и слабо поддающуюся новшествам. Сектантство же, как наиболее энергичная и сознательная часть народа, способно расшевелить «крестьянское море» перспективами сотрудничества с новой властью... Он уверял, что численность сектантов и старообрядцев за первые годы советской власти существенно возросла, достигнув 35 млн. чел., около 1/3 взрослого населения страны; из них в неправославные секты вовлечено уже свыше 10 млн. человек. Представители самих сектантов шли еще дальше, говоря о 12–13 млн. чел.»

- Пыжиков точно причислил себя к лику экстрасенсов, читающих мысли умерших. Он знает рассуждения Бонч-Бруевича! А «Кредо» Кусковой он не читал? А с полемикой большевиков и меньшевиков не знаком? Читал. Знаком. В курсе. Просто скрывает часть правды от читателя, тем самым разворачивает картину под таким углом, что позиция большевиков становится нелепой.

К 1910 в России было образовано и официально зарегистрировано 1,3 тыс. старообрядческих общин.

Массовые репрессии 30-х гг. затронули старообрядчество столь же сильно, как и представителей др. конфессий в СССР. За нежелание вступать в колхозы мн. старообрядцы были арестованы и сосланы; часть старообрядцев эмигрировала, преимущественно в Румынию и Китай.

Если в 1927 Белокриницкая иерархия насчитывала 16–18 епископов, то к 1940 на свободе остался всего один архиерей. Были закрыты все монастыри, арестовано подавляющее большинство священнослужителей, наставников Поморского, Федосеевского и др. беспоповских согласий, мн. области, прежде считавшиеся старообрядческими, лишились всех действующих храмов.

В 1986 г. в СССР было примерно 30% верующих, подавляющее число – мусульмане.

Справка Википедии: в 1925-м было 20% мусульман, 4% евреев, 1,2 млн католиков, 0,4 млн баптистов. Важным инструментом разгрома православной церкви стало искусственное инспирирование расколов, наиболее крупным из которых был «обновленческий», с последующим (с 1927 г.) установлением полного контроля над структурами патриархии со стороны 6-го (антирелигиозного) секретного отдела ОГПУ, возглавлявшегося Евгением Тучковым.

16.8.1923, опираясь на решения XII съезда РКПб, Сталин издал циркулярное письмо всем губкомам с требованием запретить закрытие церквей и аресты религиозного характера.

В период с 1923 до 1929 г. политика государства претерпела некоторое смягчение, в особенности в отношении мусульманских и иудейских организаций.

Перепись 1937 г. показала, что из 98,4 млн жителей СССР в возрасте от 16 лет и старше 55,3 млн человек назвали себя верующими, из них 41,6 млн причислили себя к православным.

Таким образом, если вычесть мусульман и католиков, ни о каких 10, 12 и 35 млн сектантов и старообрядцев к середине 20-х говорить не приходится.

Пыжиков рисует городского старовера-беспопца отрицающим частную собственность. Мы увидели, что это не так. Пыжиков говорит, что староверы – это исконно русские люди. Но и это не так. Жившие в скитах беспоповцы ненавидели именно русских. Если кто забредал в скит, его, как гостя, кормили. Только после этого выбрасывали посуд, как нечистую, не подлежащую мойке.

Республика Зуева или староверы деревни Лампово, федосеевцы которой стали злостными коллаборационистами. В октябре 1941 года в тылу 18-й немецкой армии при абвере из староверов был создан русский вооруженный отряд. К концу 1941 года он разросся в роту, численностью в 200 человек, которая участвовала в бою под Тихвином, дислоцировалась в селе Лампово — одном из северо-западных центров староверов-федосеевцев. По данным абвера, старообрядцы стали для фронтовой разведки особо ценным материалом, в отличие от священников РПЦ и протестантов. По данным А. В. Посадского, именно старообрядцы оказывали оккупантам большую помощь в борьбе с партизанским движением. В частности, точно информировали абвер о дислокации партизанских отрядов, их передвижениях, в то же время среди старообрядцев не было советских агентов. Попавший в немецкий плен советский майор госбезопасности на допросе показал, что в течение 1941—1942 годов множество переброшенных за линию фронта советских агентов погибли либо от рук староверов, либо были выданы ими врагу, что объясняется большим количеством староверов в северо-западной части России, их враждебностью к советской власти. Старообрядцы, в силу исторических причин, в значительной своей части проживавшие на окраинах России (в Сибири, на юге) и преобладавшие среди купечества и зажиточного крестьянства, активно участвовали в Белом движении. В казачьих частях А. И. Деникина действовали старообрядческие полковые священники. В армии А. В. Колчака существовали состоявшие из старообрядцев «добровольческие крестные дружины», был создан и институт военных священников Белокриницкой иерархии.

«Более 120 чел., - описывает Пыжиков ситуацию перед 1-й русской революцией, - финансируемые старообрядцами, разъехались по всем уголкам империи с призывами к революции и социальной справедливости. Их главным лозунгом было: «Наступила свобода! Можно силой забирать землю у помещиков». В то же время, призывов об экспроприации фабрик и заводов, на 60% принадлежащих старообрядцам, конечно же, не звучало. Это объяснялось тем, что ими двигало вовсе не желание бороться за социальную справедливость, а то, что помещики являлись для них конкурентами. Имела значение и религиозная мотивация: ведь помещики и представители власти были православными, то есть, в глазах старообрядцев, еретиками – никонианами, новообрядцами – «слугами антихриста». Почва для революции 1905 г. подготавливалась старообрядцами давно. Так, в 1897-м в Замоскворечье ими были основаны «Пречистенские курсы», на которых всем желающим читали лекции о социализме и марксизме. К 1905 г. на курсах обучалось уже 1500 чел. Строго в соответствии с канонами марксизма, большевики ставили пролетариат во главу угла строительства новой жизни, создавая, таким образом, опору своей власти. Однако это теоретически обоснованное действие вызвало такие последствия, которых подкованная в марксистском духе интеллигенция не могла предположить: восстановление рабочего класса происходило на базе размытой староверческой общности».

- Всё это фантазии Пыжикова. Никаких эмиссаров по уголкам империи никакие староверы не отправляли. Да и как они, отрицающие частную собственность, могли призывать отнимать землю у помещиков??

К Пречистенским курсам староверы не имели никакого отношения. Они были открыты постоянной комиссией по техническому образованию московского отделения Русского технического общества по

инициативе интеллигентов, людей образованных, да еще не русских, тех, кого ненавидели старoverы: профессоров М. В. Духовского, С. А. Левицкого, К. К. Мазинга, Н. А. Гольцевой. И преподавали там, помимо профессоров Московского университета типа Сеченова, еврейка Розалия Землячка, а также Николай Бухарин. Курсы находились под негласным надзором полиции, поэтому и преподавание марксизма, и собрания – проходили нелегально. Кто-то думал, что это нерешенный аграрный вопрос, крепостничество двигали крестьян к революции. Как не так! Это 120 агитаторов-беспоповцев.

«То же самое наблюдалось в российской промышленности и до революции, когда рабочий класс формировался во многом через доверительные сети старoverов».

- Это уже слишком. Здесь уже должна быть работа не по тексту Пыжикова, а работа психиатра с Пыжиковым. Какое развитие капитализма, какие заводы-фабрики – рабочий класс формировали «доверительные сети»? По благу формировался рабочий класс. Какое-то творчество душевнобольных, читаем:

«На удачу» в другие города ездили немногие; своеобразными каналами рабочего комплектования снизу, продолжали выступать землячества, державшиеся на ресурсах тех же старoverческих согласий. Теперь, в 1920-х, эту функцию начала выполнять – уже сверху – советская власть, не подозревая, что черпает пролетарские кадры из традиционного источника. Паства никонианской церкви, утратившей статус господствующей, представители различных нерусских национальностей, как и прежде, не стремились принимать участие в крупном производстве. Ситуация изменилась лишь в 1930-х с началом форсированной индустриализации, когда строящиеся заводы стали поглощать миллионы и миллионы самой разношерстной публики... Хотя на деле все эти разнообразные массы легко «переваривал» устоявшийся пролетарский костяк с определенными жизненными принципами. В результате население страны не только социально «обрабочивалось», но и попадало под влияние старoverческого менталитета, который господствовал в трудовых коллективах крупных предприятий. Как хорошо замечено, считаясь с революционной логикой, можно было бы сравнить воздвигаемые индустриальные гиганты с монастырями: это одновременно и храмы новой религии и колонии аскетов, совершенно новой породы людей».

Мы говорим «Пыжиков» - подразумеваем «странница Феклуша».

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПАРТИИ

«Вскоре после разгрома «рабочей оппозиции», - уверяет Пыжиков, - пролетарский проект был возведен в РКПб в ранг ключевого. Однако в 1922 г. приток партийцев непосредственно с заводов и фабрик все еще оставался незначительным. Количество вступивших в партию рабочих увеличилось за этот год лишь на 3,2 %, крестьян «от сохи» – на 3,4 %, а вот количество служащих, получивших партбилеты, выросло на 39,4 %, то есть в десять с лишним раз; среди них было немало сотрудников управленческого аппарата царской России, а также бывших членов других партий. В результате более чем из 400 тыс. коммунистов рабочих было 171 тыс., или 44,4 %. Если же учитывать только непосредственно занятых на предприятиях рабочих, картина получится совсем другая. Например, даже в такой крупной организации, как Петроградская, из 17 тыс. членов партии только 12% трудились на производстве; в Москве из более чем 25 тыс. – 9%».

- Разумеется, все не так.

Я уже приводил данные, что по партийной переписи в 1927 г. рабочих в ВКПб было 51,4%, крестьян 18,4%, служащих – 22,4%. То есть: сам рост в процентах еще ни о чем не говорит, если служащих был один, а стало два, то это увеличение на 100%. С другой стороны, видим, что данные Пыжикова по промышленным центрам, Петрограду и Москве – липа.

В 1905 - 1916 гг. рабочие составляли 59% вступающих, в 1917 г. - 56%, в 1919 г. - 38,2%, в 1921 г. - 29,7% (Лацис О. Перелом // Суровая драма народа. М.: Политиздат, 1989. С. 149).

То есть: с 1917-го по 1920-й состав партии радикально изменился. Но не из-за ненавистных служащих, а из-за мелкобуржуазных крестьян, особенно в сельскохозяйственных районах.

В марте 1922 г. в Воронежской губернии членов партии насчитывалось 3750, из них рабочих - 923 (24,6%), крестьян - 1633 (43,5%), остальные - кустари, служащие, интеллигенция и прочие. С подпольным стажем было всего 63 человека. Наибольшее число вступивших приходилось на 1918 - 20 гг. Шацкая уездная организация РКП (б) Тамбовской губернии по социальному составу представляла собой: рабочих - 36 человек (18,4%), крестьян - 183 (66,2%), остальные категории - 32 (15,6%).

Если к началу 1917 года в составе партии рабочих было 60,2%, крестьян - 7,6%, служащих - 25,8%, прочих - 6,8%, то к началу 1922 г. рабочих стало 37,2%, крестьян - 32,1%, служащих - 23,1%, прочих - 7,5%, 7% приходилось на выходцев из других партий. Кроме того, лишь 10% членов партии имели дооктябрьский стаж, остальные вступили в нее в 1919 - 20 гг.

Лишь 10% членов партии имели дооктябрьский стаж, остальные вступили в нее в 1919-20 гг. «Это положение было отражением социальной структуры российского общества, основанием которого оставался огромный слой патриархального или полупатриархального крестьянства, а также огромные массы люмпенов, людей, выбитых из жизненной колеи гражданской войной».

На IX партийной конференции отмечалось, что с апреля 1917 г. партия выросла в 10 раз - с 60 тысяч до 600 тысяч. "За это время, за эти три года, из партии вышли из строя десятки тысяч лучших работников, которых партия накопила в течение 20 лет ее существования. За три года влилось много элементов новых, часть которых мы сами выбрасывали путем перерегистрации (IX Всероссийская конференция РКПб. 22-25.9.1920. Протоколы. М.: Госиздат. 1921. С. 121.-140). На X съезде партии одна из причин кризиса партии виделась в том, что компартия стала терять свой однородный слой, "в нее стали вливаться чуждые элементы, не порвавшие со старой психологией". Руководство и оппозиция соглашались в том, что в условиях гражданской войны партия не могла изменить ситуацию, "разношерстный элемент переработан быть не мог, в силу чего в партии появились разнородные элементы, что усугубило кризис» (X съезд Российской Коммунистической партии. 8-16 марта 1921года: Стенограф. отчет. М.: Госиздат. 1921.С.127-128). Перед XI съездом Ленин писал: "Нет сомнения, что наша партия теперь по большинству своего состава недостаточно пролетарская" (Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. М.: Политическая литература. 1967 — 1981 гг. Т. 45. С. 19). На XI съезде Зиновьев говорил о реальной угрозе, которая нависла над партией ввиду ослабления ее пролетарского социального ядра. "Наша партия по-своему составу разнородна. С 1917 г. по 1920 г. значительная крестьянская масса вливается в партию, меняет ее социальный состав. В целом это мелкобуржуазная масса, хотя и шло беднейшее крестьянство, полукрестьяне, полурабочие. С 1917 по 1922 гг. происходит крупнейшая перегруппировка социального состава нашей партии. Отрицать опасность нельзя. Надо разрешить два вопроса: взаимоотношения нашей партии к рабочему классу и о взаимоотношениях нашей партии с крестьянством" (Цит. по Никулин В. В. Политическая доктрина и состав правящей партии. 2017).

На 1.1.1923 количество рабочих-членов партии (без кандидатов) - 45%, на 1.1.1924 - 45,7%,
На 1.7.1923 рабочие среди кандидатов РКПб составляли 34%, на 1.1.1924 - 39,2%, а на 1.1.1925 - 66,5%.
("Книга для чтения для сокращенных школ политграмоты" Составил В. М. Познер. Выпуск I. Гос. изд-во, М.-Л., 1925 г.)

Но уже на январь 1925 года всего членов партии и кандидатов было 741.117. Из них рабочих - 57,9%,
крестьян - 25,3%, служащих - 14,9%, прочих - 1,9%.

«План Ленинского призыва, - уверенно долбит Пыжиков, - предусматривал пополнение партии 100 тыс. пролетариев. Уже в начале апреля 1924 г. Молотов рапортовал: намеченная цифра не отражает положение дел, нужно говорить о 200 тыс. рабочих с производства, вливающих в большевистские ряды... ЦКК решила внести лепту в оздоровление имеющейся партийной массы: она постановила выявить и исключить 50 тыс. «примазавшихся». ... На XII съезде об этом сказал Молотов: прежде партия «жила в значительной мере теми силами, которые она получила из пролетариата до революции. Теперь же мы собрали в партийных организациях тысячи и сотни тысяч новых рабочих, прошедших школу гражданской войны и школу почти семилетней пролетарской революции»... с этих пор партия уже в реальности, а не в лозунгах (как было раньше) стала пролетарской... Ленинский призыв весны 1924 года получил еще более мощное продолжение. Запевалой опять выступил Зиновьев. Его не устраивало, что рабочие от станка составляют в партии всего около трети».

- Опять всё не так.

«Условия приема в партию во время ленинского призыва оставались прежними, но в целях обеспечения массовости приема, партийным комитетам было предоставлено право рассматривать на общих собраниях заявления рабочих, не имевших индивидуальных рекомендаций. Разрешалось подавать групповые заявления, хотя оговаривалось, что прием возможен только в индивидуальном порядке, что на практике повсеместно не соблюдалось. В результате прием в партию принял лавинообразный, неуправляемый характер, где каждый комитет стремился отчитаться об успехах в приеме, нисколько не заботясь о том, кого принимает. В целом число заявлений превысило 200 тыс. В итоге «ленинцы» составили в 1925 г. 28,3% от общей численности партии (РГАСПИ, 12, ф. 17, оп. 32, д. 7, л. 112). Что же представляли из себя партийные новобранцы? Факты говорят, что это были далеко не лучшие представители рабочего класса» (Никулин В. В. Политическая доктрина и состав правящей партии. 2017).

И ниже Пыжиков опять опровергает сам себя.

Причем легкость в мыслях у Пыжикова необычайная, 45% - это около трети. С 1924 по 1926 гг. партию покинули 80 тысяч человек, из которых 80% составили "рабочие от станка", из них 50% квалифицированные.

В Воронежской губернии в результате октябрьского призыва 1927 г. процент рабочих вырос с 36% до 49,3%, но уже в первой половине 1928 г. рабочие с производства вместе с сельскохозяйственными рабочими и младшим обслуживающим персоналом составляли 34,6% (Ленинский путь. Журнал Воронежского обкома и горкома ВКП (б). 1928. № 2-3. С. 9).

В октябре 1928 года по ЦЧО кандидаты-рабочие составляли лишь 44%, да и те терялись на пути к членству в партии. Для улучшения количественных показателей в группу рабочих с производства стали включать и сельхозработников и батраков.

В 1928 - 1929 гг. прилагаются новые усилия по увеличению процента рабочих в партии. Политическими предпосылками проблемы роста партии выдвигалось то обстоятельство, что при преобладании в партии

пролетарского состава (61%), непосредственно занятые в производстве составляли ее меньшую часть - 42%. Отсюда задача - увеличить количество рабочих с производства. Именно на решение этой проблемы нацеливали партийные органы решения ноябрьского (1928 г.) пленума ЦК и особенно постановление ЦК от 7.1.1929, по вопросу о вербовке рабочих и регулирования роста партии. Исходя из политических предпосылок, пленум поставил и задачу, которую безуспешно пытались решить на протяжении всех 20-х годов - достичь не менее 50% состава партии из рабочих с производства не позднее конца 1930 года, для чего в течение 2-х лет в составе принимаемых должно быть не менее 80% рабочих с производства (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) / Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп и испр. М.: Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1983-1990. В 16 т. Т. 2. С. 387-391). Поставленный перед практически неразрешимой проблемой, местный партаппарат искал любые способы ее разрешения. В ЦЧО рабочие от станка составляли 30,9% от состава организации, сельхозработники - 2,3% и младший обслуживающий персонал - 1,4%. Вместе - 34,6% (ниже, чем в целом в партии). Т.е. увеличить их количество предстояло более чем на 15%, что было крайне сложно. На местах решение проблемы видели в привлечении в партию новых рабочих из деревень, оседавших в промышленности. Поскольку резерв кадровых рабочих практически был исчерпан, пришлось отбросить недавние разговоры и споры о неготовности данной категории рабочих к вступлению в партию, о необходимости их "пролетаризации" и т.п. Цифровой вал подхлестывал партийные органы, заставляя их не обращать внимания на подобные "мелочи". Пленум обкома ЦЧО в октябре 1928 г. приходит к выводу о необходимости использования данного резерва. "Наличие в области большого количества предприятий со смешанным пролетарским элементом (сахарная, маслосебяная, силикатная), усилившийся приток рабочих из деревень, обязывает партийные организации усилить свою работу среди них, обращая внимание как на классово-политическое, так особенно производственное воспитание, с тем, чтобы пополнить ряды партии за счет лучшей части из них" (Отчет о работе Воронежского губкома ВКПб (январь – сентябрь 1927 г). Воронеж. 1927. С. 27). В результате заметно увеличился приток в партию неквалифицированной части рабочих. Среди принятых неквалифицированные (2-й разряд) и малоквалифицированные (3-4 разряд) составили 60,6%. В Тамбове практически весь прирост рабочей части организации произошел за счет низкоквалифицированных рабочих и чернорабочих (Государственный архив социально – политической истории Тамбовской области. ф.855, оп. 1, д. 2370, л. 7).

По указанию ЦК в сельскохозяйственных областях должен был обеспечен 70% прием в партию рабочих с производства и батраков, с тем, чтобы подтянуть их по основным показателям к средним по стране. Несмотря на очевидную невозможность выполнения этих показателей, они были перекрыты! Перекрыты за счет манипулирования с социальными группами. Ведь принимаемые по категории "рабочие" в основном таковыми не являлись. К концу 1929 года указанная категория составила 74,2% всех вступивших, а к апрелю 1930 года уже 84,9%. На 1 июля 1928 года коммунистов в ЦЧО было 41876, на 1 апреля 1929 г. - 60923. Увеличение на 19047 человек (45,6%), что было выше чем в среднем по стране - 15,6%. По ряду окружных организаций прирост и того выше. По Козловскому - 71,5%, по Россошанскому - 67,1%, по Тамбовскому - 78,1%. Удельный вес рабочих с производства вырос с 34% до 39,8%, а к апрелю 1930 года до 41,7%, прирост 4,2%, опять выше, чем по ВКП (б) в целом - 3,2%. На конец 1930 года рабочих (по социальному положению) в организации насчитывалось 47677 человек, по роду занятий (вместе с батраками) 32395 человек, при общей численности рабочих (цензовая промышленность) в 56335 человек. Темпы роста просто фантастические и на протяжении всех 20-х годов они имели четко выраженную тенденцию к искусственному увеличению. Если с 1924 года по середину 1928 года организация выросла на 23344 чел., то с 1928 по 1930 г. на 35790 чел., почти в 3 раза. Нельзя забывать, что рост происходил на фоне потерь различного рода: около 5000 исключены во время генеральной чистки, более 30% отсеивались при рассмотрении заявлений (Материалы к отчету обкома ВКП (б) ЦЧО. Воронеж, 1930. С. 76-81, Справочная книга ЦЧО. Воронеж: Коммуна. 1931. С. 452).

На 1.04.30 год только 22,9% коммунистов по ЦЧО имели партстаж до 1924 года, а с дореволюционным стажем насчитывалось всего лишь 0,3% (Отчет о работе Воронежского губкома ВКП (б) (январь – сентябрь 1927 г). Воронеж. 1927. С. 459). В целом это была уже совершенно другая партия, с другими представлениями, понятиями и целями. На 80% она состояла из управленцев различного уровня, новоиспеченных рабочих и люмпенизированных слоев крестьянства. В ней практически не было специалистов. К 1930 г. специалистов-коммунистов насчитывалось чуть больше 1% от состава партии. Среди специалистов в 1929 г. процент членов и кандидатов насчитывалось: имеющих высшее техническое образование - 5,8%, в том числе получившие образование до 1917 года -1,7%. Имеющих среднее техническое образование - 10,6%, до 1917 года -6,7% (РГАСПИ, ф. 17, оп. 74, д. 7, л. 5а) (Цит. по Никулин В. В. Политическая доктрина и состав правящей партии. 2017).

Пыжиков постоянно выписывает в скобках истинные еврейские фамилии Рязанова, Ярославского и др. – т.е. ко всему – явный антисемит, что можно было видеть и ранее по его благосклонному отношению к черносотенству. А потом обоих записывает в старообрядцы.

И еще, изумительное замечание:

«Н. К. Крупская, соприкоснувшись с представителями нового партийного пополнения, подметила, что те «отождествляют интеллигентов с крупными помещиками и с буржуазией; ненависть к интеллигентам очень сильна, ничего подобного не встретишь за границей», – заключала она. Письмо Н. К. Крупской К. Цеткин. 3 июля 1925 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 204» .

- Хм. Так ведь и Ленин в письме Горькому писал, что интеллигенция – не цвет, а говно нации. Пыжиков мешает отдельных интеллигентов в партии, интеллигенцию как социальный слой – и евреев. Дальше – круче.

«Не заставил себя ждать и всплеск антисемитизма. Бонч-Бруевич недоумевал: почему это происходит при советской власти?! *Раньше эти настроения сознательно разогрел царизм, дабы одурять простонародье, но теперь, на 10-м году революции, мы снова сталкиваемся с нарастающими волнами этого низменного чувства* (курсив мной, Б. И.) Причем не только в несознательных, отсталых слоях, но и в недрах партийно-советского аппарата. Более того, антисемитизм становился все более заметным явлением преимущественно в рабочей среде. Многих потрясло известие из небольшого городка Серода недалеко от Иваново-Вознесенка, где на одной фабрике в начале 1927 г. над учеником-подростком еврейской национальности была учинена физическая расправа. Причем в избиении принимали участие отнюдь не отсталые беспартийные рабочие, а коммунисты и комсомольцы предприятия. Комсомольский функционер, рассказавший об этом с трибуны V Всесоюзной конференции ВЛКСМ, предостерегал: «Грозные черносотенные настроения, так свирепо носившиеся в Иваново-Вознесенской губ. в дни 1915-1917 гг., взяли свое. Они прорвали плотину пролетарского сознания и вышли наружу». ... В 1925 г. прошел следующий этап Ленинского призыва, к 10-летию революции, в 1927-м, состоялся т.н. Октябрьский призыв. За 3 массовые кампании в партию влилось более 0,5 млн рабочих, пролетарское ядро увеличилось более чем в 5 раз. Изменения в уставе, принятые XIV съездом ВКПб, закрепляли послабления для приема промышленных рабочих. Раньше требовалось предоставить 3 рекомендации с 3-годовалым стажем каждая, отныне – 2 с 1-годовалым пребыванием в партии. Любопытное наблюдение Маленкова: среди вступающих в партию пролетариев преобладают рабочие средней квалификации. ... На наш взгляд, объясняется такое просто. Высококвалифицированный пролетарский слой, на глазах которого произошел бунт и разгром «рабочей оппозиции» 1920–1922 гг., в значительной мере разуверился в партии и потому оставался равнодушным к ее инициативам. А пополнение ВКПб происходило за счет тех, кто только включался в расширяющееся производство; эти более молодые рабочие были гораздо оптимистичнее настроены по отношению к партии, которую рассматривали в качестве надежного социального лифта. Они не собирались довольствоваться ролью статистов, а стремились приобщиться к властным структурам разного уровня, используя положение правящей партии. Им не могла не imponировать четкая партийная установка: втянуть новых членов РКПб в государственную работу. XIII съезд партии требовал незамедлительно связать молодых коммунистов с практической деятельностью в партийных органах, в советах и профсоюзах. Особо подчеркивалось, что этому не должна мешать неподготовленность новых кадров...»

- Как бы попроще... Если детали – для велосипеда, мотоцикл не собрать. Россия – аграрная. Так что «разочарование» в Рабочей оппозиции – нипричем.

Но антисемитизм? Если он становился все более заметным, если преимущественно в рабочей среде – нет проблем привести массу примеров. А Пыжиков приводит лишь один. И это странный пример: представьте: свора взрослых, да еще коммунистов и комсомольцев, ни с того, ни с сего набросилась избивать подростка. А за что? Пыжиков, увы, не указывает, только подпускает, что это был еврей. Видимо, русских рабочих никогда, ну, никогда не били.

Дело в том, что 1927 год, как и предыдущие, был богат на события.

По справке ОГПУ в варте – 41 забастовка, 5977 участников, в апреле – 70 забастовок, 4303 участника. Задержка зарплаты, сокращение штатов, сокращение рабочей недели, плохое снабжение продуктами, грубость администрации, продажность профсоюзов, рост безработицы

Национальный антагонизм – рения с карачаевцами.

Ингушетия. Администрация Крахмального завода предоставляет всевозможные преимущества рабочим-националам

Между кабардинцами сел. Асское и осетинами Дигорского округа отмечаются неприязненные взаимоотношения друг к другу, вызванные тем, что осетины всячески подчеркивают культурную отсталость жителей указанного селения и зло высмеивают стоящих у местной власти кабардинских работников.

Конфликты с мусульманами...

Зажиточное казачество усиленно агитирует за выделение, одновременно разжигая антагонизм русского казачества к киргизам и настраивая население против советской власти. Имели место случаи избиения киргизов русскими казаками (Уральская губ.)...

Переселение в Крым евреев вызывает недовольство коренного населения (русских и татар). Кулацкие и зажиточные элементы, а местами представители национальной интеллигенции, еще больше разжигают неприязнь коренного населения к евреям-переселенцам, распространяя слухи о том, что Крым скоро станет еврейской республикой (Джанкойский, Симферопольский и другие районы). Антисемитизм имеет место также среди совработников, особенно татар (Джанкойский район).

И т.д.

И тут выбегает Чижиков и кричит: «Рост антисемитизма, вот главное!» А какое мощное доказательство:

«Парижская газета «Возрождение» писала, что в большевистской партии произошел громадный приток новых членов, требующих мест, соответствующих привилегированному званию коммуниста. Причем большую тревогу руководящих верхов вызывают нарастающие обвинения в адрес «еврейского засилья». Эти выпады представителей партийного пополнения нещадно караются, однако они ведут себя вызывающе, проявляя открытую неприязнь к своим «нерусским интеллигентным товарищам». Давайте, поверим парижской бульварной газетенке, что в ВКПб шли одни карьеристы, которые ненавидели евреев!

Пойдет всего 14 лет. И странным образом от антисемитизма в рабочей среде не останется ни следа! Множество евреев будет у руля промышленности, в Перми на заводе им. Ленина всю войну вынесет на своих плечах уважаемый рабочими еврей Быховский. Порядка 400 евреев станут Героями Советского Союза, их подвиг был бы невозможен в условия антисемитизма!

Словом, Пыжиков описывает большевиков при Ленине – как противостоящих русскому народу.

«Механизмом для продвижения по карьерной лестнице, - продолжает гнать свою ахинею Пыжиков, - стало одно из важнейших подразделений аппарата ЦК ВКПб – учетно-распределительный отдел. Еще в начале 1920-х это была самая слабая структура партаппарата, работать там никто не хотел. Ситуация изменилась, когда из-за массового пополнения партии встала задача учета кадров и их аппаратного распределения. На XIII съезде РКПб в 1924-м об учетно-распределительном отделе отзывались как о наиболее значимом и хорошо отлаженном подразделении аппарата ЦК. Отдел приступил к сбору характеристик и отзывов о кандидатурах, ждущих выдвижения. По ним шли обсуждения, и лишь затем принимались решения. Был разработан «Личный листок по учету кадров» из 27 пунктов. Помимо ответов на традиционные вопросы (фамилия, дата рождения, национальность, образование, семейное и соц. положение), требовалось указать: основные занятия до революции, состоял ли в партиях, кроме большевистской, подвергался ли репрессиям в царское время... Для большей достоверности практиковались т.н. перекрестные характеристики, когда ответственные сотрудники направляли в ЦК отзывы друг на друга... именно с середины 1920-х... в руководстве отдела появились партийцы староверческого происхождения. И. Москвин, возглавивший отдел с 1926 г., родом из Твери, из семьи мелких купчиков, принадлежавших к поповскому согласию. Окончив тверскую гимназию, поступил в Петербургский горный, учебу не завершил, оказавшись в 1911 г. в РСДРПб. Активно участвовал в разгроме сторонников Троцкого и Зиновьева. Сталин прилагал немалые усилия, чтобы приблизить Москвина: звал на охоту, приглашал на грузинские застолья, заезжал навестить во время отдыха на юге и т. д. Но тот вел замкнутый образ жизни, не курил, не употреблял спиртного и вяло реагировал на сталинские знаки внимания. Именно Москвин взял своим замом Ежова, также выходя из староверия, и способствовал его карьерному восхождению. Известил Ежова о назначении еще один зам Москвина – бывший орехово-зуювский рабочий, представитель тех же конфессиональных корней, Николай Богомолов. Именно такие партийные функционеры в марте 1927 г. продвигали постановление ЦК ВКПб, настойчиво требуя от местных парторганизаций представить перечень должностей, на которые в первую очередь должны выдвигаться рабочие и крестьяне».

- Итак, староверы Москвин и Ежов, враги народа.

НЭП

Разумеется, введение НЭП было неожиданным и горестным событием для многих. Однако НЭП оживила торговлю, страна вышла из кризиса. Как же это описывает Пыжиков?

«Массовое наполнение партии пролетарскими элементами из низов определило исход внутривнутрипартийной битвы с троцкистско-зиновьевской оппозицией. «Второго завоевания души рабочего класса» в ее исполнении не произошло: политические и экономические устремления лидеров оппозиции слабо соотносились со взглядами тех, кого они привлекали для укрепления своих позиций. Этот блок состоял преимущественно из интеллигентов нерусской национальности, искренне заряженных неугаваемой мечтой о мировой революции. Ими было внесено в русскую революцию немало энергии и страсти, «но с таким же успехом они могли участвовать и в революции испанцев или индусов». Их восприятие России, недостаточно развитой в капиталистическом отношении, никогда не было, мягко говоря, возвышенным. Эти марксистские деятели ожидали краха буржуазного мира где-либо в Европе, в передовой Германии или во Франции... Постепенное расставание с этими надеждами заставило их задуматься о восстановлении страны, где они волею судеб оказались у власти. Европейцы по складу мышления, они не мыслили хозяйственного оздоровления вне связей с западной экономикой и мощного участия иностранного капитала. Поэтому завершение Гражданской войны совпало по времени с оформлением концессий. Конечно, все это выглядело довольно странно в условиях победившей социалистической революции, при неустанных и громогласных заверениях о неполноценности и исторической обреченности капиталистического строя. Тем не менее, неопределенность путей развития стимулировала контакты со вчерашними противниками, поскольку на созидательный потенциал русского народа никто из лидеров революции всерьез не рассчитывал. Первым, кто заговорил о взаимодействии с Западом, стал Ленин: «концессии – это есть договор с буржуазной державой». Правда, затем при каждом удобном случае он напоминал, что концессии – это «вид борьбы, продолжение классовой борьбы в иной форме, а никоим образом не замена классовой борьбы классовым миром. Способы борьбы покажет практика». Конечно это разъяснение было излишним для страны победившего пролетариата, которого не мог не посещать вопрос: зачем с величайшими муками изгоняли капиталистов, если теперь зазывают их обратно? ... собственникам предполагалось передать на длительный срок ранее принадлежавшие им заводы и фабрики под обязательство запустить производство, привлечь финансирование и новые технологии... Вместе с тем о возможности выдачи концессий на таких условиях бывшим владельцам российских активов речи не велось... Как замечал Каменев, «русские капиталисты сейчас же будут добиваться власти; иностранные капиталисты безопаснее, они будут добиваться только дивидендов».

- Пыжиков вообще не в теме.

То, что предприятия возвращали бывшим иностранным владельцам – ложь. То, что предприятия нельзя было возвращать бывшим русским капиталистам – очевидно без всякого разъяснения Каменева, к тому же неудачного. Ленин говорил – до революции, заранее! – что у большевиков нет и не может быть своей экономической программы, ибо Россия – отсталая, единственной программой может быть перетаскивание в Россию всего самого передового из развитых стран. Это не ориентация на Европу, как врет Пыжиков, это заимствование передового.

Если Россия к 1917 году была отсталой технической страной, зачем было приглашать старых капиталистов-ретроградов?

Еще раз: мировой революции не состоялось. Поэтому пролетариат развитых стран не мог прийти на помощь отсталому российскому пролетариату. Революция в России проиграла, Пыжиков (Сталин, Троцкий) не в состоянии этого уразуметь. Поэтому и пришлось заключать концессии.

Больше того: советское правительство устанавливало дипломатические отношения с буржуазными правительствами – поверх голов компартий.

Что же до не возвышенного отношения к России – Пыжиков сознательно подменяет отношение к царскому режиму, к классу капиталистов – и отношение к рядовым гражданам России, Россию конкретную он подменяет Россией абстрактной. Так делают и сотрудники ФСБ, служат они России, на деле – российской буржуазии и ее вороватым ставленникам во власти, и душат трудящихся России.

Пыжиков лжет, грязно лжет. От выдержка из книги Горького «В. И. Ленин»:

«Как-то пришёл к нему и - вижу: на столе лежит том "Войны и мира".

- Да, Толстой! Захотелось прочесть сцену охоты, да вот, вспомнил, что надо написать товарищу. А читать - совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом.

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

- Какая глыба, а? Какой матёрый человечиче! Вот это, батенька, художник... И – знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазками, спросил:

- Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

- Некого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный.

Я нередко подмечал в нём черту гордости Россией, русскими, русским искусством. Иногда эта черта казалась мне странно чуждой Ленину и даже наивной, но потом я научился слышать в ней отзвук глубоко скрытой, радостной любви к рабочему народу.

На Капри он, глядя, как осторожно рыбаки распутывают сети, изорванные и спутанные акулой, заметил:

- Наши работают бойчее.

А когда я выразил сомнение по этому поводу, он, не без досады, сказал:

- Гм-гм, а не забываете вы России, живя на этой шишке?

В. А. Десницкий-Строев сообщил мне, что однажды он ехал с Лениным по Швеции, в вагоне, и рассматривал немецкую монографию о Дюрере. Немцы, соседи по купе, его спросили, что это за книга. В дальнейшем оказалось, что они ничего не слышали о своём великом художнике. Это вызвало почти восторг у Ленина, и дважды, с гордостью, он сказал Десницкому:

- Они своих не знают, а мы знаем».

Нет, ничего не хочет понимать наш поборник беспоповства:

«Именно такой экономической тактики придерживалось советское государство. Это хорошо видно по тем наставлениям, которые давал Ленин своим эмиссарам, посылаемым в Европу прощупать готовность предпринимательских кругов к сотрудничеству. Одним из таких посланцев был известный профессор В. Н. Ипатьев, игравший заметную роль в госструктурах царской России во время 1-й мировой. Он слыл убежденным сторонником западного капитала в восстановлении экономики, активно использовал термин «реституция» (т.е. возврат собственности старым владельцам, чего не было, Б. И.). Ипатьев вспоминал, что Ленин четко ориентировал его на контакты именно с иностранными предпринимателями, которых предлагал заинтересовать прежде всего индустрией Донбасса, ранее находившейся в их руках. Визиты в Лондон, Париж, Брюссель оставили у Ипатьева самые благоприятные впечатления. О русских же капиталистах, оказавшихся в эмиграции, упоминал вскользь: «Они ко мне не идут, а я к ним тоже не пойду!» Реакция русских промышленников на подобные экономические вылазки была бурно негативной. В этой среде быстро почувствовали, что намечаемые новой властью хозяйственные подвиги абсолютно не рассчитаны на них. Участники созданного в Париже Торгово-промышленного совещания, объединявшего русскую буржуазию, выступили против отдачи России на разграбление иностранцам: им «наша родина нужна только как объект эксплуатации»; нельзя, чтобы чужие люди без нас «заботились» о нашей родине. Они резко осудили заигрывание отдельных лиц с советами. «Захватчики власти в России выносят распятую ими нашу родину на международное торжище. С беспринципным цинизмом продают они чужую им, обескровленную Россию, лишь бы выгадать еще час жизни, еще час власти».

- Бог ты мой, какая патриотичная русская буржуазия! Когда при царе она сама шла на концессии, когда 50% всей экономики России принадлежало западному капиталу, где тогда была патриотичность русских буржуа?

То, что русская буржуазия после Октября так радела о России, что финансировала белое движение и организовывала повальный саботаж, Пыжиков не доводит до сведения читателя. Но собиралась ли русская буржуазия возвращаться? Нет! И Пыжиков сам об этом пишет.

«Торгово-промышленное совещание постоянно выступало с резолюциями о недопустимости совместной работы с советской властью, т. к. это приведет лишь к углублению экономического кризиса на Западе и искусственно поддержит диктатуру. П. П. Рябушинский заверял, что иностранцы хотят превратить страну в подобие Ост-Индийской компании. Бывший царский премьер В. Н. Коковцов предрекал: они к нам не прислушаются, зато нас должна услышать Россия. Разумеется, мнение российской эмиграции партийно-советское руководство в расчет не принимало. После отхода Ленина от дел и затем после его смерти соратники вождя по Политбюро ЦК постепенно образовали троцкистско-зиновьевскую оппозицию, проявив себя приверженцами иностранного капитала».

- Но какими же это действиями Троцкий с Зиновьевым проявили себя приверженцами? С высоких постов в огромной стране перекинулись шестерками к буржуа?

«Привлечение западной буржуазии в страну советов страстно пропагандировал Троцкий. Он предлагал и теоретическое обоснование этой идеи. Русский капитализм не развился до того серьезного уровня, как его характеризует передовая индустрия, созданная преимущественно иностранцами, и отсталое полупатриархальное ремесло. Экономическая инфраструктура, доставшаяся в наследство от царизма, актуализирует взаимодействие, прежде всего с иностранными предпринимательскими кругами. А русская буржуазия не в состоянии быть полноценным субъектом модернизации. В концессиях Троцкий видел несомненную экономическую выгоду: «мы слишком молоды для использования наших богатств в государственном масштабе». К тому же они – серьезная гарантия нашей безопасности: «давая концессию на Камчатке американскому капиталу, мы защищаемся от военного вторжения». В апреле 1924 г. выступавший в Бакинском совете Троцкий заявил, что технико-экономический прыжок невозможно осуществить без помощи иностранного капитала; надо лишь сократить его присутствие по сравнению с довоенным уровнем. В оппозиции Троцкий продолжал настаивать на расширении иностранных концессий, даже предлагал допустить для работы в СССР зарубежные банки. Тех же мыслей придерживался и Зиновьев. Вот отрывок из одного его выступления: «Ошибается трижды тот..., который думает, что мы от серьезных сделок с иностранным капиталом отвернемся только потому, что мы коммунисты. Мы не отказываемся торговать, давать концессию, мы не отказываемся от известных обязательств. Но мы требуем, чтобы они с нами разговаривали не как с колонией или полуколонией». На XIII съезде РКПб Зиновьев сказал, что концессионные договоры подтягивают работу наших хоз. органов. Он призвал лучше работать и привел в пример успешные концессии, выданные зарубежным фирмам».

- И где тут приверженность иностранному капиталу? Тут приверженность России. Если Зиновьев указывал, что на Западе заводы работают лучше, так это и это надо перенять

Посмотрите: Пыжиков понимает логику Ленина. Но цитирует ненавистного шовинистам Троцкого, который повторяет Ленина. Спорить с аргументами Ленина Пыжиков не в силах, потому он их просто обгаживает, называя их «теоретическим обоснованием». Будто это только какая-то там теория, далекая от практики, призванная только обосновать поклонение перед западным капиталом. Но где ж здесь теория? Здесь никакой теории нет, есть ясные и понятные аргументы.

«Откровенная ставка на западный капитал со стороны членов высшего партийно-советского руководства породила внутри страны слухи, что большевики собираются превратить нищую Россию в страну с «царящим в ней иностранным капиталом». Такая политика вызывала недовольство в советском обществе, особенно в низших его слоях. Это проявлялось на различных всероссийских форумах, куда съезжались делегаты с мест. На профсоюзных съездах неизменный интерес вызывала тема концессий. Больше всего записок в президиум поступало именно по этому поводу. Причем общий критический настрой участников не вызывал сомнений: «это постыдная уступка западному капитализму, нашему подлому врагу». То же самое происходило на сессиях ВЦИКа. В октябре 1924 г. рабочие-крестьянские представители буквально атаковали Чичерина, когда он докладывал о планах получения займов, с погашением которых произошло бы частичное удовлетворение по царским долгам (выплата царских долгов являлась основным требованием западных кредиторов)».

- Пыжиков не в курсе, что большевики объявили мир без аннексий и контрибуций, отказались от выплаты царских долгов? Причем весьма детально обосновали отказ, намекая – в цифрах - на грабеж Антантой России.

Естественное стремление перенять у Запада всё самое передовое Пыжиков крестит «откровенной ставкой на западный капитал». Никакой откровенной ставки не было, это Пыжиков выдумал. «Профессор накрылся!»

«Выступавшие ораторы требовали свернуть все приготовления к переговорам: они «знаменуют отступление нашей внешней политики» и должны быть пресечены «твердой пролетарской рукой». Пусть восстановление экономики пойдет медленнее, но зато «мы ничего из дорогих завоеваний Октября не отдадим никому»; «ни английскому, ни какому-либо другим правительствам мы не должны ни гроша, наоборот – предъявим им наш самый суровый счет!» Один уральский рабочий сказал: «Когда рабочие слышат об этих переговорах, то они задаются вопросом: стоит ли вступать в концессию? Не лучше ли восстанавливать своими собственными руками? Что за интерес сдавать такое богатство в концессию, когда мы за эти заводы боролись?» Конечно, подобное восприятие концессионной темы делало невозможной ее реализацию. Разумеется, и авторы данного курса не могли снискать популярность в массах, что сыграло не последнюю роль в политическом поражении троцкистско-зиновьевской оппозиции».

- Очень, ну, очень не хотели русские рабочие новой техники. Брезговали.

«Правда, разгром этой оппозиции был predetermined. До смерти Ленина у Троцкого и Зиновьева имелось немало сторонников в большевистских рядах, они были признанными и популярными лидерами. Однако в результате расширенного приема в РКПб их приверженцы растворяются в массе новых партийцев, далеких от почитания этих кумиров».

- Зиновьев кумиром не был, а вот массы новых партийцев, далеких от почитания Троцкого, в природе не существовало. Портреты Троцкого висели во всех школах, необычайно высок был его авторитет и в армии.

Но Сталин – тоже был страстным поклонником иностранного капитала!

Если в середине 1929 г. СССР имел технические соглашения с 27 германскими и с 15 американскими фирмами, то уже в конце года 40 американских фирм сотрудничали с СССР.

СМЕНА ИДЕОЛОГИИ

«Теперь же, - пишет профессор, - выступления пролетарских посланцев не выглядели искусственными: они «не переступали через себя», напротив, их ненависть к партийной интеллигенции была органичной. Подыгрывая этим настроениям, Сталин в докладе на XV съезде ВКПб заявил, что истинные большевики не желают «иметь в партии дворян». Рудзутак уточнил: «никуда не годных, насквозь прогнивших интеллигентов».

- Неужто в России было столько большевиков-интеллигентов? Неужто так ненавидели интеллигента Ленина, да еще из дворян? Неужто евреи в партии были сплошь интеллигентами, начиная с Кагановича? Неужто Пыжиков не читал призыв Ленина ввести в руководство партии побольше рабочих? И долго ли оставалось Рудзутак, на которого ссылается Пыжиков, и которого выкорчевал Сталин?

«Далее: «... Троцкому, Зиновьеву, Каменеву и др. в этой меняющейся большевистской партии делать было уже нечего. «Душа» рабочего класса оказалась в руках сталинской группы, сумевшей выразить чаяния русского пролетариата, который стремительно заполнял большевистскую партию. Сталин с успехом продолжил зиновьевский курс на «орабочивание» большевизма. За два с половиной года, между XV и XVI съездами (1928 – середина 1930 г.) ряды ВКПб пополнили еще свыше 600 тыс. новых членов из пролетарских слоев, причем нередко заявления подавались целыми цехами».

- Это ложь. Партию пополнили не рабочие, а, как мы видели, крестьяне.

Однако: Пыжиков ленинский курс объявил зиновьевским, далее объявил, что Зиновьеву при таком курсе в партии уже делать нечего и тут же приписал Сталину успех в продолжении зиновьевского курса!

Но вот какие в те годы были успехи: вследствие раскулачивания середняка, что шло вразрез с речью интернационалиста Ленина о середняке, вследствие принятия Сталиным плана иностранного Троцкого ускоренной коллективизации, что шло вразрез с ленинским Декретом о земле, крестьяне сократили посевы и начали массовый забой скота. Поголовье удалось восстановить только в конце 50-х, при «троцкисте» Хрущеве. Еще крестьяне ответили тысячами восстаний. Если с 1900 по 1917 гг. в России прошло 17 тыс. восстаний, по 944 восстания в год, то лишь в 1928-1929 гг. по данным ОГПУ прошло 13 тыс. восстаний, по 6500 в год. Восстания продолжались и в начале 30-х. Сталинская группа настолько мощно сумела выразить чаяния русского пролетариата, что начались рабочие забастовки, а в 1932-м грянуло восстание вичугских ткачей.

Если в партию пришли рабочие, чаяниям которых следовал Сталин, то они в 1934-м выдвинули на 17-й съезд ВКПб своих представителей, чаяниям которых тоже должен был следовать Сталин. А Сталин уничтожил почти весь 17-й съезд.

Отсюда немедленно следует, что все старообрядческие построения Пыжикова – полная ахинея.

Далее: «Пики вступительной горячки приходились на так называемые «Ленинские дни», т. е. февраль-апрель каждого года, когда прием в партию стабильно находился на уровне показателя 1го Ленинского призыва 1924 г. Руководство неизменно расценивало это как неопровержимое доказательство доверия к сталинскому курсу».

- Пыжиков выдумал сталинский курс. Был курс Бухарина, которому следовал Сталин. И был курс Троцкого, которому стал следовать Сталин после того, как удалил Троцкого из власти. С помощью курса Троцкого Сталин задушил и группу Бухарина-Рыкова.

Далее: «Такое масштабное «орабочивание» ленинской партии обусловило существенные изменения в ее идеологии. Ведь с национальной точки зрения она превращалась в русскую, поскольку пролетариат крупных предприятий формировался главным образом из русских. Пролетарское расширение ВКП(б) и дало старт кардинальному изменению идеологической доктрины, весьма далекой от марксистской классики...»

- О, господи. Русские рабочие и крестьяне – они такие, все истинные шовинисты, как и Пыжиков. Как соберутся, так сразу давай махать руками, стучать кулаками: «Мы русские, русские мы! А ну, давай, меняй свою идеологию на русскую!»

Далее: «Чтобы лучше осознать причины и значение идеологических изменений, о которых пойдет речь ниже, следует напомнить, какие идеологические взгляды господствовали на протяжении 20-х. Согласно марксистским канонам, главной целью партии провозглашалась мировая революция: именно на ее приближение (а точнее, разогрев) направлялись силы советского государства. Россия же, как отдельная страна, интересовала большевистскую элиту преимущественно в качестве плацдарма или первой ступени для более масштабных революционных дел».

- **Пыжиков не промах. Вот говорят – кровь с молоком, а попробуй, скажи «молоко с кровью». Разумеется, большевики ориентировались на мировую революцию, поскольку производительные силы в России были неразвиты. Однако мировой революционный центр к 1917 году переместился в Россию. Схема была такова: революция в России разорвет цепь империализма, социалистические революции вспыхнут в развитых странах, а далее их пролетариат придет на помощь отсталому российскому пролетариату. Но буржуазная пропаганда подает дело так, будто ориентация на мировую революцию означает, что Россия-де большевикам была вообще не интересна, разве что плацдарм, первая ступень, расходный материал, русских они за людей не считали, так, разогреть революцию в мире. Пыжиков здесь не новатор, он просто повторяет общее место примитивной буржуазной пропаганды. Но ведь насколько вонюч клоп, а?**

Далее: «Более того, Россия, где большевики волею судеб оказались у власти, вызывала у партийного истеблишмента той поры стойкое неприятие; прежде всего это касалось ее прошлого, по их убеждению, отсталого и дикого. Иными словами, образ России ассоциировался с самыми негативными варварскими чертами».

- **А на самом-то деле... Какой там зверь помещик у Достоевского, который собаками травил ребенка, какой там 11-14-часовой рабочий день, какая там соха: царская Россия - луч света в темном европейском царстве, молочные реки, кисельные берега. При этом статистические сборники царской России рисовали картину именно отсталости и дикости. Смертность в царской России существенно опережала смертность не только в развитых, но даже в обездоленных странах. И, в основном, смертность от заразных болезней, недаром Лермонтов писал: «Прощай, немытая Россия», как бы ни старался Игорь Прокопенко этот факт вывернуть наизнанку. Об уровне грамотности уже не говорю.**

Далее: «Но большевистские идеологи шли дальше, ставя под сомнение употребление самого слова «русский». В частности, это не уставал повторять главный партийный историк М. Н. Покровский. Столп марксистской науки предрекал полное забвение терминов «русский» и «великорусский», от которых веяло контрреволюционностью».

- **Серьезно? И где это Пыжиков выкопал? Интересно, какие черносотенные организации платят за эту ахинею. Или на собственном энтузиазме?**

Далее: «Большевистская пропаганда двадцатых годов с явным удовольствием эксплуатировала образ России, как «тюрьмы народов»».

- **Как не любит Пыжиков большевистскую пропаганду. На самом-то деле прочие народности в России – как сыр в масле катались! Как только Ленин сказал про тюрьму народов, все национальные низы тут же заявили свое веское «нет!»**

Но национальные окраины действовали не в согласии с Пыжиковым – они поддержали большевиков-интернационалистов.

Далее: «В свете «передовой» большевистской мысли 1920-х никогда не были «Русью» и такие центры, как Новгород и Владимир. Да и Московское государство XVI–XVII веков не считалось национальным образованием великороссов. Помимо остатков финских племен, поработанных ранее, оно вобрало в себя завоеванных татар, башкир, чувашей; тогда же произошло покорение мелких северных народностей, началось присоединение Сибири».

- **Если Покровский – дурак, это вовсе не означает следование пролетарскому интернационализму.**

Конечно, Иван Грозный Казань не брал, крымского хана с Изюмского шляха не изгонял.

Но вот что... Китай – в переводе с татарского «стена», «изгородь» - отсюда и Китай-город. Байкал – богатое озеро. Урал – каменный пояс. В Пермском крае масса названий улиц, районов, мест – татарские. Но, может быть, это следствия татаро-монгольского ига? Хорошо, вот названия речек пермского края – Усьва, Чус-ва (Чусовая), Иньва, Сылва, Койва, Вильва, Ласьва и т.д. «Ва» в переводе с коми – вода. И... что из этого? Это что-то антирусское, да? На самом деле все эти земли нужно считать исконно русскими? А зачем??

Далее: «В имперский период эта политика (по мысли Покровского, Б. И.) проводилась еще настойчивее. При Екатерине II и Александре I была поделена Польша, в состав России вошли Привислинские губернии и Финляндия, было укреплено Закавказье и т. д. Таким образом, русские всегда прикрывались разговорами о благотворном влиянии на соседние земли, хотя на деле «собирали то, что лежало в чужих карманах». Как заявил мэтр советской науки Покровский на первой Всесоюзной конференции историков-марксистов: «В прошлом мы, русские... величайшие грабители, каких можно себе представить».

- **Вы будете смеяться, но когда сегодня обсуждают фигуру Ивана Грозного, великорусские шовинисты расширение территории Руси, т.е. завоевание чужих земель – ставят ему в заслугу!**

Пыжиков же утверждает, что никаких войн за чужие территории не было, так?

«Насаждение большевистского доктринерства неизбежно вело к нагнетанию настоящей истерии вокруг столпов российской исторической науки. Обструкции подверглись труды Н. П. Карамзина, в которых проводилась мысль о спасительности самодержавия для Российского государства».

- По задумке Пыжикова, мы должны эту мысль Карамзина, которую без всяких большевиков опровергла история, считать правильной?

Далее: «... Богатейшее творчество С. М. Соловьева использовалось главным образом для того, чтобы показать, как помещики, купцы, церковь и власть ведут совместную борьбу с революционными устремлениями народных масс, ненавидящих своих угнетателей».

А что, этого не было? Пыжиков – историк или массовик-затейник? И ведь сам Пыжиков клянет церковь как врага народа.

Далее: «Одного из видных русских специалистов, С. Ф. Платонова, обвиняли в том, что он оправдывает «разорение и уничтожение» волжских национальностей ради возвышения все того же великорусского народа и выступает в роли неприкрытого апологета великодержавных идей».

- Стало быть, надо оправдать разорение и уничтожение волжских национальностей.

Далее: «Конечно, советская наука не собиралась уступать старому миру (т.е. староверам, у Пыжикова это целый мир, Б. И.). Борьба на идеологическом фронте велась за умы молодого поколения. Об этом прямо указывалось в журнале «Историк-марксист»: «Грош цена будет всем нашим разговорам о ком. воспитании и строительстве социализма, если мы не сумеем вырвать наших учащихся из национальной ограниченности... и вывести их на дорогу интернациональной работы, интернациональной борьбы».

- Борьбы с чем? С иностранным капиталом. А Пыжиков пишет о приверженности большевиков иностранному капиталу!

Далее: «Идеологические установки, образцы которых даны в настоящей главе, предназначались для подготовки борцов за мировую революцию – заветную мечту большевистской элиты, воспитанной на классических марксистских ценностях. Однако с середины двадцатых годов, после масштабных кампаний по привлечению рабочих кадров в партийные ряды, ситуация стала меняться. Постепенно выяснилось, что молодое пролетарское пополнение без энтузиазма воспринимает проповедь о мировой революции и совсем не склонно в массовом порядке жертвовать чем-либо ради светлого завтра в далеких краях... «основы марксизма, на которых с таким талмудическим начетничеством настаивали пропагандисты, с трудом влезали в голову пролетария». И ленинская гвардия, неутомимо носившаяся с марксистскими предначертаниями, вызывала у коммунистов из народа неоднозначную реакцию. Вместо малопонятных произведений Маркса и Энгельса они гораздо больше интересовались своей страной, ее прошлым. Например, музыкальная часть торжественного вечера в честь 35-летия Московской партийной организации началась с исполнения отрывка из «Слова о полку Игореве», что подвергло в шок старых большевиков. Новая формирующаяся в недрах ВКПб атмосфера превращалась в действенный инструмент внутривластной борьбы и стала важным фактором очищения ПБ от лидеров еврейской национальности (Троцкого, Зиновьева, Каменева) и их сторонников на различных этажах власти. Наиболее чутко это уловил и использовал Сталин: с середины 1920-х он уже определенно соотносил свои политические планы с новым партийным трендом».

Последуем 623-й ссылке: это выступление сталиниста и еврея Е. Ярославского, Стеногр. отчет 2-го Всесоюзного съезда совета воинствующих безбожников. Июнь 1929 года. – М., 1930. С. 64. Вы хотите верить этой ссылке?

А как вам состояние шока старых большевиков? Они были в шоке!

Но. На съезде воинствующих безбожников. Которые против в т.ч. беспоповцев.

Нет, представьте: рабочие всего мира читали труды Маркса и Энгельса, которые никогда не являлись догмой (талмудом), а в России рабочие брезговали. И шибко интересовались историей царей! Какая княгиня какому графу реверансы делала, как Иван Грозный людей в кипящей оде сваривал...

Малопонятны Маркс и Энгельс только для пыжиковых. Но по всей России в марксистских кружках рабочие без лени и досады изучали-таки классиков.

Далее: «Понимая, что влившемуся пополнению чужды идеологические установки о приоритете мировой революции и о неполноценности русских, с точки зрения марксистских замыслов, Сталин начинает эксплуатировать национальные мотивы. Из типичного русофоба образца XII съезда РКПб (тогда, в 1923-м он мало отличался от своих соратников) генсек постепенно предстает горячим поклонником всего русского... резонанс получил эпизод с Демьяном Бедным, который после победы революции усердно упражнялся в дискредитации России. Очередную порцию насмешек он выдал в стихотворных фельетонах осенью 1930 г.: «Слезай с печки», «Перерва», «Без пощады». Как обычно, их поместил на своих страницах главный пропагандистский рупор – «Правда». Бедный писал о лени – «наследии всей дооктябрьской культуры» и исконной черте россиян, у которых в чести только сладкий храп и «похвальба пустозвонная». Удел России – «тащиться в хвосте у Америк и Европ», и дело социализма будет провалено, если полностью не переделать ее «гнилой, рабской, наследственно-дряблой природы». Особенно зло он высмеивал патриотизм прошлых времен: у Кремля кочевряжится Пожарский, Минин стоит раскорякой; а ведь эти народные герои – банальные взяточники, казнокрады. Поэт рекомендовал обратиться к историку Покровскому, чтобы узнать правду об этих героях, чей памятник следует поскорее убрать... эта публикация вызвала гнев Сталина, что вылилось в специальное постановление ЦК ВКПб. О неожиданности такого поворота свидетельствует тот факт, что недоуменный Бедный обратился за разъяснением к самому Сталину. И тот хладнокровно разъяснил ему свою позицию: позорить на весь мир Россию недостойно истинного пролетарского поэта, поскольку это бросает тень на рабочих, которые, совершив Октябрьскую революцию, не перестали быть русскими. Стихи Бедного – «это не большевистская критика, а клевета на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата». Сталин посоветовал брать пример с Ленина и отказаться от холопского взгляда на национальную гордость великороссов».

- Так ведь Бедный был прав. А Сталин передернул статью Ленина «О национальной гордости великороссов», о холопстве там говорится именно в применении к шовинистам.

«Сталин посоветовал брать пример с Ленина и отказаться от холопского взгляда на национальную гордость великороссов». Мда. Молоко с кровью.

Т.е. если у великороссов есть национальная гордость – это холопство? Или отрицание национальной гордости ест холопство?

Так вот, Ленин писал о другом смысле - есть разные взгляды, например, гордиться свержением попа, помещика, царя, а есть еще холопский взгляд. И именно Пыжиков этот холопский взгляд и представляет! Ленин именно пыжиковых именует холопами.

Пыжиков постоянно вырывает фразы из контекста – возьмите брошюру Ленина «О национальной гордости великороссов, прочтите ее целиком и убедитесь, как мошенничает Пыжиков.

Что касается Демьяна Бедного. Так о том же самом писал Ленин! О плохо «оробоченном» русском рабочем. Именно Ленин вычитывал литературу о системе выжимания пота Тейлора, чтобы повысить производительность труда рабочих, и это пройдет красной нитью через всю историю СССР, где так и не будет достигнут западный уровень.

А вот о Минине и Пожарском разговор особый. Итак, чем следует гордиться? Петром 1-м, Иваном Грозным. То есть – классовыми врагами.

Именно этот поворот от марксистской классовой оценки в сторону великорусского шовинизма и сделал Сталин.

Касательно Минина и Пожарского. Не знаю, что писал Покровский, но это были лидеры Второго ополчения 1611 года, которое вместе с остатками Первого ополчения разбила польско-литовско-шведских интервентов и в 1612-м освободило Москву.

Вы бы почитали, что современные российские левые, изображающие и себя марксистов, пишут об Отечественной войне 1812 года!

Да, Пожарский – из князей... и? Бедный, видимо, плохо читал Ленина, который указывал, что есть войны захватнические, а есть освободительные.

Далее: «Восприятие России, ее прошлого сквозь призму национальных ценностей постепенно, но неуклонно внедряется в идеологическую практику. А для прежних приоритетов, напротив, места остается все меньше и меньше. Уже в 1931 г. это хорошо ощутил Покровский. Его вынудили внести серьезные коррективы в отстаиваемую им теорию «торгового капитализма». Ему пришлось признать безграмотность некоторых собственных формулировок и, в частности, согласиться с тем, что торговый капитал не может определять характер политической надстройки: она зависит от производственных отношений, а не от торговли, т. е. обмена».

Где точная ссылка? Что, у нефтяных государств не торговля определяет надстройку? А когда промышленного капитала еще не было, а был сплошь ростовщический? А то, что финансовый капитал подчиняет капитал промышленный – это Пыжикову известно?

Далее: «На Украине прогремел процесс по делу «Союза освобождения Украины», проходивший в марте-апреле 1930 г. в помещении Харьковского оперного. Эта подпольная контрреволюционная организация боролась за... отрыв республики от советского государства с последующим свержением советского строя при помощи зарубежных стран. Предполагалось возвращение бывшим собственникам земель, отданных совхозам и колхозам, а также возобновление прав собственности на промышленные предприятия. Такая политика вела «к столыпинской ставке на кулака, к отдаче в кулацкую кабалу и к обнищанию огромной массы крестьянства». Главным объектом ненависти украинских националистов был пролетариат. Большой популярностью у них пользовались взгляды Грушевского, противопоставлявшего местное крестьянство – носителей подлинного национального духа – рабочему классу, состоявшему преимущественно из приехавших великороссов. Национальные идеи в республике вынашивала и поддерживала интеллигенция, особенно историки, которые обосновывали национальное своеобразие Украины и романтизировали ее прошлое. В Белоруссии плацдармом националистических взглядов была объявлена Белорусская академия наук. Там тоже заправляли местные историки: идеализируя прошлое, они ностальгировали о «золотом веке» Белоруссии (XV-XVI столетия), с энтузиазмом рассуждали о культурных корнях. Из академических учреждений изливался поток соответствующей научной литературы. В ней выпячивалась самобытность крестьянства по сравнению с рабочими. В словаре, вышедшем под эгидой АН, термин «пролетариат» был заменен словом «убожество», эксплуататорские классы именовались польским словом «взыск», а бедняк – «злыднем». Националистические идеологи видели идеал «свободной Белоруссии» в крепком кулацком хозяйстве. Суд над группой Игнатовского-Жилуковича подвел черту под белорусским буржуазным национализмом. По тому же сценарию и с теми же обвинениями была разгромлена группа националистов, включавшая местную интеллигенцию, кулаков и мулл, в Татарской автономной республике. В то же время подобный процесс прошел и в РСФСР, «дело историков», когда разгрому подверглась группа русских специалистов во главе с С. Ф. Платоновым, работавшая в системе АН. Им вменялось в вину создание контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» с целью свержения советской власти и восстановления монархии. Этот процесс достаточно хорошо изучен, его иногда называют «шахтинским делом научной интеллигенции»... Разгром русской исторической школы... был вписан в единый сценарий по искоренению буржуазно-национальной интеллигенции во всей стране. Не случайно ту часть русской интеллигенции, которая делала ставку на буржуазное перерождение СССР, «Правда» поместила в один ряд с националистически настроенными группами украинской, белорусской, грузинской, армянской интеллигенции».

- Шахтинское дело не было направлено против интеллигенции, как это подает Пыжиков. К группе Платонова не имела вообще никакого отношения.

В ноябре и декабре 1927 г. сбор зерна составлял менее половины от объема 1926 г.

Представители Веймарской республики в виду ареста германских специалистов не соглашались на займ. СССР был вынуждена сократить расходы на закупки сырья, оборудования и машин за границей.

Справка из Википедии.

В 1923 г. горняки Власовско-Парамоновского рудника, измотанные голодом и безденежьем, выдвинули петицию из 12 пунктов, в которой требовали улучшения условий труда на руднике, повышения зарплаты, соблюдения техники безопасности и развития местного самоуправления; в посёлке прошла манифестация, в которой приняли участие около 10 000 шахтёров, двинувшихся к зданию местного ГПУ, а также началась забастовка. Манифестантов встретил отряд солдат, несколько человек были ранены, организаторов протестов и активистов арестовали, волнения стихли только после смены руководства шахтоуправления и изменения административной принадлежности всего Шахтинского р-на. В мае 1927 г. массовые выражения недовольства повторились - из-за введения на шахтах нового колдоговора, повышавшего нормы выработки и понижавшего расценки, в результате чего реальная зарплата упала почти вдвое.

Ответственность за бесхозяйственность, халатность и некомпетентность, приводившие к авариям и поломкам дорогостоящего оборудования, зачастую списывалась на «классовых врагов», «саботажников», «вредителей» и «старых специалистов»,

Аресты инженеров, техников и управленцев Донецко-Грушевского рудоуправления «Донугля» шли с июня 1927 г. по 15.4.1928.

Первому «шахтинцу», технику Венедикту Беленко, вдовавшему «проходкой» им. Красина, относившейся к Донецко-Грушевскому рудоуправлению (ДГРУ) треста «Донуголь» - 15.4.1927 были предъявлены обвинения по статье 108-й УК РСФСР: «небрежное и халатное отношение к своим обязанностям»; причиной начала самого следствия стала гибель шахтёра в руководимом Беленко забое. В начале мая Беленко был отпущен под подписку о невыезде при поручительстве профсоюзной организации; при этом, он был снят со своей должности и переведён техником на другую шахту. После этого в Шахтинский отдел ОГПУ поступило сразу несколько заявлений от местных рабочих, в которых они указывали на «многочисленные нарушения», допущенные их бывшим начальником в работе: на одно заявление от 23 июля начальник окружного отдела ОГПУ Финаков наложил резолюцию о создании технико-экспертной комиссии для проверки фактов, а также — об открытии в отношении Беленко нового дела, которое должно было быть «увязано» с делом № 267 в отношении нескольких других инженеров и техников ДГРУ, арестованных в июне по ст. 58-й (п. 7, «экономическая контрреволюция»).

В деле появились несколько заявлений от рабочих, сообщавших о недоплате (позже многие шахтеры на допросах сообщали о тяжелых условиях труда, неправильном начислении заработной платы и бюрократизме инженерно-технического персонала) и обвинявших Беленко во враждебном отношении к советской власти: ни иностранные специалисты, ни дореволюционные инженеры не скрывали недовольства как низким уровнем финансирования угольного производства, так и методами управления, порождавшими нарушения технических процессов и правил техники безопасности, снижая добычу угля в регионе

Само содержание дел подтверждало бедственное состояние шахт: как изношенность оборудования, нехватку квалифицированной рабочей силы, низкую заработную плату и производительность труда, так и проблемы с организацией труда.

В июне 1928 г. членкор АН СССР Владимир Грум-Гржимайло писал, что «настоящее подлинное вредительство есть легенда, а имел место только шулерский прием» и что «весь шум имел целью свалить на чужую голову собственные ошибки и неудачи на промышленном фронте... Им нужен был козёл отпущения, и они нашли его в куклах шахтинского процесса»

Группа следователей под руководством Иосифа Блата, состоявшего начальником экономического управления ГПУ УССР, развернула интенсивные действия в отношении арестованных инженеров и управленцев. Активность чекистов вывела дело на требуемый Москвой уровень: из собранных материалов следовало, что в регионе существовала и действовала подпольная организация, являвшаяся разветвленной и связанной с зарубежьем.

Чичерин заявил, что в СССР вскоре состоится большой судебный процесс, на котором «преимущественно будут фигурировать поляки», но также и германские граждане, сотрудники «Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft» (AEG или AEG/AЭГ), работавшими в регионе и занимавшимися как наладками турбин, так и обучением советских рабочих

Дело ознаменовало переход от НЭП к «социалистическому наступлению» в экономике.

Однако переваливанием собственных ошибок на головы инженеров дело не кончилось. Вот тогда перешли к интеллигенции, которая вполне могла создать критическую атмосферу против сталинского маразма и репрессий. Порядка 40 тыс. ученых, среди которых, разумеется, доминировали русские ученые, были

уничтожены, сотни тысяч, такие, как С. П. Королев, Д. Д. Иваненко, Л. Д. Ландау и т.д. прошли лагеря и тюрьмы.

Но вот интересно: русский национализм, черносотенство, радеющее за монархию, Пыжиков поддерживает. Другие национализмы отрицает.

«Это направление политики, - продолжает Пыжиков, - представляло собой важную часть сталинского замысла по общему переформатированию большевистской идеологии. Прежде всего оно означало отказ от классических марксистских рецептов по нивелированию культурных, языковых и бытовых различий. В середине 1930 года на XVI съезде ВКПб Сталин однозначно характеризует период строительства социализма временем расцвета национальных культур – социалистических по содержанию и национальных по форме. По его убеждению, именно сейчас этот процесс развернется с новой силой, чему будет способствовать обязательное начальное образование на родном языке. А преодолеть отсталость разных национальностей поможет пролетариат; он гораздо лучше справится с этой задачей, чем буржуазия и интеллигентские группировки, прыскающие ядом национализма для укрепления своего господства. Слияние же в одну социалистическую культуру с одним общим языком Сталин отнес к неопределенному будущему».

- Во-первых, не существует никаких марксистских «рецептов» по нивелированию культурных, бытовых и языковых различий, это нивелирование с успехом осуществляет капитализм во всем мире.

Пыжиков не в курсе: никакого переформатирования у Сталина не было, пыжиков просто не читал работу Сталина «Марксизм и национальный вопрос» от марта-мая 1913 года (в «Марксизм и национально-колониальный вопрос», Партиздат, 1931). Сталин пишет, что невозможен синтез из ничего, общая культура может сложиться лишь и созревших культур. Ну, и далее вспоминаем Ленина, который указывал, что капитализму легче развиваться в государственных, национальных границах. Так что никакого переформатирования.

А вот возрождение национальных культур шло в русле т.к. культурных автономий. Называлось это коренизацией, которая, как украинизация, включала передачу русских областей Украине. Это вызывало многочисленные протесты русского населения, территории возвращали обратно, чтобы потом снова отдать Украине. Последствия мы видим сегодня на примере «анти-террористической операции» на Донбассе.

«Уже в 1934 г. в передовицах «Правды» декларировалось, что для советских людей «нет ничего дороже в жизни, чем своя родная страна, освобожденная от ига помещиков и капиталистов», а наша земля – родная мать, «своими соками вскармливающая прекрасные всходы новой счастливой жизни». Еще не привыкшая к таким заявлениям эмигрантская пресса испытала шок. Большевистский «Социалистический вестник» кричал о полном перерождении большевиков, предавших марксистское учение. Группировавшиеся вокруг издания деятели считали невозможным реабилитацию слова «родина»: они напоминали, что это слово было знаменем белогвардейщины, и предостерегали об опасности окончательной смерти революции».

- Угу. Например, «социалистическое отечество в опасности».

С другой стороны – о какой именно родине идет речь? О туркменской или русской?

«Очень скоро «Правда» превратилась в конвейер по производству патриотических установок: «Любить свою великую, свободную Родину значит знать ее, интересоваться ее прошлым, гордиться ее светлыми, героическими страницами и ненавидеть ее угнетателей, мучителей»[654]. Или: беззаветная сознательная любовь к родине подразумевает, что «надо хорошо знать ее сегодня и вчера, ее замечательную историю».

Странно, как Пыжиков не заметил, что речь шла далеко не о всей истории. Культ Ивана Грозного, убийство которым порядка 5 тыс. человек, Петра I, которому убить ни в чем не повинного человека тоже ничего не стоило, который варварски обошелся с тем благодатным для реформ материалом, что был тогда в России, Пыжиков подает под «производство» патриотической истории.

Далее Пыжиков указывает, что Покровский неверно, следуя Энгельсу, оценил крестьянскую войну в Германии, забыв о польско-литовско-шведской интервенции, войну 1812 года, сосредоточившись на величии Наполеона, что школа Покровского принижала «прогрессивную роль Петра Великого» и т.п. Странное дело – с одной стороны, французские революционеры, следуя Пыжикову, не должны были устраивать буржуазные революции – ведь Франция в те периоды была в состоянии войны. С другой стороны, какой ж тут отход от марксизма-ленинизма, если Ленин сам указывает на захватнические и освободительные войны.

Пыжикову стоит выбрать, на чьей он стороне: например, либо на стороне народа, восставшего под предводительством Пугачева, либо на стороне слуги Российской империи Суворова, принявшего участие в подавлении восстания Пугачева.

Конечно, есть ныне в России сумасшедшие, жертвы перестройки, которые считают, что восстание Пугачева инспирировано Англией. Но мы с вами не психиатры, чтобы разбирать подобные клинические случаи.

Итак, отметим: Пыжиков хотя и со своих позиций, но относительно верно рисует отход сталинской клики от классового подхода в оценке царей, к возврату от марксовой истории человечества как истории борьбы классов к истории царей.

Далее Пыжиков буквально проговаривается:

«Внедрение патриотизма, восхваление российского прошлого вело к логическому завершению новой идеологической архитектуры. Русский народ провозглашался самым передовым.

- Внедрение! И особенно русский народ оказался передовым в создании квантовой механики и теории относительности.

«На русском языке писал Ленин», - повторяет Пыжиков агитку 30-х, так ведь Ленин-то был интернационалистом!

«Как в новой доктрине уживались интернационалистические ноты и патриотические мотивы, можно продемонстрировать на примере А. С. Пушкина. В СССР его реабилитация и признание величайшим русским литератором произошла в начале 1930-х; до этого он считался типичной буржуйской услугой[683]. К 1937 году – к столетию со дня гибели поэта – в стране уже процветал его культ».

- Чушь какая-то. В ссылке - Вересаев В. В защиту Пушкина // Правда. 1935. 20 апр.

То есть: какой-то дурак что-то брякнул о Пушкине, Вересаев откликнулся. Всё! А Пыжиков мнение одного дурака выдает за общепринятое мнение, а 30-е гг. именуется реабилитацией Пушкина!

Между тем, еще в 1922 году села Тригорское и Михайловское вместе со Святогорским монастырем были объявлены заповедником. Пыжиков, приписывая Сталину насаждение культа Пушкина, просто невежественен.

«Но Пушкин настолько велик, что его произведения близки всем народам, прежде даже не слышавшим его имени...»

- Угу. «Приют убогого чухонца», «Клеветникам России»...

«Согласимся: о возведении подобных патриотических воззрений в ранг государственной политики, в свое время не могли мечтать и такие апологеты патриотизма, как М. Н. Катков и К. П. Победоносцев».

- Пыжиков совсем не соотносит фрагменты своего текста друг с другом. Сначала пишет о созданном Сталиным культе Пушкина, а потом о патриоте Победоносцеве, о котором Пушкин писал: «Победоносцев над Россией простиер совиные крыла...»

«При самодержавном строе никто не позволил бы им развернуться во всю патриотическую удаль. А при Сталине, в условиях господства космополитического марксизма, мощно спрессованная патриотическая доктрина обрела явь! Конечно, переход большевизма, по сути, на черносотенные рельсы не может не поражать».

- Оказывается, марксизм – космополитичен! Чижиков перед написанием своей книжки не обращался к психиатру?

Но не торопится ли Пыжиков с определением «черносотенные»?

«Как метко замечено, большевистская партия, фактически, создала «деформированного близнеца» того государства, против которого боролась[685]. Понятно, что ленинская элита не могла существовать в идеологической атмосфере, «когда отрывки из коммунистического манифеста подаются в одной крошечке со славянофильством черносотенной окраски»[686]. Зато новые партийцы, ничем не связанные с интернациональным движением, с готовностью приняли государственную патриотическую доктрину. А ее создатель стал их подлинным кумиром».

- И этот кумир регулярно этих партийцев расстреливал.

Любопытна 686-я ссылка: Федотов Г. Россия и свобода (Сборник статей). – Нью-Йорк, 1981. С. 144.

То есть: на Западе прекрасно осознавали, что никакого отношения к социализму СССР не имеет, никакого коммунистического врага нет в помине.

«Напомним, до своей опалы в конце 1920-х Бухарин считался главным марксистским теоретиком партии. В феврале 1934 г. он был назначен ответственным редактором «Известий» и решил внести лепту в формирование новой идеологии. Однако идеи Бухарина уже устарели, хотя он всячески пытался соответствовать требованиям времени... Бухарин сосредоточился не на национальном факторе, а на советском народе, «консолидированном и по вертикали (классы), и по горизонтали (нации)». Именно так он представлял СССР, где все будут «объединены в едином организованном обществе коммунизма». Иными словами, национальные черты здесь не учитывались. Т.е. русский народ в сталинской интерпретации – путеводитель, первый среди равных, по бухаринской схеме просто растворялся в единой целостной общности. Бухарин всегда был склонен к русофобии... В одной из своих статей в «Известиях» он называет русских «наследниками проклятой обломовщины», «азиатщиной», «рассейской растяпой».

Да! Еврей Бухарин так ненавидел русский народ! Ну, фантазёр...

Далее стандарт:

«Негативное отношение основоположников ко всему, что связано с Россией, для знающей публики не было секретом. Большевистская элита, преклонявшаяся перед Марксом и Энгельсом, не обращала внимания на их нелицеприятные антирусские выпады... Сталин тоже игнорировал пренебрежительное отношение классиков к России, но постепенно начал внедрять мысль, что они просто не все знали и не все могли учесть. На откровенный разрыв с «самым научным учением в мире» он идти не собирался, чтобы играть роль преемника «великих умов» с именем Сталина. Пропаганда подчеркивала, насколько серьезно относились Маркс и Энгельс к России... Как настойчиво изучали русский язык... добротный ход:

заставить незабвенных классиков работать не только на пропаганду себя, как верного продолжателя их дела, но и на авторитет России, коей они на дух не выносили.

Сталина никогда не заботило сбережение идейного наследия марксизма. Известно немало его пренебрежительных слов в адрес Маркса и Энгельса. Так, их учение об отмирании государства, на которое ориентировался и Ленин, Сталин отменил, а возникшие теоретические нестыковки объяснил изменившимися обстоятельствами: взгляды классиков будут применимы, когда социализм победит в большинстве стран и когда появятся необходимые для этого условия... у основоположников имеются недостатки, вызванные влиянием немецкой философии, в особенности Канта и Гегеля. В 1934 г. по его требованию из гранок журнала «Большевик» была снята статья Энгельса «Внешняя политика русского царизма», где внешнеполитические службы страны выставлялись шайкой бесстыдных аферистов, обслуживающих хищнические позывы самодержавия. Как заметил Сталин, тоже самое было характерно и для Европы... Школа Покровского, заправлявшая в 1920-х, высказалась однозначно: русский капитализм был не просто отсталым, он был начисто лишен какой-либо национальной окраски. Труды, вышедшие под эгидой Комакадемии, рисовали картину полной зависимости российских банков и промышленности от западного капитала – здесь особенно преуспели Н. Н. Ванаг и С. Л. Ронин. Ванаг убеждал, что органическое строение капитала в России отражало пережитки средневековья, а потому выводы о его бурном развитии совершенно необоснованны: их могут делать «только дети, не овладевшие всеми четырьмя правилами арифметики». Ронин уверенно разделял все российские банки накануне Первой мировой войны на две группы: одни контролировались непосредственно из Парижа, другие – из Берлина. Причем западному капиталу незачем было добиваться формального большинства в управлении: все дела «весьма добросовестно творили «русские люди», допущенные хозяевами к управлению после тщательного отбора». ... Научные изыскания Ванага расценивались как оборотная сторона тезиса о невозможности построения социализма в одной стране. В 1932 г. он был вынужден признать свои ошибки, направив в редакцию журнала «Историк-марксист» покаянное письмо: «Я дал почву для протаскивания троцкистских идей о полукOLONIALном характере царской России, об отсталости вообще и примитивности экономического развития страны...» ... через 3 года осужденная теория Ванага была востребована. Теперь тезис о неразвитости и подчинении страны мировому капиталу обосновывал величие Октябрьской революции, освободившей полукOLONIALную Россию от гнета международной буржуазии.

- Вера Засулич тоже была связана с Россией. Но Маркс с удовольствием с ней переписывался. Однако – кроме России от классиков доставалось и немцам, и англичанам, и французам, и евреям. Причем не правящим кругам. А именно нациям. Вот как Маркс высказывался о собственной нации: «Эмансипация евреев есть эмансипация человечества от еврейства» («К еврейскому вопросу»). И что?

Но верно и то, что классики слабо знали Россию.

Русский капитализм – был действительно отсталым, действительно зависимым от Запада, Пыжиков хочет оспорить этот факт? Что до его национальной окраски. Во-первых, первые интернационалисты – это буржуа. Они рады совместно подавить любую революцию, последний пример – подавление антифашистского восстания в Новороссии руками Вашингтона, Брюсселя, Киева и Москвы. Во-вторых, скажем, Ленин отнюдь не отрицал, а подчеркивал национальную особенность капитализма в России: он вызревал в первую очередь в рамках казенных, государственных заводов.

Ну, а то, что классики якобы «на дух не выносили» Росси – это уже больная фантазия Пыжикова.

Верно в этом фрагменте лишь то, что Сталин извращал марксизм. Но это не открытие Пыжикова, армии монархистов, черносотенцев пишут об этом не одно десятилетие.

Однако Пыжиков отмежевывается от этой армии:

«Разные круги явно не заинтересованы в подлинном освещении того, каким образом рождалась патриотическая доктрина в СССР. Некоторым группам и отдельным личностям крайне выгодно изображать советскую историю и после середины 30-х годов, как продолжающееся безраздельное господство все тех же инородческих сил, нацеленных на разорение России. Особенно неприемлемым для эксплуатирующих образ истинных патриотов является тот факт, что ярко выраженный патриотический поворот происходил абсолютно вне церкви. Это-то и дает повод современным приверженцам русского патриотизма продолжать рассуждения об антинародной, инородческой сущности большевизма, старательно не замечая, как под прежней вывеской постепенно пестовалась этнически русская партия с соответствующей русской идеологией».

- Замечательно. Русская идеология! Теперь нужно сделать еще шаг: признать не только идеологию буржуазной, но и экономику: под вывеской советской. И еще один шаг: признать любовь черносотенцев в общественной элите – под вывеской любви ко всему народу.

«Вдохновителями массового надругательства над РПЦ они считают большевистскую верхушку, объявившую тем самым войну русскому народу. Однако... обращает внимание, что жесткие антицерковные выпады исходят от рядовых участников съездов, конференций с самыми обычными русскими фамилиями, представлявших великорусские регионы страны. Возьмем XIV Всероссийский съезд советов, состоявшийся в мае 1929 г. и обсуждавший религиозные дела. Тексты выступлений передают устойчивое неприятие церкви, которым были проникнуты делегаты. Например, Строкин из Нижегородской губ. требовал «религиозную дурь выжечь каленым железом, чтобы ее действительно не было, так как она сказывается на снижении нужной нам активности масс». Он настаивал на повышенном налогообложении всех церковных зданий. Другой оратор возмущался неторопливым закрытием церквей, которые следует приспособить для культурных нужд населения. Его возмущение вызвал тот факт, что верующие протоптали дорогу во ВЦИК к Калинин; они активно пользуются данным путем для подачи жалоб. Поэтому нужно сделать так, чтобы все эти граждане забыли туда дорогу, и никакого поощрения им не давать. Еще один делегат Никитин из Владимирской губ. не менее решительно высказался, сославшись на опыт своего отца, выгонявшего попов из дома. И теперь для воздействия на них требуется не агитация, а «рабочая пролетарская рука... кое-где нужно ударить покрепче по этому дурману и стегнуть его получше». ... Глава правительства попытался разъяснить, что идеологическая борьба на таком чувствительном участке, как религия, не должна подменяться палкой. Религию нужно уничтожать в головах с помощью действенных аргументов, а не кулаков. Выступление

Рыкова прервалось репликой из зала: «массы выносят постановление о закрытии церквей, а вы по 6 месяцев маринуете, не рассматриваете». Аналогичная ситуация наблюдалась и на 2-м съезде безбожников в июне 1929 г. Лился поток нелепых речей в адрес церкви. Липатов из Нижне-Волжской обл. расценил надежды на мирное вытеснение попов как типичное проявление «правого уклона». Равнодушное отношение к религиозной борьбе он назвал примиренчеством с идеологическим врагом. Дурасов из Н. Новгорода обрушился с критикой на правительственное ведомство «Главнаука», которое под предлогом исторической ценности препятствует закрытию церкви в городе, тем самым мешая пролетариату... посланец комсомола Бухарцев. В это время организацию возглавил сталинский выдвиженец Косарев, сразу взявший жесткую линию по отношению к религии... представитель ЦК ВЛКСМ заявил, что Союз безбожников недооценивает остроту момента, по существу, поет «аллилуя» церкви. Налицо опасность превращения идеологической борьбы просто в культурный фактор, когда господствуют представления о религии, как о некотором бытовом моменте. По мнению посланца молодежи этим успешно занимаются и Бухарин, и Луначарский, и Ярославский. Их выступлениям место не на данном форуме, а на каком-нибудь церковном соборе... Это выступление вызвало негодование у части делегатов, потребовавших извинений. Однако «Комсомольская правда» поместила передовицу, где полностью солидаризировалась с представителем ЦК ВЛКСМ... Луначарский говорил о том, что не следует увлекаться административными актами, прямыми ударами, дабы не оскорблять верующих и не давать козыри в руки наших настоящих врагов. Вместо этого нужна кропотливая просветительская работа. Ярославский взывал к авторитету Ленина, рекомендовавшего с величайшей осторожностью подходить к антирелигиозной пропаганде. Руководствовались не марксистскими истинами, а национальной идентификацией, выраженной идеологией: «русское – это лучшее и передовое».

- С величайшей осторожностью?? «Любое заигрывание с религией есть труположество». Ай да осторожность. Чижиков не цитирует статью Ленина «Социализм и религия». Ленин никакой осторожности не рекомендует, Чижиков врет. Прочитайте статью полностью!

Однако Пыжиков четко указывает на дебилизм шовинистического отождествления церкви и русского народа.

«Интернационалистические мотивы в их системе ценностей занимали подчиненное место, лишь подкрепляя осознание собственной исключительности. Получается, для этих коренных русских людей из низов национальное возрождение не подразумевало РПЦ! Иногда ловишь себя на мысли, что те, кто устранял инородцев-леваков, как чуждых элементов, примерно так же относился и к церкви. Потому-то провозглашение русского народа самым передовым в мире сопровождалось буквальным сносом РПЦ, превзошедшим гонения периода Гражданской войны. Очевидно, коммунисты из народа считали ее не только не своей (что естественно), но и в принципе, имеющей далекое отношение к подлинному русскому духу. Иначе говоря, мы сталкиваемся с удивительным явлением: русское национальное становление в «большевистских одеждах» выразило внецерковную традицию, подспудно существовавшую в староверческих народных слоях. Подчеркнем, не вообще внецерковную, а именно православную внецерковную. Никакие сектанты, также отвергавшие РПЦ, наверняка не стали бы восторгаться русским народом, как самым лучшим и передовым; это кардинально противоречило их базовым религиозным установкам. Отсюда следует, что само понятие «русского» имеет более сложную природу, чем это представляется нынешним патриотам, не мыслящим жизни без РПЦ».

- «Национальное» (т.е. и татарское, и белорусское, и армянское и пр.) становление выражало не староверческую традицию, которая никогда народной не была, а атеистическую. Что явно было связано с развитием производства.

Пыжиков не понимает, как именно изменилась идеология. Как можно говорить о русскости Ивана Грозного, если он истребил порядка 5 тыс. русских. Речь шла о возвеличивании не всего русского, а о возвеличивании слова «царь». Вместо Советов – император, вот куда был совершен идеологический разворот.

Далее Пыжиков рассказывает, как патриотически изменялась литература.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

«Так, форменной обструкции подвергся М. М. Пришвин, на которого прочно навесили ярлык реакционера».

- Так он действительно реакционер, вы его дневник почитайте.

«Весьма любопытно, что сложившийся в тот период крепкий антирусский литфронт получил ощутимую пробоину. Причем его идейная монополия была оспорена не кем иным, как Троцким. Этот пламенный революционный трибун никогда не проявлял большой любви ко всему, что касалось России».

- Ну, что взять с еврея. Какая у него может быть любовь к русским, так прямо и скажем: ненавидел он Россию, хотел всех русских извести под корень!

«... да и в данном случае дело было не в проснувшихся вдруг симпатиях. Просто Троцкий, абсолютно не веривший в какие-либо творческие потенции русского народа, возможность какого-либо их развития считал невероятной».

- Пыжиков, поскольку у него в головушке всё постоянно путается, подменяет веру в возможности развития пониманием невозможности победы социализма в отдельной, да еще отсталой аграрной стране. Так ведь Троцкий отрицал возможность победы социализма и в отдельной развитой стране!

«И если Богданову с последователями не терпелось приступить к возвращению новой пролетарской литературы, то Троцкий считал эту задачу делом далекого будущего: «Нет, рабочие массы культурно чрезвычайно отстали; малограмотность и безграмотность большинства рабочих представляет сама по себе величайшее препятствие на этом пути».

- Троцкий говорил правду! Действительно, советская литература, за исключением посредственных писателей, до своей кончины так и не стала классовой. И не могла стать, и вовсе не по причине отсталости рабочего класса.

Кто бы дал при сталинизме развиваться социалистической литературе?!

Но если советская литература 20-х пошла по другому пути, она, кроме Булгакова, вобрала в себя фольклор (Замятин, Пильняк, Бабель, Артем Веселый, Катаев, Платонов), то литература после хрущевской оттепели попросту игнорировала рабочий класс. Разумеется, пасхальные творения типа производственного романа в виду не имеются.

Далее Пыжиков противопоставляет «попутнической» литературе «рабоче-крестьянского» Фурманова. Но ведь назвать Фурманова крупным писателем никак нельзя.

«К рулю встал Леопольд Авербах, который ранее поддерживал «родовцев». При его деятельном участии была учреждена Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), которая, по сути, проводила прежний курс: выдвижение авторов из рабоче-крестьянской среды... Известный писатель Федор Панферов был родом с Поволжья. Федор Гладков, также выходец из беспоповцев.

Аналогичное происхождение и у видного организатора советской литературы Владимира Ставского.

Упомянем и петербургского рабочего Сергея Семенова; он также вышел из староверческой среды и стал писателем.

Необходимо назвать Михаила Чумандрина, Феоктиста Березовского, Николая Кочина, Ивана Макарова и др., произведениям которых, описывающих генезис староверия после революции ...

Поэт С. Клычков (тоже выходец из староверия). О кровной связи революционеров со староверием свидетельствует и творчество популярного в 1920-х годах писателя А. Аросева. ... не меньший интерес вызывает творчество авторов, вышедших из рабоче-крестьянских низов и влившихся в литературу с конца двадцатых годов. Многие из них принадлежали непосредственно к старообрядческой среде, а потому описанные ими реалии и события представляют собой взгляд на повседневность, наполненную, в том числе, и старообрядчеством уже изнутри. Знакомство с их творчеством позволяет лучше осознать, насколько было укоренено последнее в жизни русского простонародья. С. Семенов, А. Перегудов, А. Копылов, И. Макаров, Ф. Панферов, Н. Кочин... роман забытого писателя Макарова «Стальные ребра».

Еще один забытый писатель той поры – Перегудов, уроженец старообрядческого Подмосковья.

Писатель Ф. Березовский вышел из низов и был популярен в довоенный период. Нижегородского писателя Кочина, также выросшего из староверия, волновали разрушение традиционной крестьянской среды. Петербургского рабочего Семенова – коллегу и сподвижника Фадеева по Союзу советских писателей, погибшего в Великую Отечественную войну, сегодня помнят лишь немногие специалисты. Нам же интересно то, как он воспринимал революцию – в сугубо религиозном ключе... писателя с дореволюционным стажем Александра Попова (родом из донских казаков); больше известного под псевдонимом Серафимович».

- Гладков, роман «Цемент» существенно переработан в 30-е, два сборника военных очерков, статьи о Горьком, два сборника очерков за 30-е, романы «Энергия» и «Березовая роща», повесть «Огненный конь», автобиография «Повесть о детстве», повесть «Вольница»... Всё. Т.е. он, в основном, журналист. Чиновник. Родился в семье старообрядцев, но это вовсе не значит, что сам он имеет отношение к старообрядчеству. Обратим внимание: сам Пыжиков говорит о забытости этих авторов – он умудрился набрать прорву бездарей. И заявляет, что они и есть истинно русские.

«... очень быстро выяснилось, что рабоче-крестьянские писатели ведут собственную игру против руководства РАПП – того самого, которое всячески их лелеяло... на литературном ландшафте четко определились два полюса. Первый – группа Авербаха с Горьким в качестве патрона и второй – группа Панферова-Серафимовича, поддержанных лидером комсомола Косаревым. Это противостояние соответствовало общему раскладу сил и проходило не только по линии интеллигентности – выходцы их рабоче-крестьянских низов, но и по принципу конфессиональной принадлежности. В первой группе не было никого со староверческими корнями, зато костяк второй составляли выходцы именно из этих слоев.. факт остается фактом: выходцы из староверия определяли сплоченность второй группы. Она-то и послужила опорой при создании Союза писателей СССР ... Постановление ЦК ВКП(б) от 23.4.1932 «О перестройке литературно-художественных организаций» открывало новую эпоху в советской литературе... В день опубликования партийного решения «Правда» поместила разгромную статью, посвященную Авербаху и Троцкому, так и не сумевшим понять суть ленинской культурной революции. И все это произошло за 2 дня до приезда Горького из Италии: его явно хотели поставить перед свершившимся фактом. Он отрицательно отнесся к этому решению ЦК и даже думал выступить с протестом. Ситуация усугублялась еще и тем, что в учрежденном оргкомитете по подготовке Всесоюзного писательского съезда отсутствовали горьковские любимцы, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы включить некоторых из них в этот орган. Правда, это мало что давало: все равно первую скрипку в оргкомитете играла панферовская группа. К тому же она заметно расширилась: реальные рычаги подготовки форума держал И. Гронский, а Горький стал почетным председателем оргкомитета. Фигура Гронского весьма примечательна: на самом деле он – Иван Федулов; родился в селе Любимского уезда Ярославской губернии (на стыке с Костромской и Вологодской губерниями). Его отец, периодически уходивший на заработки в Петербург, ненавидел попов, избегал любых контактов с ними. Самого Гронского за инциденты со священником, описанные им в воспоминаниях, отчислили из церковно-приходской школы. В этом нет ничего удивительного: его родные места издавна находились под старообрядческим влиянием, а позиции РПЦ были сильны там лишь на бумаге. Еще один функционер, брошенный проводить партийные решения на литературном поприще – П. Ф. Юдин, родился в семье крестьянина-бедняка нижегородского села Апракино, и его биография весьма схожа с биографиями Гронского, Панферова,

Гладкова и др. Эти новые руководители советской литературы сразу начали конфликтовать с Горьким по поводу выдвигаемых им инициатив. К примеру, Горький намеревался вернуть в страну уважаемого русского писателя И. А. Бунина, однако Гронский высказался резко против...»

Далее Пыжиков пересказывает один из рассказов Пильняка «Голой год», в котором фигурируют старообрядцы. Так ведь Пильняк, такой народный, в своем «Красном дереве» пишет: «Вымрет пролетариат!» А место его займет именно ненавистная старообрядчеству интеллигенция.

«Вспомним и широко известную трилогию А. Н. Толстого «Хождение по мукам». Телегин оказался на стороне большевиков. Каким же образом он к ним попал? Будучи инженером на Балтийском з-де в Питере, он познакомился с рабочей семьей Рублевых – опять-таки староверов из пермских лесов; Телегина поразил почти условный язык (А что, если это всего лишь художественный вымысел? Б. И.)... Когда свершилась Октябрьская революция, Телегин пребывал в полной растерянности относительно своего будущего. Он встретил на улице Петрограда Василия Рублева (сына), и тот, ставший у большевиков заметной фигурой, предложил: «Приходи завтра в Смольный, спросишь меня»... После этой судьбоносной встречи он признается героине романа Даше: «Я не верю, чтобы эти большевики так вдруг и исчезли. Тут корень в Рублеве... их действительно никто не выбирал, и власть-то их на волоске, но тут весь секрет в качестве власти... эта власть связана кровяной жилой с такими, как Василий Рублев... у них вера (его можно тиграми травить и живым жечь, а он все равно запоет интернационал)».

- Пыжиков даже не постарался убрать слово «Интернационал». Интернационал, а не национал. И большевизм, атеизм, а не беспоповство!

Пыжиков приводит пример еще одного третьестепенного писателя, Аросева, герой повести которого жаждет обрести новую идеологию, которая «ассоциируется у него именно с образом Фадеича (заметим, не Маркса!)».

Как Пыжиков не любит марксизм-ленинизм! Только вот те, которые жаждали обрести новую идеологию, хорошо изображены у того же А. Толстого в «Хождение по мукам». Как карикатуры.

«Чапаев, герой одноименного романа Фурманова, представлен автором как продолжатель традиций Разина и Пугачева: «те в свое время свои дела делали, а этому другое время дано» («те», напомним, громили дворянство и никонианских священников)... Чапаев больше народный герой, чем сознательный революционер: «программы коммунистов не знал вовсе», а в партии числился уже целый год – не читал ее, не учил ее, не разбирался мало-мальски серьезно ни в одном вопросе». ... Чапаев ненавидит священников («А то какой же поп, коль обману нет?»), но при этом крестится. Этот нюанс имеет принципиальное значение: приходжанин никонианской церкви, выстроенной на строгом почитании иерархии, так поступать, естественно, не мог бы».

- Так ведь Чапаев Фурманова – вымышленный, а фильм вообще не имеет к его биографии никакого отношения. Предки Чапаева были крепостными крестьянами и переходили от одного хозяина деревни к другому и никакого отношения к староверам не имели. Отец Василия Ивановича, Иван Степанович Чапаев, по национальности был эрзя, а мать чувашка. Василия Иван Степанович определил в местную церковно-приходскую школу, меценатом которой был его зажиточный двоюродный брат. Сам Чапаев был близок к Троцкому. И очень хотел учиться! И Троцкому же и оправил рапорт определить его на учебу в Академию Генштаба.

Но что ж это Пыжиков Пугачева поминает, ведь его восстание подавлял такой русский человек, как фельдмаршал Суворов, которого превозносил Сталин?!

«Образ России, - внушает Пыжиков, - распространенный в отечественной литературе, здесь (у Сейфуллиной, Б. И.) воплощает не просто женщина, а женщина-раскольница: «По-кержачки зовут: Виринея. У нас свои святцы». Жизнь в никонианской семье у нее не ладится; сноха постоянно попрекает: «Кержачка непутевая в дом ни богатства, ни почета не принесла». К тому же Вириния с мужем не венчаны в церкви, что его родственники считают большим грехом и обидой. Разумеется, совместная жизнь в подобных условиях продолжалась недолго: она расстается с мужем и свекровью: «У вас бог православный, креста моего староверческого не примет». Жизненный путь Виринеи показателен: сначала она отвергает домогательства земского, потом какого-то инженера и, в конце концов, связывает свою судьбу с большевиком Павлом Суловым. Тот при ее горячем одобрении спланирует бедноту (колоритную, надо заметить, публику), жаждущую постоять за правду».

- Что ж, если Виринея – из старообрядцев, беспоповцев, мы видим, каковы их нравы, ведь Виринея попивает. И отучает ее от этого атеист муж.

Но посмотрите, что вытворяет Пыжиков: он своим старообрядчеством подменяет рост классового сознания у Виринеи. Не старообрядческие устои, а бедное бытие, логика противостояния бедноты кулакам определяют ее действия.

Пыжиков постоянно вдалбливает, что в революцию шли якобы вследствие старого обряда, якобы в марксизме-ленинизме ничего не смыслящие и не желающие смыслить. Его унылым заплесневелым мозгам не дано понять, что идеи не привносятся сверху, генсеками или конфессией, они генерируются общественным бытием, классовой борьбой. И эти идеи отражены в марксизме-ленинизме.

«Мы диалектику учили не по Гегелю», - пишет Маяковский. Тут подсказывает Пыжиков и верещит: «А по старым обрядам!» Но Маяковский развеивает: «Бряцанием боев она врывается в стих...»

«... по мнению автора (Сейфулиной, Б. И.) староверие в лице Виринеи выполнило свою миссию, оно дало жизнь тем, кто обязательно довершит правое дело, стерев с русской земли богатеев и их прислужников».

- Экстрасенс Пыжиков знает мнение автора! Точнее, по привычке фантазирует, выдает свое мнение за мнение Сейфулиной.

«В подавляющем большинстве поповцы, как и никониане, выступали сторонниками частной собственности. Известные купеческие магнаты России принадлежали именно к поповщине или вышли из нее. И в сельскохозяйственной сфере поповское согласие особенно прочно укоренилось там, где общинная экономика всегда была слаба: в южных районах России, на Украине».

- Во-первых... против какой частной собственности? Земельной? Скажите это дореволюционным крестьянам. Вот бы беспоповцы побегали между ними с призывом отказаться от земли.

Во-вторых, капиталистов из беспоповцев выросло побольше, чем из поповцев.

В-третьих, оказывается, большевики выступили против лозунга «фабрики – рабочим», ибо были против частной собственности! И против огосударствления, т.к. государственная собственность – тоже частная.

«... вчитываясь в эти тексты внимательно, можно заметить одно принципиальное обстоятельство: большевиков поддерживают не просто староверы, а преимущественно староверы-беспоповцы».

- Нет, нет. КПРФ не согласна: большинство большевиков были православными. Ведь Христос – первый коммунист! И статистика подтверждает: православных никониан среди рабочих было гораздо больше! Далее замечательное высказывание: «Беспоповство обеспечивало идейное оформление общинных форм хозяйствования, несло идеалы солидарности, выработанные существованием в этих регионах». Чем-чем выработанные? Существованием? Мы-то думали – особой религией... А если существованием в регионах – причем тут беспоповство. И дальше, безапелляционно:

«Если раньше раскольники старались лишний раз не привлекать к себе внимания, то в советское время они определяют вектор общественной жизни».

- В своем ли уме Пыжиков? Еще перл:

«1917 год многое изменил, у рабочего люда проснулось чувство хозяина – того самого, чьи деды и отцы поднимали фарфоровое производство».

- Оказывается, деды рабочих поднимали фарфоровое производство. Вообще-то в России моду на фарфор ввел Петр I, первый завод, производивший майолику, был купец Афанасий Гребенщиков, он был хозяином завода. Ну, хорошо, пусть Гребенщиков – рабочий-беспоповец. Но остальные-то отрасли. Пыжиков пишет только о фарфоре. Сало быть, у металлургов, шахтеров, строителей – не просыпалось чувство хозяина. Или хозяевами металлургических и пр. заводов – тоже были не капиталисты, а рабочие?

«Прочтение приведенных выше книг наталкивает на мысль, что их авторы считали послереволюционные перемены неким внутренним делом широкой народной староверческой общности. Они отразили, как ее стремительное размывание приводило к выделению активной прослойки, ставшей опорой политического курса, который вошел в историю как сталинский».

- Нет, не наталкивает. Эта «мысль» могла родиться только в голове Пыжикова.

«Не случайно иностранцы были искренне уверены, что советские люди, возводящие индустриальные гиганты, находятся под властью какого-то мистицизма, недоступного европейскому сознанию».

- Примеров такой уверенности пыжиков почему-то не приводит.

«Петербургского рабочего С. Семенова... сегодня помнят лишь немногие специалисты... как он воспринимал революцию – в сугубо религиозном ключе. В одном из своих ранних рассказов 1922 г., Семенов проводит такое сравнение: «Старый человек умирает, и с ним умирает грустная мудрость Экклезиаста – ты проспал, древний бог. Над землей прошли великие времена, и огромные вещи свершились на земле. И мы верим, что свершились для того, чтобы любовь – скорбь просияла в любовь-радость. Для этого мы разрушили старый мир и создали новый... Я – новый человек, непохожий на свои предшествующие поколения. На моих плечах кожаная куртка, и вместо сердца у меня пятиугольная звезда».

- Посмотрите, как Пыжиков наизнанку выворачивает восприятие Семенова: из антирелигиозного (старый бог проспал, я новый человек) он стряпает религиозное!

«После прочтения подобных текстов причины трагедии, постигшей русскую интеллигенцию, становятся гораздо понятнее».

Интересно, сколько третьестепенных авторов перечитал Пыжиков, сколько бездарных творений освоил... Так вот откуда трагедия бедной русской интеллигенции и счастье всех прочих слоев населения. они так радовались в концлагерях.

Напоминает мне всё это дело пермского профессора философии Файнбурга, который рассказывал историю страны по старым номерам журнала «Огонёк».

«... с середины 1920-х годов... хлынул поток таких Рублевых. Эти полуграмотные люди принесли собственное понимание справедливости – навеянное уж конечно не Марксом и не Энгельсом, с трудами которых они при всем желании

ознакомиться просто не могли. Выходцы из народно-старообрядческих глубин жаждали осуществить мечту своих предков о «царстве Божьем на земле» (разумеется, далекую от мечты никонианской). А пристанищем для них стала партия, которую, правда, никто из староверческих неопитов-большевиков в тот период в качестве партии – в классическом смысле этого слова – не воспринимал. Очевидно, было бы верхом наивности считать произошедшее случайным «вывихом» истории или чьим-то злым умыслом. Такие объяснения отражали лишь обывательские представления, не обремененные интеллектом».

- Здесь все те же, как мы увидели выше, ничем не подкрепленные пустые декларации. Но ведь да, лишь люди, не знакомые с марксизмом, не знающие законов истории, могут считать «произошедшее» случайным «вывихом» истории.

«Об опасности упрощенных трактовок предупреждал С. Франк, указывавший на легковесность мнений о причинах русской трагедии, сводящих их к идеям, «импортированным интеллигенцией из Западной Европы и распространенным ею среди народных масс». Как замечал знаменитый философ: «...осознать, почему «народ-богоносец» вместо своих национальных святителей оказался во власти большевиков, невозможно лишь активностью и изощренностью агитаторов, «соблазвивших» его. Напротив, социалистические идеи нашли отклик, поскольку массы в учении о классовой борьбе почуяли нечто родное, очень знакомое, соответствующее их собственному «психологически-бытовому идеалу самочинности и самостоятельности».

- Заметим: Франк вовсе не говорит о старообрядчестве. А «психологически-бытовой идеал самочинности и самостоятельности» - это и есть классовый интерес.

«Об этом же говорил и Н. А. Бердяев. В послереволюционный период известный мыслитель открыто призывал переоценить старую истину об исключительной религиозности русского народа, с энтузиазмом воспетой и славянофилами, и самыми крупными русскими писателями. Повторять подобное, подчеркивал Бердяев, было бы страшной фальсификацией и заблуждением. Народ, в котором действительно сильна религиозная верность, никогда бы не довел свою церковь до столь плачевного состояния».

- И здесь ни слова о старообрядчестве. Более того, Бердяев говорит о вообще безрелигиозности русского народа.

«... значительная часть коренного населения не приняла никонианство. Но официальная статистика этого никогда не касалась, а потому причины тотального разгрома РПЦ объясняют как угодно (тем же нашествием инородцев, надругавшихся над Россией), только не реальным положением дел».

- Пыжиков уходит от конкретных цифр, чтобы внушить читателю, что староверов было якобы много.

«По произведениям многих советских авторов можно судить об исторической миссии русского староверия».

- Нет, нельзя. Не было и нет у староверов никакой исторической миссии. Тем более ссылаться на третьестепенных писателей при историческом исследовании – непрофессионально.

КОМСОМОЛ

«... исследователи нечасто обращались к этой массовой молодежной организации, находившейся, по их мнению, на периферии политической жизни СССР».

- И это пишет историк, доктор наук. Начиная с беллетристики «Как закалялась сталь» до «они были первыми» главы ВЛКСМ Тяжелыникова, тысячи статей в исторических журналах, сотни диссертаций... Рядовой пример: Б. М. Петров, «Деятельность ВЛКСМ по вовлечению рабочей молодежи в движение за экономию и бережливость в годы десятой и одиннадцатой пятилеток», 1984 год...

«Как известно, I съезд РКСМ прошел с 29.10. по 4.11.1918. Это было сравнительно немногочисленное мероприятие – около 200 делегатов, большинство из которых были из Москвы, Петрограда и Центрально-промышленного района, причем почти 80% присутствующих составляли рабочие и крестьяне. Однако тон задавали, конечно, не они, а группа инородческой молодежи преимущественно еврейской национальности. Эти молодые люди, блиставшие образованностью на фоне рабоче-крестьянских комсомольцев, определяли ход дискуссий, готовили съездовскую документацию, вносили итоговые резолюции и т. д. Они информировали своих непросвещенных коллег о колыбели европейского юношеского движения – Бельгии, о том, как движение развивалось и каких успехов достигло в Германии. Доклад И. С. Юзефовича. Движение рабочей молодежи на Западе // I съезд РКСМ. Протоколы. 29 октября – 4 ноября 1918 года. С. 56–57).

- Уточним: на съезде присутствовало 175 делегатов, представлявших 22100 человек, 88 членов партии, 38 сочувствующих, 45 беспартийных, 1 анархист, 3 с-д-интернационалиста и 1 левый эсер. Делегаты прибыли даже из оккупированных немцами Украины и Польши, уже отделившейся Финляндии, самопровозглашенных республик Прибалтики и даже из захваченного японцами Владивостока. Организаторы - Лазарь Шацкий, Ефим Цетлин и Оскар Рывкин, первому было 17, двум другим не более 20. Тон на съезде эти трое задавать никак не могли.

О движении в Германии организаторы были обязаны рассказать, т.к. съезду пришла оттуда приветственная телеграмма.

Далее Пыжиков пишет (со ссылкой на Шацкого), что Ленин-де мало уделял внимания комсомолу. На самом деле уделял, да еще профинансировал: Свердлов выдал союзу 30 тыс. р. Еще меньше уделил внимания молодым 6-й съезд РСДРПб (июль-август 1917). В резолюции «О союзах молодежи» съезд высказался за создание самостоятельных организаций.

Далее Пыжиков описывает 3-й съезд РКСМ как противостояние рабочих и интеллигенции:

«... III съезд РКСМ (октябрь 1920) лидеры партии почтили своим присутствием. А на открытии с программной речью выступил сам Ленин. Сформулированный им лозунг «учиться, учиться и учиться» на десятилетия стал хрестоматийным в советской стране. Сделав множество реверансов в адрес молодого поколения, вождем сказал: «Первая половина работы во многих отношениях сделана. Старое разрушено, как его и следовало разрушить... расчищена почва, и на этой почве новое поколение должно строить коммунистическое общество». А для этого надо вооружиться знаниями, выработанными человечеством. Однако быстро выяснилось, что значительная часть делегатов не желает идти в «светлое будущее» рядом с комсомольцами из интеллигенции. Съезд буквально захлестнула мощная антиинтеллигентская волна. ... С Крупской, сообщившей о перспективах среднего образования, участники съезда тоже не согласились: «Никаких причин поступать в среднюю школу у молодых пролетариев нет, – заявляли они, – поскольку она не дает реальной пользы и годится только для хилых интеллигентов». Нужна школа – социальная ячейка будущего, где людей будут готовить для восстановления народного хозяйства, для индустрии. Наркомпрос должен перестроить свою работу, направив основные усилия на повсеместное распространение фабрично-заводских училищ. А «Крупская как будто не живет на нашей грешной планете», – сделали вывод делегаты».

- При этом ссылается Пыжиков не на «делегатов», а на ненавистного им интеллигента-еврея Рывкина! Выступление О. Рывкина // Там же. С. 261. 986. Там же. 987. Там же. С. 216. Это Рывкин, а вовсе не рабочие-староверы из регионов!

И не делал Ленин не то, что множества, а вообще ни одного реверанса, ленинская речь «Задачи союзов молодежи» по буквам изучена еще в советских школах.

Вот что он сказал: «... именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества. Ибо ясно, что поколение работников, воспитанное в капиталистическом обществе, в лучшем случае сможет решить задачу уничтожения основ старого капиталистического быта, построенного на эксплуатации. Оно в лучшем случае сумеет решить задачи создания такого общественного устройства, которое помогло бы пролетариату и трудовым классам удержать власть в своих руках и создать прочный фундамент, на котором может строить только поколение, вступающее в работу уже при новых условиях, при такой обстановке, когда нет эксплуататорского отношения между людьми». Это реверанс???

Ясно, Пыжиков силится обгадить Ленина, для этого он подсовывает словечко «реверанс», которое генерирует его больное воображение.

То, что после речи Ленина была громовая овация – исторический факт. А Пыжиков пишет – не хотели делегаты учиться наукам, хотели учиться гайки точить!

Никакой «значительной части» делегатов не было в помине. На 3-м съезде не было никакой антиинтеллигентской волны, шла дискуссия, еще со 2-го съезда, принимать ли в организацию только коммунистов или всех сознательных. Постановили второе... Съезд принял ориентацию на организованное участие в модернизации страны и обеспечения ее безопасности.

«Бухарин призвал воспитывать дух презрения к антисемитизму... преодолевать культурную отсталость людей, ведь «таких дураков у нас, кстати сказать, еще много»... в ряды комсомола вливалось множество носителей той великорусской идеологии, с которой он призывал бороться... большую роль в разгроме зиновьевцев сыграли не только сторонники Бухарина, но и другие силы – вышедшие из рабочей среды и не видевшие в нем кумира. Противостояние с оппозицией положило начало сближению этих комсомольских функционеров со Сталиным. До конца 1920-х он не был вовлечен во внутриккомсомольские расклады... Правда, его вклад в разгром троцкистско-зиновьевской оппозиции хорошо осознавали и здесь. Представитель мятежной ленинградской организации, выступая с трибуны VII съезда ВЛКСМ, так описал царящую в организации атмосферу: «Ты за кого? Сталинец или не сталинец? Если не сталинец – жми, дави, загоняй подальше, даже так, чтобы не пикнуть – это в нашем союзе ничего общего с ленинским воспитанием не имеет, и нужно разъяснить, что союз не сталинский, а Ленинский».

- Пыжиков навязывает: если против Сталина – значит троцкистско-зиновьевская оппозиция. Но против Сталина были многие: Ленин, Раскольников, группа Угланова-Рютин и многие другие.

«Хотя на съездах и конференциях комсомола перебивали все большевистские руководители, Сталин на них не присутствовал. Его имя впервые было упомянуто на VII съезде, когда будущий комсомольский лидер Косарев предложил направить генсеку приветственную телеграмму. Он появился только на V конференции ВЛКСМ 29.3.1927 по приглашению ряда делегатов, сделал ставку на функционеров, вышедших из рабочей среды и критично настроенных к интеллигентским соратникам; в подавляющем большинстве это были представители русской молодежи. Генсек решил помочь им взять бразды правления комсомолом в свои руки... Знакомство с выдвиженцами позволило установить, что, как правило, мы имеем дело с выходцами из старообрядческой общности... К концу 1920-х они обрели своего лидера – А. Косарева. Родился и жил на северо-восточной рабочей окраине Москвы, в р-не рек Яуза и Хапиловка, примыкавшем к Преображенскому кладбищу – крупнейшему беспоповскому центру. Родители работали на трикотажной ф-ке, на заводе «Рихард-Симон». На том же з-де в качестве слесаря начал трудовой путь и Косарев... После революции вступил в комсомол, вскоре став 1-м секретарем Бауманского РК РКСМ. Для борьбы с оппозицией его направляли в ленинградскую организацию, затем вернули в родную московскую. В марте 1929 г. был избран генсеком ЦК ВЛКСМ. Его появление на этом посту дало старт обновлению всей комсомольской верхушки. Ключевые должности теперь занимают люди со схожими биографиями. Правая рука Косарева – выходец из Сормовских и Выксунских з-дов С. Салтанов, с 1927 г. глава нижегородского комсомола. Секретарь исполкома Коминтерна – соратник Косарева еще по Бауманскому РК Москвы – В. Чемоданов, бывший рабочий радиотелеграфного завода, секретарь комитета комсомола Ликинской мануфактуры, 1-й секретарь Орехово-Зуевской уездной организации

Московской обл. (известной старообрядческой местности). Заведующим военным отделом ЦК ВЛКСМ, а затем и секретарем ЦК, назначен П. Горшенин, родившийся в пос. Нязепетровского з-да на Урале; начинал токарем Ревдинского завода и осуществлял в комсомоле взаимодействие с вооруженными силами. Зав. орготделом, секретарем ЦК по внутрисоюзной жизни стал П. Вершков, слесарь из Саратовской губ., в 1926–1929-х руководивший саратовским комсомолом. Одним из авторитетных членов бюро ЦК был С. Андреев. Родился в рабочей семье в Сестрорецке Петербургской губ.; трудился вначале на Сестрорецком, а затем на Ковровском инструментальных з-дах. В комсомоле был 1-м секретарем Северокавказского крайкома, затем комсомола Украины. На руководящие должности при Косареве попадали и другие выходцы из пролетарских семей: Д. Лукьянов – токарь одного из предприятий Москвы, В. Пикина с питерского комбината «Севкабель», С. Богачев с Коломенского машиностроительного завода и др. В состав бюро ЦК ВЛКСМ при Косареве входил 21 чел., причем 18 – с русскими фамилиями (Шаровьев, Иванов, Васильев, Железов, Скотников, Корсунов и др.). В 1930-х персонажи типа Е. Файнберга (секретаря ЦК по печати) в руководстве ВЛКСМ стали редким исключением. Такое переформатирование верхушки комсомола не может не удивлять, поскольку лицо партийной элиты по-прежнему определяли инородцы. До 1937 г. высшие посты в партии и государстве занимали представители старой ленинской гвардии, где велика была роль интеллигенции, во многом инородческой. Можно сказать, неосуществленные мечты «рабочей оппозиции», также имевшей индустриально-староверческие корни, реализовались в молодежном формате. А расчистил дорогу во власть этим кадрам сам Сталин».

- Стало быть, если район примыкал к кладбищу, а кладбище – центр беспоповства, значит, все, кто в этом районе жил – беспоповцы. Бездна логики. Еще одно указание на старообрядчество – комсомольская организация, которой посчастливилось обрестись в старообрядческой территории, в этой организации состоял Чемоданов. Всё! Откуда Пыжиков вывел, что «мы имеем дело с выходцами из старообрядческой общности»??

Еще логичнее заявление, что Сталин расчистил дорогу старообрядцам, а лицо ВЛКСМ все равно по-прежнему определяли инородцы. Ах, подлые! Всего 3 чел. на всё бюро ЦК с 18-ю простыми русскими людьми – а ведь именно на их носатые лица все и смотрят.

«Замыслы генсека, как нам представляется, проясняет его выступление в последний день VIII комсомольского съезда в мае 1928 г. (за 10 мес. до назначения Косарева). Оно явно перекликается с речью Ленина на III Съезде комсомола в 1920 г. Сталин не только воспроизвел ленинскую установку о необходимости учиться, но и поставил задачу создать собственную интеллигенцию пролетарского происхождения. «Учиться у всех, – зывал он, – и у врагов, и у друзей... Учиться, стиснув зубы, не боясь, что враг будет смеяться над нами, над нашим невежеством, над нашей отсталостью». И во что бы то ни стало взять крепость, называемую наукой, причем сделать это должна молодежь, «если она хочет быть строителем новой жизни, если она хочет стать действительно сменой старой гвардии».

- То у Пыжикова плоха ленинская гвардия, где инородцы. То его божок Сталин воспроизводит ленинскую установку учиться. Причем не точить гайки, против чего так возражали комсомольцы из «народа», а именно наукам, как об этом и говорила Крупская!

Разумеется. старообрядцы восприняли речь Сталина как оскорбление своим устоям, ведь они ненавидели образованных. А тут – самим стать образованными!

«На пленуме ЦК ВЛКСМ, избравшем Косарева на пост лидера, снова встал вопрос о чистке в комсомоле... сторонники Бухарина в союзе без энтузиазма относились к подобным начинаниям, теперь же ситуация изменилась коренным образом. Косарев заявил о потоке обращений снизу, отражающих беспокойство по поводу перекосов в социальном составе организации. Многие комсомольцы сталкиваются с проповедью примиренчества в отношении к классовым врагам. «Мировоззрение «живи сам и давай жить другим, – констатировал новый лидер, – ни в коей степени не может соответствовать линии нашей партии и задачам ленинского комсомола... Классово оформить все звенья нашего союза, насытить их классовой непримиримостью ко всему, что чуждо пролетарскому влиянию... Где бы рабочий парень ни находился, он не чистится, а проверяется. Где бы непролетарский элемент ни находился, он проходит чистку, а не проверку... уклоны от партийной линии всегда будут находить себе сторонников именно не в пролетарских слоях партии и комсомола». ... даже заговорили о «втором кризисе комсомола». Но косаревская группа призвала не впадать в панику, а хладнокровно вскрывать нарывы, преодолевая классовые извращения. ... в сталинских планах роль косаревского руководящего призыва выглядела весьма весомой».

- Косарев говорит о классовом подходе – где здесь старообрядчество? Где отрицание марксизма?

Итак, Косарев хоть никакого отношения к старообрядчеству не имел, но отражал интересы рабочего люда, сталинский кадр в РКСМ.

В августе 1937 г. Пленум ЦК ВКПб отметил в специальной резолюции, что Цекамол, и в первую очередь тов. Косарев, «...проявили нетерпимую политическую беспечность и проглядели особые методы подрывной работы врагов народа».

На VII пленуме ЦК ВЛКСМ (19—22.11.1938) Косарев в результате разбора «дела Мишаковой» был снят с должности первого секретаря. На пленуме он заявил: «Врагом я себя не считаю и считать не буду... Никто не может доказать, что я враг народа... Лично я чувствую себя абсолютно спокойно, потому что совесть моя чиста. Никогда я не изменял ни партии, ни советскому народу и не изменю».

28 ноября арестован, в аресте принимал личное участие Берия. Находясь в заключении, Косарев писал Сталину: «Арестованные по моему „делу“ комсомольские работники ни в чём не виноваты...

Уничтожение кадров, воспитанных Советской властью, — безумие... Требую, чтобы создали честную, авторитетную комиссию, которая без предвзятости проверит все материалы и сделает объективные выводы».

23.2.1939 расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда в Лефортовской тюрьме.

«Коллективизм же представителей пролетарских слоев вытекал не из знания Маркса и Энгельса, а из солидарного опыта, который в дореволюционный период аккумулировался именно староверческой общностью, издавна находившейся под административно-церковным давлением», - бессовестно врет Пыжиков.

- А вот как было на самом деле - Е. А. Косарева вспоминала: «Когда вернулся в Москву на работу в Бауманский райком комсомола, удивил мать, отказавшись и столоваться, и ночевать дома. Из Питера он привёз привычку жить коммуной, где общими были у них „с комсой“ и скудный паёк, и книги, и одна-единственная пара „выходного“ обмундирования...» «Звезда и смерть генсека». Издания МК.
<https://www.mk.ru/editions/daily/article/2003/10/29/124768-zvezda-i-smert-genseka.html>

«Комсомольские источники убеждают, что мы имеем дело со своеобразной этикой, только выраженной не религиозно, а социально. Например, Косарев на одном из пленумов рекомендовал не бить себя в грудь кулаком, по поводу и без повода восхваляя партию. Нужно оценивать практику (т. е. поведенческую модель) коммуниста и комсомольца: насколько она соответствует критериям, выдвигаемым партией. Есть руководящий центр, у него есть генеральная линия – вот это, а не мнение какого-то отдельного руководителя, и является главным мерилom. Иначе говоря, перед нами все тот же принцип: «верующий может ошибаться, но церковь – никогда», только в сугубо светском контексте».

- Это изумительное замечание.

Косарев говорит не о безгрешности партии (церкви), наоборот, о демагогичности восхваления партии (церкви). А Пыжиков это переводит как заявление о том, что церковь (партия) не может ошибаться никогда!

Поведенческая модель. Мда.

Пыжиков воспроизводит не речь Косарева, а свою абсолютно правильную установку на то, что сталинизм по сути не отличается от религии! И далее Пыжиков говорит это уже отчетливо:

«Интеллигент Шацкий считал партию прежде всего политической организацией в европейском понимании и явно не был готов воспринимать ее в сакральном смысле, где несогласие с руководящим органом (как с церковным собором) приравнивалось к ереси».

Далее – просто потрясающий абзац:

«Из староверческой психологии выростала и установка на солидарное устройство экономики».

Какая там тенденция к централизации капитала и концентрации труда. Староверие!

Т.е. Ленин, перенимая у ненавистного Пыжиковым Запада синдикализацию мелких производств (с снижением издержек и устранением анархии) и национализацию крупных производств (с подчинением, контролем частного капитала государством) всего лишь следовал староверческой традиции. И она таки была у Запада!

«Это значит, что не признается существование как богатых, так и бедных; и никто не должен ломать голову над тем, как он доживет до конца месяца, и чем будет кормить свою семью».

- Как не признается?! Ведь священное писание в свое время перестроилось и признало богатых. Этому следовали и поповцы, и беспоповцы. Блаженные и нищие духом. Т.е. душой они, богатые, с нищими.

И если Ленин ввел партмаксимум, то именно староверческий Сталин его отменил, дал волю партийному госчиновнику богатеть.

Но «солидарное» устройство экономики никакого отношения не имеет к расслоению на бедных и богатых!

«В начале 1931 г. на IX съезде публично были осуждены некоторые деятели партии и комсомола... Таким не место в нашей организации, заключил Косарев и призвал тех, кто еще поддерживает с ними отношения, их разорвать. Весьма нелицеприятную оценку отечественная интеллигенция получила на VII конференции ВЛКСМ (июль 1932)».

- Через 6 лет разорвали отношения с самим Косаревым.

«Само слово «интеллигент» было признано нарицательным; до революции к представителям этого слоя, за редким исключением, рабочий класс относился враждебно, ибо видел в нем своего рода касту, близкую к правящим капиталистическим классам. Косарев вспоминал свою рабочую юность на московском заводе, когда «высшим позором для рабочей девушки считалось прогуливаться с интеллигентом, а напасть на гимназиста и даже побить его нередко считалось высшим почетом, геройским поступком». И в «модные» у молодежи военно-воздушные силы следует направлять только выходцев из рабочих, поскольку лишь они беззаветно преданы партии и советской власти. Комсомольские руководители решили также ужесточить в уставе требования к служащим, установив для них длительный кандидатский стаж. Порыв лидеров ВЛКСМ смог охладить только Сталин: не стоит так пренебрежительно относиться к служащим и препятствовать их вступлению в ряды комсомола; за этим кроется непонимание того, как изменилась окружающая обстановка и сама служащая молодежь. Вождь предложил переработать проект устава и перестроить всю деятельность аппарата ЦК».

- Опять молоко с кровью. Сталин не «охладил пыл», он указал на ошибочность позиции, схемы.

Установки Косарева-Пыжикова!

Стало быть, только рабочие беззаветно преданы партии и советской власти. Оставим в стороне факт, что к середине 20-х никакой Советской власти в СССР уже не было. Но Косарев в изложении Пыжикова лишает учителя, врача, ученого, поэта, музыканта, инженера и т.д. возможности быть преданным.

Вот как сам Пыжиков объясняет арест Косарева:

«... лидер комсомола крайне болезненно реагировал на аресты тех, кого считал «своими». В сентябре 1937 г., вернувшись из Донецка и Харькова, он направил записку Сталину, выступив против навешивания ярлыка «враг народа» без надлежащего разбирательства, лишь на основании слухов. А в ноябре 1938 г. состоялся пленум ЦК комсомола с участием членов ПБ ЦК ВКПб. На нем было рассмотрено письмо бывшего инструктора ЦК ВЛКСМ О. Мишаковой к Сталину о ненормальностях в организации. Автор письма сообщила, что была уволена за проявленную настойчивость в разоблачении «врагов народа». Ее претензии были признаны обоснованными, а обращение – героическим поступком. В вину Косареву и его окружению поставили нежелание выявлять чуждых элементов (после всего, сказанного о нем выше, это звучало довольно абсурдно). И в результате было репрессировано около 90% пленума и 88% ЦРК, что даже превзошло аналогичные потери в составе ЦК ВКПб». ... Мишакова, уже в качестве секретаря ЦК ВЛКСМ, выступала на XVIII парт. съезде, клеймя «косаревскую банду, окопавшуюся в ЦК комсомола». Так закончила свой путь несостоявшаяся смена старой большевистской гвардии».

- Итак, Пыжиков признает что Сталин репрессировал своих же выдвиженцев и репрессировал «абсурдно». Но речь идет не об одном Косареве – Сталин ликвидировал всю антиинтеллигентскую группу. Ибо банда.

РУССКАЯ ПАРТИЯ

«Речь... пойдет о формировании так называемой русской партии – идейного течения, возникшего в недрах коммунистической элиты. Его приверженцы, в отличие и от большевиков-интернационалистов и от партийцев либерального толка, ратовали за приоритет национальных ценностей в государственной практике. Противостояние двух последних направлений весьма популярно у современных исследователей, поскольку основные политические силы, действующие сегодня в России, берут начало именно в той эпохе. За последние двадцать лет появился целый пласт работ, посвященных этой тематике. Однако не все они выполнены на должном научном уровне, а некоторые содержат откровенную путаницу. Мы убеждены, что полноценной разработке проблемы препятствует стереотип, согласно которому внутривнутриполитическое развитие СССР определялось противостоянием либералов-западников и русских националистов. На самом же деле это явление гораздо более сложное. По нашему мнению, русская партия сформировалась под воздействием двойственных обстоятельств, и обнаружить это помог исследовательский взгляд на соотношение староверия и никонианства».

- Пыжиков не в курсе, что одна из обозначенных им сил основной не является, она на президентских получила лишь 12%, да и то в виду поддержки КПРФ. Но где в КПСС Пыжиков выкопал русскую партию, да еще староверческую??

«Выше уже не раз отмечалось, что ни о каком русском начале в большевистской элите до- и послереволюционной поры говорить не приходится. На партийных съездах, собиравших функционеров разного уровня, первую скрипку играли инородческие кадры, большую долю которых составляли представители еврейской национальности».

- Ну, то, что Пыжиков повторяет чепуху о руководстве большевиков от Стерлигова и ему подобных, понятно. Но речь идет о логике. Ведь остается только удивляться, почему весь мир называет Октябрьскую революцию русской, и почему она вообще состоялась – под руководством инородческой элиты!

«На партийных съездах, собиравших функционеров разного уровня, первую скрипку играли инородческие кадры, большую долю которых составляли представители еврейской национальности. Если на конец Гражданской войны в рядах РКПб в целом состояло только 5,2% евреев, то среди делегатов XI Съезда партии (1922-й) их насчитывалось уже больше трети, а среди избранных съездом членов ЦК – 26% (Солженицын А. И. Двести лет вместе. Ч. 2. – М., 2002. С. 205–206). Весомым было присутствие прибалтийцев, поляков, кавказцев. Значительное нерусское представительство прослеживается и в персональном составе коллегий наркоматов, существовавших в 1919 г. Из 127 чел. (наркомы, их замы, начальники департаментов) русских фамилий только 34 (чуть более 30% верхов Совнаркома принадлежало к титульной нации) (Подсчитано по: Гимпельсон Е. Г. Рабочий класс в управлении Советским государством. Ноябрь 1917 – 1920. – М., 1982. С. 175–176). К тому же среди этих русских преобладали представители дворянской и разночинной интеллигенции, отпрыски мелких и средних купцов; выходцев же из рабоче-крестьянских слоев практически не было».

- Во-первых, неизвестно, что именно подсчитывал Пыжиков. Во-вторых, Солженицын – известный выдумщик, его писанину выдавать за исторические факты может только безграмотный.

Так, к первому послевоенному XI съезду в РКПб рабочих – 56%; крестьян – 19%; служащих – 25% (большевики с партийным стажем до февраля 1917 г. составляли всего 1% (не более 12–20 тыс. человек)).

Но. Скажем, Маркс вовсе не навязывал большевикам интеллигентов в руководство. Однако он подчеркивал, что рабочие в силу своего тяжелого, отупляющего труда не могут осуществлять руководство рабочим движением, поэтому партийные лидеры рекрутируются, в основном, из интеллигенции.

С другой стороны – ай-я-яй, какие же это плохие старообрядцы, валом валившие к большевикам, к царствию божью, при таком мизерном числе евреев в партии, всего 5,2%, выдвинули делегатами на XI съезд партии больше трети состава!

На самом деле в первом составе Совнаркома – 15 русских (83%), 1 еврей. 1 поляк. 1 осетин.

Из 72 высших чинов России – СССР хозяйственно-правовой сферы с 1919 по 1938 гг. - русских - 48 (67%), евреев - 8 (11%), поляков - 5 (7%), 3 латыша, 2 обрусевших немца, 2 армянина, 2 грузина, 1 осетин.

ЦК РСДРП-РКПб: 1917: русские - 17 (55%), еврей - 7 (22%). 1918: : русские - 10 (43%), еврей - 7 (30%).

1919: русские - 14 (52%), еврей - 5 (18%). 1920: - 18 (58%), еврей - 7 (23%). 1921: 24 (60%), еврей - 7 (18%).

1922: русские - 26 (56%), еврей - 8 (17%, а не 26%, как у Солженицына). 1924: 54 (62%), еврей - 14 (16%).

1925: : русские - 96 (70%), еврей - 16 (12%)

Аналогичное процентное соотношение – в органах ВЧК – ГПУ. Так, на 1.5.1924 в центральном аппарате работало 2 402 сотрудника. Из них русских - 1670 (70%), латышей - 208 (9%), евреев - 204 (8%), поляков - 90, белорусов - 80, украинцев – 66.

(см. Приложение 1 в моей книге «Террор, национальный вопрос и глобализация», там списки пофамильно).

Согласитесь, великая разница с тем, что подсчитал у Гимпельсона неграмотный Пыжиков.

«... более внимательное знакомство с биографиями Шляпникова, Медведева, Киселева, Мясникова и др. позволило установить, что они происходят из староверческих центров крупных промышленных районов России», - пишет Пыжиков.

Но тут же вынужден сообщить:

«Правда, в свое время лидеры «рабочей оппозиции» подпали под влияние дореволюционных социал-демократов, потеряв многие ценности, которые были присущи той религиозной общности, откуда они вышли. Шляпников несколько лет провел за границей, впитывая дух революционных приготовлений... Верхи «рабочей оппозиции» ориентировались в первую очередь на постулаты марксистской классики, а не на русское национальное начало... Гораздо больше они переживали о задержке мировой революции... На наш взгляд, именно эти обстоятельства и объясняют довольно быстрое поражение «рабочей оппозиции»: апелляции к Коминтерну и сетования на задержку мировой революции рядового русского рабочего всерьез не увлекали. Со своей стороны, и лидеры партии, включая Сталина, отказали в поддержке «рабочей группы». Все понимали: в случае воплощения ее претензий на хозяйственное управление экономикой ожидает неминуемый коллапс».

- Из всего комплекса проблем, связанного с Рабочей оппозицией, Пыжиков уяснил только слово «коллапс».

Посмотрите: авто столько времени потратил на увещевания о старообрядчестве «Рабочей группы», чтобы сообщить ниже, что, собственно, ее активисты шли не от старообрядчества, а от марксизма. И поражение они потерпели не потому, что якобы апеллировали к Коминтерну и сетовали на задержку мировой революции (это полная чепуха, фантазия Пыжикова), а потому что как сообщает сам Пыжиков, все понимали: в случае воплощения ее претензий на хозяйственное управление экономикой ожидает неминуемый коллапс.

«Реакцией на бунт «рабочей оппозиции» стал отказ от левого радикализма и нормализация жизни в русле НЭП, породившей огромные надежды у разных политических сил... сторонников НЭП в партийно-государственных верхах именовали «правыми»; их ключевые интересы концентрировались на самой крупной экономической сфере страны – аграрной».

- Пыжиков злостно не понимает, в чем суть вопроса. Хотя НЭП означала в первую очередь свободу торговли для крестьян, суть ее лежала она именно в рабочем производстве.

«Насаждение новой экономической политики стало кровавым делом для части большевистского ареопага. Например, Бухарин сделал в этот период немало заявлений в крайне нэпманском духе, от которых правоверных большевиков брала оторопь... Любопытно, что их влияния не избежал и Сталин. Его публичные выступления той поры проникнуты одобрением НЭПа и всего, что с ним ассоциировалось. Не отставал будущий вожь от других и в ставке на собственника-крестьянина; в 1925 году, принимая делегацию сельских корреспондентов, он сочувственно отозвался об идее восстановления частной собственности на землю в форме «закрепления владения землей на сорок и больше лет»[1100]. Позиция Сталина в ту пору была настолько определенной, что с начала тридцатых годов он, «вероятно, стора от стыда», избегал публиковать написанное им в пылу популяризации нэпманских перспектив[1101]. Но в 1925–1927 годах его голос абсолютно созвучен общему хору».

И опять молоко с кровью. НЭП – это не Бухарин, а Ленин. Сталин попросту лебезил перед Лениным, чтобы как только Ленин скончался, свернуть НЭП, который Ленин рассчитывал на десятилетия. И сворачивать НЭП Сталин начал именно в 1927 г.

Пыжиков в принципе не понимает суть НЭП.

В работе «Критика Готской программы Маркс указывает, что стоимость порождается абстрактным трудом рабочего. Продукт труда отчуждается, абстрагируется от рабочего на рынке, труд «усредняется», появляется его эквивалент. Из чего марксисты делали вывод, что если ликвидировать рынок и ввести «ручное» распределение «по труду», то продукт труда сбросит с себя товарную форму, стоимость исчезнет, а с ней и капитализм.

На практике оказалось, что такое ручное распределение приводит к стагнации экономики. Дело в том, что абстрактность труда в сфере обмена производится доминированием абстрактного содержания труда в сфере производства. Появление НЭП обязано тому, что Ленин на практике понял недоработку Маркса. Тресты смогли сами решать, что производить и где реализовывать продукцию. Предприятия, входившие в трест, снимались с государственного снабжения и переходили к закупкам ресурсов на рынке.

В результате НЭП экономика страны была восстановлена.

«... тогда в СССР активно эксплуатировался образ редиски в применении к разным категориям советских служащих и к части коммунистов, а зачастую и к партии в целом. Этот образ подразумевал: «извне – красная, внутри – белая; красная кожа, бросающаяся в глаза посторонним взглядам, сердцевина же, сущность – белая и все белеющая по мере роста... белеющая стихийно, органически». Это сравнение привел эмигрантский идеолог сближения с Россией Н. В. Устрялов, чье

имя звучало в дискуссиях на «нэпманских съездах»: с XI (1922) по XV (1927). Устрялов указывал на трансформацию большевизма...»

- Абсолютно правильно указывал Устрялов!

«Бухарина явно беспокоило, что ставка на крестьянство делалась и в эмигрантских кругах, начиная с монархистов и заканчивая эсерами. Не одобрял он также контактов с Русской православной церковью: они наметились в 1924–1927-х в форме компромисса с частью консервативного духовенства. Иными словами, Бухарин, как разработчик экономической базы правого курса, не стремился конвертировать русские национальные предпочтения в конкретную политику. Этим вместо него с успехом занялся Сталин, сумевший придать противостоянию с оппозицией национальный оттенок и усилить тем самым свой политический вес. Коммунистическая система вобрала в себя среди прочих и тех, кто был склонен усматривать в советском строе определенные национальные черты. Именно такие взгляды выражал Сталин, расценивавший это как необходимую национальную легитимацию действующей власти. Общественным символом этой легитимации в тот период стала пьеса Булгакова «Дни Турбиных». Ее лейтмотив – смелое по тем временам предсказание грядущего восстановления «Великой России» (оно звучит в споре двух белых офицеров)».

- Смело. Все в курсе, что в «Дни турбинных» и в «Бег» Булгаков впервые показал часть белого офицерства не как абстрактных отъявленных злодеев, а как личностей с их трагедией, с их переживаниями. Все в курсе, ибо это очевидно: оба романа показывают логический крах белого движения, физический и моральный. Пыжиков умудрился этого не увидеть! Сам Сталин в письме к драматургу В. Билль-Белоцерковскому от 2.2.1919 подчеркивал, что пьеса нравится ему из-за того, что в ней показано поражение белых: ««Дни Турбиных» есть демонстрация всепокрушающей силы большевизма». То, что обнаружил Пыжиков, называется «кто о чем, а вшивый о бане». Ну, пришепетывания, что Сталин якобы придал национальный оттенок – не более чем фантазии Пыжикова.

«... в середине 1920-х обращение к русскому национализму (кроме негативного) не стало еще официальным. Тем не менее, почва для русского национального движения в большевистском обличье, бесспорно, существовала. Как описать этот поворот, и сегодня вызывающий симпатии? Конечно, он традиционно рассматривается в качестве антипода интернационализму. И его опоры весьма далеки от большевистской классики: богатейшее крестьянство, городская нэпманская буржуазия, национальная идея, компромисс с частью консервативного духовенства. Можно утверждать, что перед нами программа возрождения России, осмысленная в никонианском духе. Освящение института собственности – как богохранимой, всегда было прерогативой церкви; русская земля – это территория, где заправляют крепкие хозяева, исповедующие государственную, то есть никонианскую, а не какую-либо иную религию».

- Ну, наплел. Во-первых, Пыжиков путает отношение большевиков к русскому (см. статью Ленина «О национальной гордости великороссов») и отношение (негативное) большевиков к черносотенству – ибо Пыжиков в силу своего идиотизма отождествляет эти понятия.

Во-вторых, никакой симпатии возврат к черносотенству ни у кого не вызывает, кроме как у самих черносотенцев.

В-третьих, церковь, которую пограл капитализм, в принципе не могла освящать институт собственности как богохранимый, это Пыжиков фантазирует.

Наконец, раз «комсомольцы-беспоповцы» не прошли, так может, никониане помогут?

«Необходимо отметить и такую особенность: программа возрождения России не имела альтернативы – в том смысле, что другой национальной программы не мыслилось в принципе, а были только злобные антирусские выпады. Существует точка зрения, что один из таких выпадов инициировал все тот же Сталин, уничтожив НЭП, возобновив массовые гонения на церковь и т. д., то есть предав русское дело. Причем для этого он вооружился троцкистско-зиновьевскими идеями, которые громил несколькими годами ранее. На наш взгляд, эта традиционная для исследовательской литературы схема является крайне упрощенной и нуждается в серьезных коррективах».

- Разумеется, в свете... точнее, в ветре, подувшем в другую сторону – нужна серьезная коррекция!

«Для русского человека базовым был православный, а точнее, никонианский религиозный архетип. Данное обстоятельство, безусловно, принимал во внимание недоучившийся семинарист Сталин; он прекрасно отдавал себе отчет в том, насколько сильно в русском человеке национальное самосознание».

- Но ведь сам Пыжиков приводил русские пословицы о никонианстве! Что же до русского национального самосознания, «архетипа» и пр. история полна примеров. Без всяких большевиков и прочих революционеров крестьяне жгли усадьбы русских помещиков, топтали иконы, отнимали земли у церкви. Русские князья воевали на стороне татаро-монгол против других русских князей. Предательства в ВОВ е рассматриваем, но в 1-ю мировую русские солдаты, наплевав на архетип и национальное самосознание, с 1915 года братались с немецкими солдатами, опять же без всяких революционеров. И особенно хорошо архетип и национальное самосознание отражены в «Дни Турбиных» где лейтмотивом – истребление русскими рабочими и крестьянами русских белогвардейцев.

Но самым главным доказательством национального самосознания явился массовый исход русских ученых, инженеров, деятелей культуры, бизнесменов, офисного планктона и т.д. из разрушающейся России на Запад после 1991 года.

«Второй ключевой момент – «далеко идущие социальные последствия». Вот их-то не предвидел никто. Как признавался Г. Федотов, его и многих из интеллектуальной среды эти революционные по своему значению последствия застали врасплох. Загнивание партии в эпоху НЭПа для всех казалось окончательным, и споры шли лишь о темпах и «формах перерождения мнимо-социалистической России в Россию крестьянско-буржуазную». Эти «последствия» оказались непредсказуемыми даже для самого Сталина. Разыгрывание национальной карты начиналось как поддержка хозяйственной модели «правых». После краха левого радикализма она не только представлялась магистральной, но и соответствовала внутренним потребностям народа, не стремившегося обслуживать мировую революцию. Реальность оказалась намного сложнее. Партийные неопиты из пролетариев действительно демонстрировали вполне ожидаемую неприязнь к инородческому засилью во властных структурах. Но со временем в их среде стало нарастать негодование совсем по другой причине: его вызывала та самая национально-ориентированная политика «правых», которую, по замыслу ее творцов, русские пролетарии должны воспринимать как свое кровное дело. Они же, напротив, выступали против реанимации частных собственников, как в городе, так и в деревне. Это было довольно неожиданно, поскольку желание расправиться с почитателями собственности проявляли не заезжие революционеры-инородцы, «не помнящие родства», ...»

- В виду имеются, конечно, проклятые сионисты.

Тут мысли Пыжикова окончательно путаются. Как так – инородцы – и против частной собственности, разве они беспоповцы?! Как так – ведь хотели «крестьянско-буржуазную»! А оказалось, что национально ориентированное – это собственность. Как так – сплошь беспоповский народ, который не хочет собственности и, по идее, должен идти против правых – а возражает тем, кто против собственности.

Сложно, ой как сложно!

Так понимает дело Пыжиков – в силу своих умственных способностей.

Да потому так все запутанным кажется, что Пыжиков рассматривает историю сквозь призму беспоповства, причем во многом выдуманного им самим.

Если же выбросить, как и полагается, беспоповство к чертовой матери и начать читать Карла Маркса, то всё становится предельно простым и понятным.

«... а самые что ни на есть коренные русские люди. Заметим: историография, в том числе и зарубежная, традиционно отгораживается от этого факта: это – де просто люмпены, увлекшиеся марксизмом, и т. д. Подобные аргументы во многом воспроизводят дореволюционные: тогда антисобственнические инстинкты русского рабочего класса тоже объяснялись влиянием социалистической пропаганды и люмпенизацией. А то, что подобное мировоззрение на самом деле – проявление глубинной национальной идентификации, никому в голову не приходило. Конечно, сегодня разобраться в хитросплетениях нашей истории действительно нелегко. Тем более, что официальные документы, как опубликованные, так и отложившиеся в архивах, ситуацию не проясняют: они содержат лишь фактический материал по динамике пролетаризации ВКПб».

- Очень. Очень не любили рабочие частную собственность. Такую испытывали к ней неприязнь, что даже кушать не могли. Бывало, рабочий ступает на борт парохода – и сразу чувство неприязни: а ведь этот пароход – частная собственность! И шасть обратно. В частные магазины за товаром и не заходили. Как можно было есть мясо или кашу, когда они куплены у частных собственников. Землю жрали! Особенно рабочие не любили частную собственность в день зарплаты. Брезгливо брали деньги и тут же их выбрасывали. Вот истинные русские люди!

А любить частную собственность их евреи подучили. Некоторых.

Обнаруживая у беспоповцев неприятие частной собственности, Пыжиков всего-навсего воспроизводит идеологию уравнилельного коммунизма, которую раскритиковал Маркс в своей «Новой Рейнской газете». «Беря отношение частной собственности в его всеобщности, коммунизм 1) в его первой форме является лишь обобщением и завершением частной собственности. В качестве этого завершения он имеет двоякий вид: во-первых, господство вещественной собственности над ним так велико, что он стремится уничтожить всё то, чем. на началах частной собственности», не могут обладать все; он хочет насильственно абстрагироваться от таланта и т.д. ... категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей... это движение, стремящееся противопоставить частной собственности всеобщую частную собственность (государственную, Б. И.), выражается в совершенно животной форме... Это коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности... Всякая частная собственность как таковая ощущает - по крайней мере по отношению к более богатой частной собственности – зависть и жажду нивелирования... Грубый коммунизм есть завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из представлений о некоем минимуме. ... Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания мира культуры и цивилизации, из возврата к неестественной простоте бедного и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился до уровня частной собственности, но даже и не дорос еще до него» (Экономическо-философские рукописи 1844 г., Соч., «Из ранних произведений», С. 586-587).

«Ясность возникает с обращением к советской литературе того периода, запечатлевшей тех самых коммунистов из народа, которых фиксировала партийная статистика», -

ничтоже сумняшеся, пишет Пыжиков. Но обращается не к статистике, а к художественным фантазиям очередного бездарного писака, М. Карпова, еще какого-то там профессора Андрианова. Оба кретина против НЭП. Никакой ясности – нет, все нелепости у Пыжикова, что перечислены выше – остаются!

«Сталин же подошел... прагматически. В 1928-м он уже прекрасно понимал, как будет развиваться ситуация в ВКПб и стране. Изменение внутрипартийной обстановки мешало осуществлению замыслов «правых» относительно буржуазного возрождения России; а новые пролетарские силы, запущенные в партию для подкрепления этого проекта, не скрывали желания примерить на себя роль его могильщика. И Сталин решил встать во главе этих новых сил, убедив своих сторонников в том, что перспектива – здесь, а совсем не в правой политике. Вполне допускаем: прежде Сталин и не подозревал о подобных настроениях в русском народе, поскольку в силу жизненных обстоятельств смотрел на него сквозь призму никонианства. Однако столкновение с реальностью определило его стратегический выбор: предстать в качестве поборника великой России, свободной от частнокапиталистических прелестей. И с 1928 г. Сталин последовательно выступает против инициатив группы Бухарина-Рыкова. Он ставит под сомнение курс на частного крестьянского производителя: хотя задействованы 95% довоенных посевных земель, товарный выход едва превышает половину довоенной нормы. Следовательно, отсталость обусловлена распыленностью мелких хозяйств, ее преодоление требует крупного с.х., организованного на базе коллективной собственности».

- Да наш профессор еще и неграмотен в русском языке, вот он пишет:

««Правда» торжествовала, заявляя не много немало...» Ни много, ни мало! О запятых и не говорю.

«Сталин действует, исходя из аксиомы: реализация любых инициатив «правых» создает условия для восстановления капитализма. Он неустанно рассуждает о корнях капитализма, которые гнездятся и в городе, и в деревне. «Бывает, что срубили дерево, а корней не выкорчевали: не хватило сил».

- Как можно восстановить то, что уже было в СССР? И новыми капиталистами стали как раз те карьеристы из рабочих, кто лез наверх по комсомольской и партийной лестнице.

«Сталин был так увлечен выдвижением кадров, вышедших из русских рабочих низов, что некоторые оппозиционеры даже прогнозировали появление нового ПБ ЦК, сформированного из рабочих-металлистов в составе Ворошилова, Калинина, Рудзутака, Комарова, Лобова, Постышева, Шверника и т. д.»

- Затем эти сталинские кадры, Рудзук, Постышев и др. будут выкорчеваны Сталиным.

«В 1930-х, - простодушно сообщает Пыжиков, - Сталин способствовал также выдвижению двух деятелей, сыгравших зловещую роль в советской истории – Н. Ежова и Е. Евдокимова. ... Евдокимов – уроженец Пермской губ.; отец – сцепщик вагонов на железной дороге, мать – прислуга у купца-старообрядца ... Ежов... с сентября 1918 по март 1919 г. находился на стекольном заводе купца Болотина в Вышнем Волочке Тверской губернии, причем большинство рабочих там составляли старoverы».

- А... вон оно в чем дело. Теперь уже старoverы во всем виноваты. Только как же они допустили в свои ряды бисексуала Ежова?!

«... Ежов станет председателем КПК и членом ЦК ВКПб, а затем и ПБ. Его роль в организации «большого террора» хорошо известна».

- И Сталина тоже.

«... неизбежно возникал вопрос о том, кто в будущем заменит старые кадры. Считалось, что смена растет в комсомоле... Однако, «большой террор» перечеркнул этот сценарий. За 1937–1938 гг. практически все члены косаревской группы были репрессированы... на наш взгляд, главная причина кроется в другом: форсированная индустриализация, стартовавшая с 1930-х, коренным образом изменила страну. Управление экономикой несоизмеримо усложнилось, руководить разросшимся хозяйством могли лишь люди, обладающие необходимой профессиональной подготовкой и навыками. Старая интеллигенция в расчет не принималась... К середине 1930-х стало очевидно, что старая гвардия при всех своих революционных заслугах не в состоянии справиться с масштабами реконструируемой экономики. Большевистская элита состояла из литераторов и публицистов, способных произносить речи по любому поводу, но не обладавших серьезными профессиональными знаниями; специалисты с конкретным управленческим опытом были в ней редкостью. После устранения троцкистско-зиновьевского блока и бухаринско-рыковского уклона уровень номенклатурных работников еще более понизился; главным действующим лицом теперь стал малообразованный функционер все с тем же богатым революционным прошлым. Но и вновь выдвигаемые партийцы с пролетарскими корнями – при отсутствии профессиональной компетенции – не могли «оседлать» сложные производственные реалии. Более того, все сказанное в полной мере относилось и к тем, кто считался сменой старой гвардии. Хотя комсомольские руководители были моложе партийной элиты..., их образовательный уровень тоже оставлял желать лучшего: несколько классов начальных учебных заведений царской России, а затем работа на комсомольской ниве. Сталин осознал профнепригодность этой «молодежи» для грандиозного хозяйственного строительства: экономике требовались специалисты, а не пропагандисты широкого профиля».

- Сталин – может осознать. Имеет право. Как бы рабочие ни хотели, как бы рабочая оппозиция... Вот Ленин не имел права осознать. Ибо – старoverы, ненавидящие образование!

«Оборотной стороной политики «большого террора» стало масштабное обновление партийно-государственной элиты СССР... среди участников XVIII съезда ВКПб делегатов со стажем до 1920 г. оказалось всего 20%. Зато коммунистов Ленинских призывов – 45,3 %, а вступивших еще позднее – 30,6%; то есть в общей сложности 76% партийцев представляли новое поколение. Особенно поражают изменения в составе Центрального комитета: на XVIII съезде (по сравнению с XVII и

при той же примерно общей численности) сменилось не менее 115 из 139 его членов. Причем эти сдвиги знаменовали кадровую стабилизацию: из нового состава ЦК при жизни Сталина вышло лишь 11 человек, или 7 %. На авансцену вышла совсем другая партия, где первые роли играли 35-летние технократы. В отчетном докладе ЦК XVIII съезду ВКПб Сталин выражал удовлетворение тем, что отныне «молодые кадры составляют громадное большинство», так как они «в избытке обладают чувством нового».

- Теперь всё ясно. Неожиданно – кто бы мог подумать?! – производство усложнилось. Все прежние установки Сталина на неграмотных полетели к чертовой матери. Поэтому естественным стал расстрел грамотных. К тому же, выходцы из русской рабочей среды мешались под ногами – ведь ни есть, ни спать, хотелось масштабно обновить элиту, очистить ее от инородцев!

Пыжиков как-то обошел вниманием то, что почти весь 17-й съезд 1934 года ВКПб был уничтожен. В 1934 году из 71 члена ЦК лишь 12 были еврейского происхождения.

Сдается, до перестройки Пыжиков преподавал либо историю КПСС, либо научный атеизм.

«К концу «большого террора» изменился не просто партийный состав; под вывеской ВКП(б) оказалась партия, которую можно без натяжки назвать подлинно русской».

- До этого партия была сплошь инородческой. Особенно в руководстве. К весне 1937 г. национальный состав местных органов госбезопасности, т.е. без Главного управления, состоял из: 15 670 русских – 65% , 3489 украинцев и белорусов – 14,6% , 1776 евреев – 7,4% и др.

Ниже у Пыжикова окажется, что и после большого террора партия осталась инородческой! Не справился Сталин.

«И неудивительно, - пишет Пыжиков, - перемены в ней происходили под аккомпанемент небывалого возвеличивания «русского народа, как старшего брата, как самого передового в мире». В новой партийно-государственной верхушке резко сократилось присутствие инородцев. Евреев теперь можно было сосчитать по пальцам: Б. Л. Ванников, С. М. Гинзбург, еще, конечно, Каганович – член ПБ, нарком транспорта (хотя, как тогда говорили, «евреи его не любили», не признавали за своего). Попадались представители армян: тот же Микоян, известный металлург И. Ф. Тевосян, А. М. Петросьянц – замнаркома тяжмаша. В сталинской номенклатуре практически отсутствуют этнические украинцы (исключение – нарком судостроения И. С. Носенко). Сформированные по окончании «большого террора» ЦК и Совнарком изучены... мы попытаемся посмотреть на них с конфессиональной стороны. ... Маленков... Его предки по отцовской линии приехали в Россию из Македонии, осели в Оренбуржье; за военную службу получили российское дворянство. Отец Маленкова служил по железнодорожному ведомству. Казалось бы, ни о каком староверии здесь говорить не приходится, однако судьба делает неожиданный поворот: родитель одного из будущих руководителей партии и государства женится на оренбургской мешчанке Анастасии Шемякиной, дочери кузнеца. Родственники жениха выступили против этого брака, и тот порвал с ними всяческие отношения. Конфликт произошел именно потому, что Шемякины были староверами... Маленков с 1939 г. становится лидером «староверческой партии» в руководстве страны. ... Типичным представителем этой когорты был нарком финансов СССР А. Зверев, уроженец Клинского уезда Московской губ. ... Трудовой путь начал подростком на Высоковской текстильной ф-ке; там же работали его родители и почти вся родня. Подавляющее большинство в этом 4-тысячном коллективе составляли приверженцы федосеевского согласия. Булганин был потомственным нижегородским старовером... Еще один нижегородец, вошедший в правительство перед войной в качестве наркома тяжелого машиностроения – Николай Казаков; тоже выходец из местного староверия, с той же путаницей в дате рождения (**напомним, что с 1874 г. никакой путаницы уже не было, Б. И.**). Казаков родился в семье рабочего, трудиться начал на Нижегородском з-де «Красное Сормово». Учился в Ленинградском индустриальном; на производстве прошел все ступеньки до поста директора Ижорского з-да, после чего назначен наркомом тяжмаша СССР.

Схожий путь прошел сталинский нарком Дмитрий Устинов. Его родители жили в селе Мокша Самарской губернии, типичном для тех краев местечке, населенном беспоповцами. И путь отца Устинова был также типичным для той среды – на один из заводов в Самаре. Как вспоминал позже нарком, труд выступал для его родителя мерилем справедливости, чести и благополучия; эти уроки сын усвоил на всю жизнь. Устинов работал в Иваново-Вознесенске; его женой стала Таисия Брыкалова – потомственная ткачиха с окраины города Шуи (традиционно старообрядческого места). Учился он в Ивановском политехническом институте и в Ленинградском военно-механическом. Устинов был назначен директором завода «Большевик» (бывший Обуховский) и затем – в 33-летнем возрасте – наркомом вооружений СССР. Деятели с подобными биографиями преобладали в сталинском призыве. М. Г. Первухин из поселка Юрюзанского завода Уфимской губернии родился в единоверческой семье кузнеца. Он стал наркомом электростанций и электропромышленности СССР, заместителем Сталина по СНК СССР. М. З. Сабуров – из семьи потомственного пролетария Екатеринославской губернии. Пройдя большой производственный путь, перед войной утвержден главой Госплана СССР, заместителем председателя СНК СССР. И. А. Бенедиктов из старообрядческого фабричного поселка Новая Вичуга Костромской губернии, рабочий Вичугской текстильной фабрики окончил Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, был агрономом, возглавлял совхозы; с 1938 года – наркомом земледелия СССР. Уроженцами Соликамского уезда Пермской губ. были И. Г. Кабанов и И. И. Малышев. Их родные поселки Усолье и Майкор располагались в центре часовенного старообрядческого согласия на Урале. Оба из рабочих семей, оба прошли хорошую заводскую школу; Кабанов перед войной стал наркомом пищевой промышленности СССР, а Малышев возглавил геологическую отрасль страны. А. П. Завенягин родился в семье паровозного мастера из Тульской губернии. Семья отличалась патриархальностью; деда Завенягина за благообразный вид и знание Священного писания часто сравнивали с протопопом Аввакумом, что весьма характерно. По окончании Горной академии Завенягин был директором ряда предприятий, в том числе знаменитой Магнитки и Норильского горно-металлургического комбината. Назначен первым заместителем наркома тяжелой промышленности СССР. К группе выходцев из староверия, занявших ключевые посты в советской экономике, примыкали и те, кто не был старовером по рождению, но имел схожие жизненные предпочтения.

- И этих сосчитаем. И левеллеров, и санкюлотов, и прудонистов - туда же. Все староверы. Почему-то Пыжиков забыл упомянуть Хрущева. Завеняина Сталин уничтожил. Село Мокша никакого отношения к старообрядчеству не имеет, Устинов работал в т.ч. в Перми, друг моего деда, рабочего Мотовилихинского завода, никакой не старовер. Мошка – это российские финно-угоры. Усолье тоже не имеет отношения к старообрядчеству, все 40 исторических памятников, включая Спасо-Преображенский собор, выстроены после раскола и являются никонианскими. Собственно населения до возникновения там центра солеваренной промышленности в Усолье не было. Поселок Майкор (дер. Турманская) расположен в Юсьвинском районе Коми-округа, население – коми. Вичугские ткачи в 1932-м подняли восстание против тирании Сталина.

То касается Шуи. Старообрядцев там отродясь не было. В период раскола там свирепствовала моровая язва. 15.3.1922 небольшая часть населения Шуи вышла на центральную площадь, чтобы защитить от экспроприации Воскресенский собор. Для подавления применили оружие. 10.5.1922 были расстреляны провокаторы – протоиерей РПЦ Павел Светозаров, иерей Иоанн Рождественский и мирянин Петр Языков. Пыжиков стерилен в истории России, но врет, как дышит.

Далее пойдем по фразам:

«Важно и еще одно обстоятельство: новые сталинские выдвиженцы были русскими. Об этом в первую очередь свидетельствует их конфессиональное происхождение: к староверческой среде по рождению могли принадлежать только этнические русские».

- О, мы знаем эти кадры! Еврей Каганович, еврей Молотов (Скрябин), армянин Микоян, обукраиненный Хрущев, менгрел Берия, старовер Ежов, ставший врагом русского народа, идиот Ворошилов, татарин Абакумов, наконец, инородец Сталин... Добавим десятки тысяч специалистов и ученых, с которыми расправился Сталин...

«Но вот что удивительно: сегодня не признается именно «русскость» этих видных организаторов советской индустрии».

- Особенно хочется подчеркнуть русскость таких видных создателей советской индустрии, как Харитон, Зельдович, Ландау, Амбарцумян, Лангемак, Лавочкин, западник Капица...

«И дело не в том, что никто и никогда не учитывал их староверческое происхождение. Дело в том, что современная историография настойчиво выставляет их ненавистниками всего русского».

- Это уже полная чепуха.

«Получается, что сталинские выдвиженцы во главе с Маленковым, имеющие староверческие (то есть самые что ни на есть русские) корни, боролись против национального проекта. А этот национальный проект продвигала так называемая «ленинградская группа». Чтобы доказать абсурдность данной идеи, проведем небольшую конфессиональную экспертизу».

Далее Пыжиков выводит группу ленинградских «никонианцев»: Алексей Кузнецов, Н.А. Вознесенский, М. И. Родионов – из никонианских мест. Хорошо, пусть мы на миг станем сумасшедшими и запишем их в верующие. Но дальше-то! П. Г. Лазутин, П. С. Попоков, М. В. Басов – Пыжиков даже не поминает их корни, просто огульно засовывает в никонианцы.

Знаете, как Пыжиков записал А. Н. Косыгина в никонианцы? Четырьмя словами: он «был далек от староверия». Каждый день Косыгин в церкву хаживал и еще дома под образами лбом об пол шмякался.

«Таким образом, - лихо делает вывод Пыжиков, - «ленинградцы» во власти – это группа выходцев из никонианской среды». При этом умудрился не привести ни единой ссылки. Ай, мошенник!

Теперь-то стало всё ясно. Ленинградское дело – тут Сталин вовсе ни при чем, тут старообрядцы уничтожали никонианцев. Как еретиков. Во инквизиторы, во звери!

Но дальше Пыжиков выбалтывает интересную вещь:

«К тому же «ленинградцы» погрязли в семейственности: дочь Кузнецова вышла замуж за сына Микояна; жены Вознесенского и Косыгина состояли в родстве. Родной брат Вознесенского стал министром просвещения РСФСР. Сам Жданов двигал вверх брата своей жены А. С. Щербакова, ставшего в последствии ни много ни мало 1-м секретарем Московской парторганизации. Пристроил своего сына на руководящую должность в Отдел науки ЦК ВКПб, под крыло Кузнецова».

- Ну, что? Кто говорил, что в СССР не было наследственного права?

«Поражение «ленинградской группы» усилило «староверческую партию» во власти. Правой рукой вождя становится Маленков; укрепляются Булганин, Первухин, Сабуров, Малышев и др.; в их руках находится управление всей экономикой страны. Реорганизация верхушки на XIX съезде партии, расширившей состав президиума ЦК, не поколебала их положения. Эти перемены были нацелены на постепенное вытеснение Молотова и Микояна, которых Сталин уже перестал воспринимать как соратников, а также Берии, в глубине души намеревавшегося «сорвать банк» и предстать в образе сталинского наследника (опять читает мысли мертвецов, Б. И.). Смерть вождя способствовала восстановлению их положения... прояснилась и главная интрига изменившейся обстановки в верхах: «староверческой партии» технократов, руководивших правительством СССР (после Сталина Маленков стал председателем Совмина), вызов бросили функционеры

ЦК. У партаппарата появился вожак – Хрущев, которому после дележа сталинского наследства достался пост 1-го секретаря ЦК. Тогда эта позиция не являлась ведущей... реальные рычаги управления концентрировались в Совмине. Возглавив ЦК, Хрущев начинает активно оспаривать у Совмина право солировать в экономике, апеллируя к ленинским традициям, попорванным Сталиным. Он неустанно повторяет: только партия должна быть центром принятия любых хозяйственных решений».

- Пыжиков не курсе реформ, которые собирался проводить Хрущев. Однако: теперь Пыжикову старовер Молотов уже негоден.

«Хрущеву удалось зафиксировать лидерство в рамках партаппарата, здесь он опирается на одну из сильных парторганизаций – украинскую. В этой крупнейшей после РСФСР республике скопилось немало кадров, жаждущих попасть на вершину власти. Хрущев не считался среди них признанным вожаком; в качестве руководителя он появился в этих краях только в 1938 г. В 1949-м его вновь отзывают в Москву, к тому же около 4 лет его украинской эпопеи фактически вычеркнула война. Однако пост 1-го секретаря ЦК позволял проявить себя, чем Хрущев и воспользовался. 19.2.1954 по его настойчивой инициативе в честь 300-летия присоединения Украины к России этой республике передается Крым... В итоге на Хрущева начинают ориентироваться местные кадры».

- Пыжиков опять не в курсе: Крым передал именно его любимый старовер Маленков.

«... позиции украинцев в большевистской элите были слабы. Они не находились даже у руля республиканской компартии. ЦК КПУ в 20-е возглавлял Каганович, в 30-е поляк из рабочих Косиор, а «смотрящим» по республике был сталинский эмиссар из ПБ ЦК ВКПб Постышев – выходец из русской старообрядческой среды промышленного Иваново-Вознесенска».

- Постышева Сталин тоже расстрелял. Интересно, каким местом думает Пыжиков.

«Сталин с известной подозрительностью относился к украинским кадрам. К примеру, его смущала та легкость, с которой немецко-фашистские войска овладели обширным регионом. Все указывало, что большинство местного населения скорее не ввязывалось в борьбу с захватчиками (очагом сопротивления стал все тот же Донбасс). К концу жизни Сталина в правительстве, насчитывающем свыше пятидесяти министров, украинцами являлись лишь шестеро».

- Это тоже фантазии Пыжикова. Сталин настолько подозрительно относился к украинским кадрам, что устроил украинизацию, передал Украине несколько русских регионов.

«... доклад XX съезду расколол советское общество, однако Хрущев добился главного: выведя вопрос о культе личности в публичное пространство, он победил «староверческую партию», которая намеревалась решать эту проблему с минимальными издержками для общества. Действия Хрущева не просто неэффективны, они граничат с преступлением».

- Итак, оказывается, Сталин зря проводил украинизацию, украинцы подвели! Далее подлый Хрущев перетаскивает своих украинцев, Кириленко, Кириченко, Подгорного, Гречко и прочих подлецов. Но заметьте: Пыжиков считает, 1) что культ личности все-таки был, 2) что этот культ был проблемой. Однако – понимал это Хрущев или нет – он действовал не только в плане борьбы за власть, а в плане опережения. Чтобы подавить – нужно возглавить, если бы Хрущев не сделал доклад (под сурдинку, только для съезда), о репрессиях стали бы говорить на каждом углу.

Но причем тут вообще староверы? Молотова, якобы старовера, как пишет сам Пыжиков, хотел убрать сам Сталин, Маленков никаким старовером не был, Устинова, якобы старовера, никто и не думал убирать, Каганович – еврей, Сабуров – татарин, и т.д.

«1957–1960-е – судьбоносный период советской истории. В это время из руководства была устранена практически вся «староверческая партия». Своих постов лишились Маленков, Булганин, Первухин, Сабуров, Зверев, Казаков, Бенедиктов, Мальшев (умер), стареющий Ворошилов, а также Каганович и др. Именно после этой кадровой революции украинские кадры потоком хлынули на вершину власти. В отличие от устраненных руководителей, они строить ничего не жаждали: их привлекало общесоюзное «хозяйство», создаваемое преимущественно трудом русских».

- Украинцы – не делали ничего, тунеядцы. Белорусы тоже. А эти ленивые армяне, татары, евреи... И о чудо- с уходом староверов наблюдался невиданный экономический взлет, открыт и внедрен мазер, на воду спущен первый в мире атомоход «Ленин», был создан ракетно-ядерный щит, СССР стал первой космической державой...

«С приходом Брежнева номенклатурные верхи СССР оказались в пучине украинского влияния. Достаточно взглянуть на состав ЦК, избранного XXV или XXVI съездами: секретари обкомов (независимо от географии), министры, высшие чины аппарата ЦК и Правительства – такого количества украинских кадров в стране не было, наверное, с конца XVII – первой половины XVIII века, когда теми нащипгивалась романовская элита. Им досталось неплохое наследство. ... Фундамент, заложенный в 1950-х годах, позволил брежневской элите прекрасно себя чувствовать вплоть до конца 1970-х».

- Спасибо. Всего абзацем выше – «украинские кадры... строить ничего не жаждали». И тут же – «фундамент, заложенный в 50-х, позволил...». И автор даже не замечает противоречия, поскольку – дурак.

«Хрущев инициировал масштабную антирелигиозную кампанию. Судя по всему, это не вызвало энтузиазма у его украинских сподвижников: не случайно после его отстранения ситуация вокруг РПЦ быстро стабилизировалась, и при Брежневе церковь могла себя чувствовать достаточно спокойно. Выпады хрущевской поры уходили в прошлое, сменяясь сочувствием или, точнее, скрытой до поры до времени тягой к церкви».

- Да... тянулся русский народ к церкви. Можно сказать, он ее сильно любил. С радостью нес попу свои кровные. Потому и бежал от нее к попам, а еще лучше к беспопам...

Напомню, в чем соль хрущевской антирелигиозной кампании. Вождь обложил доходы церковью налогом. После чего множество служителей господа сочло за благо позакрывать свои церкви.

«Здесь мы подходим к важному элементу внутрисоциальной жизни в СССР. Дело в том, что латентная тоска по русской (т. е. никонианской) церковности была свойственна не только украинской, но и еще одной части советской элиты».

- Экстрасенс Пыжиков теперь обнаруживает у советской элиты – тоску. По РПЦ.

«По внешним признакам эта группа была этнически русской, и условно ее можно назвать наследницей «ленинградской группы». Если последняя в литературе считается некой русской «протопартией» в КПСС, то ту часть номенклатуры, о которой идет речь, относят к русскому национальному движению более уверенно; ее состав довольно хорошо изучен (Митрохин Н. Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. – М., 2003). Кто же из функционеров олицетворяет русское национальное движение внутри КПСС? Шелепин, Семичастный, Егорычев, Ф. Д. Кулаков, Г. И. Воронов, Полянский, Н. Р. Миронов, Демичев, Л. Н. Толкунов, П. В. Кованов, С. П. Павлов. Однако ни у кого из них в биографии не встречаются одновременно два важных фактора: работа в крупной индустрии и старообрядческие корни. Так, Воронов (из семьи интеллигентов-учителей, дошел до предс. Совмина РСФСР), единственный, кто непродолжительное время поработал на стекольном и фосфатном заводах. Кованов из города Коврова Владимирской губ. (место, правда, староверческое) – также имеет интеллигентское происхождение, какое-либо производство миновал, учительствовал; затем партийная карьера, главред «Комсомолки», гендиректор ТАСС. Егорычев – из крестьян с. Строгино. Поясним: восточные окрестности Москвы издавна населяли староверы, на западной же стороне, откуда родом Егорычев, их никогда не было. На индустриальных предприятиях никогда не работал. Шелепин родился в никонианском Воронеже в семье служащих; после учебы начал комсомольскую карьеру. Кулаков родом из крестьян Курской губ. (оттуда родители Брежнева). Павлов из семьи служащих г. Ржева Тверской обл., обучался в институте физкультуры, шел по комсомольской лестнице. Хотя в Ржеве сильное присутствие староверов-поповцев, Павлов к ним отношения не имел. Семичастный, Миронов, Полянский вообще родом из крестьянских украинских семей. Перед нами представители интеллигентско-крестьянских слоев Южных и Черноземных регионов. С религиозной же точки зрения все они произошли из никонианской среды».

- Теперь всё ясно. Воронов, Егорычев, Кулаков – они, конечно, русские. С одной стороны. Но не совсем. До дворянского старообрядческого русского не дотягивают. Кожа у них хоть и белая, но какая-то желтоватая. Они проторусские. Может ли чистокровный ариец, член НСДАП, жениться на чешке? Ни в коем случае. А евреи – вообще каста неприкасаемых.

В то же время: Ленин родился в старообрядческой местности, ясное дело – старовер. А вот Крупская – типичная никонианка. Институт научного атеизма возглавляли русские А. Ф. Окулов, П. К. Курочкин, Э. Г. Филимонов, два старовера, третий никонианец. Ковпак, Кожедуб, Степан Артеменко, Люда Павличенко, маршалы Рыбалко, Тимошенко и еще тысячи, тысячи – плохо воевали. Украинцы!

«Это делает их особенно близкими к украинскому духу. Не случайно «русская партия» брежневского издания сильно разбавлена этническими украинцами (а черноземные области России – территории с сильным украинским влиянием). Так что «ленинградская группа» с точки зрения этнической принадлежности выглядела получше. И вот эти подлинные патриоты...»

- Несмотря на то, что не чистых кровей, не староверческих. А есть еще патриоты неподлинные!

«... противостояли либералам, которые после хрущевской оттепели хорошо освоились в публичном пространстве».

- А либералы-то откуда взялись?? А, это украинцы.

«Либеральные настроения находили отклик и у части советской номенклатуры, все больше засматривавшейся на прелести Запада. (Хрестоматийный пример А. Н. Яковлева.) ... такая идеологическая проекция (патриоты-либералы) совершенно размыла «староверческую партию», остатки которой существовали и в брежневскую эпоху. Причем ее представителей обычно считают противниками русской идеи... из староверческой русской среды вышли Устинов и Суслов. Эти выдвиженцы Сталина пользовались немалым авторитетом в верхах – теперь уже в качестве членов ПБ ЦК. Их неизменно аскетичное отношение к жизни резко диссонировало с разгулом украинской элиты. В состав ПБ входил и еще один, имевший схожее происхождение Громыко. Подлинная фамилия его отца и деда – Бурмаковы; уроженцы Ветковского р-на Гомельской обл. Белоруссии. На протяжении XVIII в. в этих местах оседали русские староверы, бежавшие от никонианского государства и церкви; все деревни этого местечка были заселены русскими. Одна из деревень - Большие Громыки, поэтому в официальных документах царской империи под фамилией Громыко значилось большинство проживавших в ней староверов. В конце жизни Громыко с большой теплотой писал о старообрядцах... благосклонно относился к иконам и старинным книгам. «Обстановка родного края влияла на меня духовно и в последующем», – говорил он».

- Особенно аскетом был Устинов, который вместе с моим дедом удил рыбку и, как и дед, был не дурак выпить. И закусить.

Неясно, Громыко писал в теплотой о родном крае или о старообрядцах, всё ведь в руках фантазера Пыжикова. Но как такой ортодокс как Суслов у Пыжикова загремел в старообрядцы? А уж каким аскетом был Сталин, с его командой поваров и регулярными коллективными возлияниями.

Далее Пыжиков неожиданно переходит к чужой партитуре и поминает «советский проект». Т.е. были такие, знаете ли, проектировщики истории.

«... Советской проект, заряженный верой русских людей в лучшую жизнь, был полностью выхолощен и дискредитирован брежневским (украинским) руководством, подготовившим развал великой страны...»

- Но как? Советский?? Ведь советский «проект» - интернационален, он и для татар, и для евреев... Но в следующей строке советский проект неожиданно становится русским проектом.

««Символ веры» русского проекта. В предыдущей главе мы рассмотрели организационную сторону формирования «староверческой партии», вычленив ее из традиционного ракурса: космополиты-либералы и патриоты.»

- Пыжиков смешивает разные времена.

Космополитами, т.е. гражданами мира, называли себя древние циники, т.е. киники, т.е. жившие как собаки, напр., Диоген что в бочке.

С конца 40-х и в 50-е космополитами назвали советских сионистов, ратовавших за репатриацию.

Пыжиков же легко подменил пролетарский интернационализм, т.е. объединение пролетариев всех стран против мировой буржуазии, космополитизмом.

Но ведь эти же самые интернационалисты, якобы космополиты, воевали как раз с либералами! А сегодняшние либералы – это вовсе не либералы царской России, которые желали свободы печати и прочее, это проамериканские либералы.

Мы пропустим нижеследующие литературоведческие потуги Пыжикова. Отметим лишь типичную, в том смысле, что ничем не подкрепленную фантазию Пыжикова:

«Красин воспевал иностранных толстосумов, а вот о русском народе за ненадобностью предпочитал не вспоминать».

Прямо-таки предпочитал не вспоминать? Так Красин и говорил Пыжикову? И как Красин воспевал толстосумов? «О, толстосум богоравный, ликом ты затмеваешь солнце, затылком луну...»

Однако окончание литературного изыска мы приведем. Ибо читатель еще не знает, что ему приготовил Пыжиков.

«... перед нами, каким бы странным это ни казалось, два русских народа, с разными помыслами и различным пониманием блага для себя и своей страны. Есть ли между ними общее? Белов с легкостью отвечает на этот сложный вопрос: все они были проданы Сталиным. Кому? Разумеется, пленуму ЦК ВКПб, состоявшему из евреев-инородцев да Калинина «с козлиной бородой, олицетворявшим в партии зачумленный и обманутый народ». Сталин, вынужденный считаться с инородческой кликой, просто-напросто купил себе место на троне: «он заплатил за него чистой в основном русско-украинской кровью». Вот только не любят наши патриоты уточнять, что затем произошло с этой всемогущей кликой. Напомним: в 1937–1938-х ее практически в полном составе отправили к праотцам, и сделал это, как можно догадаться, не святой дух... Но признавать это очень невыгодно, а потому мы который год слушаем и читаем, как Сталин безуспешно пытался освободить Москву от интернациональных сетей».

- Весьма ценное замечание Пыжикова, спасибо! Когда монархисты и прочие шовинисты клянут большевиков за репрессии, забывают, что Сталин большевиков почти поголовно истребил.

С другой стороны. Значит, Сталин насаждал староверов из рабочих. В результате наверху засели инородцы. Затем Сталин уничтожил всю эту клику (правда, не только в 1937-38 гг., но и на Московских процессах). Т.е. клику – интернациональную. Но по Пыжикову это вовсе не значит пришествие любимых старообрядцев! Пойми, кто может. Ясно только, что сначала было уничтожение клики, то бишь, ленинской партии, а уж потом русско-украинская кровь.

«К очищению России от инородческого засилья, оказавшемуся «неподъемным» делом для Сталина, приступили истинные русские патриоты современности. Национально ориентированные кадры взвалили на себя миссию по освобождению русского человека».

- Вот оно! Вот так вот!

Но кого, кого Пыжиков имеет в виду, какие кадры, пофамильно? Да ведь это... Не может быть?!

«Только в свете сказанного выше придется уточнить: какого человека, того, что у Леонова с Абрамовым, или у Можая с Беловым? Удивительно, но факт: персонажи Можая и Белова абсолютно далеки от героев Леонова и Абрамова. Отношение к последним, как к «недоделанным» – слегка ироническое (вспомним Зарудного с коттеджами из повести Абрамова «Пути-перепутья»), иногда переходящее в раздражение. Это в том случае, когда «недоделанные» мешают частнособственническим грезам, да еще и нарушают духовную идиллию, проявляя равнодушие к «святым святым» – к выпестованной на Украине РПЦ. Именно этой позиции уже в постсоветской России противостоял исследователь русской литературы Д. С. Лихачев. Эта знаковая фигура стоит особняком среди русских патриотов, идентифицирующих себя исключительно сквозь призму никонианства».

- Стало быть, патриоты – через призму никонианства. Свежо. ... Подспудно чувствую, что истинным русским патриотом у Пыжикова является Вова Путин.

Но... как пришло в голову Пыжикову записывать в русские патриоты гордость перестройки Лихачева, который врал, что несколько раз был в расстрельных списках? В курсе ли Пыжиков, что Лихачев – креатура Горбачева, бывший лагерный сотрудник ГПУ-НКВД? В 1932-м Лихачева неожиданно освобождают досрочно, в 1936-м, когда репрессии начинают усиливаться, с Лихачева снимают все судимости. С таким-то оппозиционным прошлым (якобы) он попадает в спецсписки АН СССР, и его

вывозят из блокадного Ленинграда. С 1938-го начинается его резкий карьерный взлет – после этого он непрерывно вплоть до смерти (в 1999 г.) коллекционирует различные должности, звания, членства, награды. В сталинском СССР защитил две диссертации подряд (июнь 1941 и 1947 гг.), был избран членом-корреспондентом (1953), и в 1952 г. получил Сталинскую премию.

Лихачев являлся иностранным членом академий наук Болгарии, Сербии, Венгрии, Британии, Австрии, Германии и США; почетным доктором 12 известных европейских университетов, был связан с фондом Сороса.

«... важнейший процесс выдавливания из советской элиты инородцев, финишировавший 1937–1938 гг., остается и сегодня совершенно недооцененным. Старательно не замечается, что дореволюционная (преимущественно инородческая) гвардия была сметена уроженцами мощных регионов Центра, Урала, Поволжья, Севера. Великороссы не просто выходят на лидирующие позиции, но и создают фактически новую партию. Во внутреннем же содержании восхождению коммунистов из народа на властный Олимп сопутствовал невиданный в нашей истории национальный подъем, обеспечивший победу в кровопролитной войне, создавший мировую «сверхдержаву».»

- Так были сметены – или не хватило сил у Сталина очистить землю русскую от евреев? И какой национальный подъем случился в нерусских Украине, Белоруссии, Армении? Три великоросса водрузили знамя над рейхстагом, один грузин, другой (Егоров) татарин...

«... новые партийцы руководствовались уже не марксистскими истинами, а национальной идентификацией, выраженной идеологемой: «русское – это лучшее и передовое». Интернационалистические мотивы в системе их ценностей занимали подчиненное место, лишь подкрепляя осознание собственной исключительности. Для этих коренных русских людей из низов национальное возрождение не подразумевало РПЦ. В 30-е с ним, как, кстати, и с РПЦ расправились без особых усилий. В итоге поиск и разговоры о русской религиозной реформации надолго утратили какой-либо смысл. По современной научной традиции ее задавили инородческие силы, правившие бал в советской элите и после 1937 г. Но невиданный ранее социально-экономический переворот не мог не иметь глубоких корней в национальной почве. Перемены такого масштаба не могли реализовать инородцы–леваки посредством проповеди о мировой революции, которой крайне тяжело увлечь русского человека. Потому-то эти революционеры и были обречены на гибель. Их смел мощный национальный тренд, идущий из глубин русского народа. Его вызревание и существование до сих пор остается неосознанным историографией, склонной рассматривать советский проект в качестве чего угодно, но только не как результат развития внутренних процессов... У Российской империи, выстроенной на западный манер, существовал антипод в лице русского старообрядчества. ...»

- И опять, опять молоко с кровью. Никто из большевиков никогда не старался «увлечь» идеей мировой революции. Большевики объясняли. Что без мировой революции Октябрьская социалистическая революция, произошедшая в отсталой России, неминуемо потерпит поражение.

Мало того, что до перестройки русское – далеко не лучшее и не передовое, кроме космоса. Например, компьютеры, телевизоры, автомобили... Но суть-то в том, что сколько ни повторяй глупость, она истиной не станет. К сожалению Пыжикова, старообрядчество не сыграло в жизни СССР ровным счетом никакой роли.

Казалось бы, не просто тошно, но бессмысленно критиковать откровенные глупости, которые и без критики понятны всем как глупости. Не искушает и знакомство с богатым материалом, представленным Пыжиковым (особо по поводу РПЦ), хотя и просто дико им интерпретированным.

Искушает только возможность в очередной раз повторить марксистскую точку зрения на узловые моменты истории.

Февраль – март 2019